

84/2100 = 20/16
П-70

Геннадий
Трашкевич

Трое из Тайги

В двинотскую газету «Таймырский
рабочий»,
в которой начинался когда-то
клуб авиаторов —

Зен. Крашневич.

21. 2. 1984. 5

Тайга

Геннадий Прашкевич

84 (2рос = Рус) 6

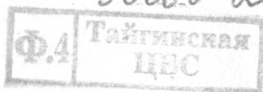
П-70

ТРОЕ ИЗ ТАЙГИ

*Сложная жизнь Кольки Зырянова,
рассказанная им самим*

50660-2

Новосибирск
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

ГБУ "ЦБС Тайгинского
городского округа"

Новая книга писателя Геннадия Пращкевича посвящена сложной жизни и веселым приключениям трех друзей-семиклассников из маленького городка Тайга — Кольки Зырянова, Женьки Пылаева и Фариды Латыпова. Утверждение дружбы, взаимовыручка, интерес ко всему, что их окружает, — вот что ведет ребят к новой, самостоятельной жизни.

Часть I

ЭТИ ВЕЧНЫЕ, ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ...

В начале ноября Венера перейдет в созвездие Девы, в декабре — в созвездие Весов, в самом конце месяца — в созвездие Скорпиона. Седьмого января она появится в созвездии Змееносца и только через неделю достигнет Стрельца, где начнет сближаться с Меркурием.

Ф. Латыпов. Из дневника наблюдений

Один древний грек написал, что человек — это двуногое существо, на котором не растут перья. Если бы этот грек изучал палеонтологию — науку о давно вымерших организмах, — он отказался бы от своего определения, потому что, например, динозавр игуанодон тоже ходил в свое время на двух ногах и, как человек, никогда не обростал перьями!

Н. Зырянов. Из дневника

Мне все равно — с чем пирожки...
Лишь бы их было много!

Е. Пылаев. Устное сообщение

Тетрадь первая

ПЯТНИЦА

Холодный декабрь и старая карта. Первый долгожитель Тайги. Линза для рефрактора. Прохождение звезды Спика. Счастливы ли страус и птица дронг? Несколько слов о моей теории. Зануда В. И. и астрономическая задача. Я рисую на снегу себя и Катю.

1

Декабрь выдался такой холодный, что даже Генка Смолин, наш самый знаменитый на все школы города спортсмен, забросил свою хоккейную клюшку на чердак, перешел в шахматисты. На каждой перемене пристает ко мне или к Женьке Пылаеву: ему, Смолину, хочется, видите ли, выйти в финал школьной шахматной олимпиады! В финале играют такие асы, как Колька Часовских и Валька Богданов из 10 «а», и меня, и Женьку Смолин выбрал специально — на нас ему удобнее отрабатывать домашние заготовки! Я со Смолиным кое-как справляюсь, не сажусь с ним за шахматную доску, а вот Женьку Смолин затравмировал — Женька ни в чем никому отказать не может. Садится играть, а обвиняет потом меня: почему, дескать, не остановил? Общий счет с Генкой у него уже 3 : 68, конечно, не в пользу Пылаева. Да и три очка он взял на ничьих. Я сам слышал, как Смолин хвастал перед Светкой Домбровской: вот доведу, мол, счет до ровного, до 103 : 3! И доведет, если Женька не возьмется за ум!

А ведь дел у нас с Женькой по горло! Нам, честно говоря, совсем не до шахмат, — времени не хватает даже на занятия, Новый год на носу, а тут еще Фарид выпросил у отца карту Гурьевских пещер. В этих пещерах, говорят, скрывались в гражданскую войну красные партизаны. Дед Шунько из Таловки, тот, что сам воевал когда-то, разыскал у входа в пещеры ржавый маузер; почему бы и нам не отыскать боевое оружие партизан или записку неизвестного героя, спрятанную в стреляную гильзу? Отыскать и представить в школьный музей: вот, мол, мы не только зубрим учебники, но и сами всерьез задумываемся над историческими событиями, как прошлыми, так и настоящими!

Мысль о пещерах подал Фарид Латыпов — наш астроном и самый близкий мой и Женьки Пылаева друг. Фарид — тощий, черный и немного косолапый. Это наследственность сказывается: его предки татары всю жизнь проводили в седлах. Фарид нам стихи показывал: «Бисмилля! — тут он складывал руки на груди. — Я в далеких походах забуду себя, я в битвах — по году, в обидях — по горло, я родился в седле, умираю в цепях, меня водят пешком, как собаку, по городу!..» Тут Фарид, конечно, перехватил. Обид особенных у него ни на кого нет, в далекие походы он только еще собирается, про битвы и говорить нечего! Вот пешком — это да, ходит! Но про собаку напрасно...

Добытая Фаридом карта оказалась такая подробная, что Женька, вода по ней толстым указательным пальцем (гвоздь пальцем сгибает!), сразу нашел и пасеку Львова, и дорогу на Таловку. Он же показал нам места, где до сих пор растет одичавший крыжовник и где на много-много километров тянутся старые гари, заросшие колючим малинником.

Женька знает!

У Женьки дядя живет в Таловке.

«Никто, — сказал нам Женька, — не сравнится с моим дядей!» Мы приготовились слушать: может, дядя завалил медведя или один на один встретился с рысью. Ничего подобного! «Никто лучше моего дяди не может сварить компот!»

Зная, как любит Женька поесть, речь мы тут же перевели на пещеры, и больше всех горячился Фарид.

— Я вам погоду предскажу на месяц вперед, раз! — загибал он пальцы. — Я вас научу ориентироваться в темноте по магнитному полюсу Земли, два! Я вам даже определю глубину пещеры, если вы растеряетесь и не сможете замерить ее сами!

Насчет определения глубины он просто загибал, без пальца. С этим мы сами справимся!

Но никто Фариду не возражал. Мы сидели у меня дома, смотрели на карту, и чудно как-то было: лес, болото, две речки, кустарники, деревня, а вот выше по горе нарисовано что-то вроде запечатанного конверта и сделана сноска на такой же знак внизу. А там написано: «загрязненный лед».

— Почему лед? — удивился Женька.

— Ну как почему? — Женька покрутил над собой рукой, взъерошил черные волосы: — Потому и написано лед, что лед там лежит.

— Летом? — не поверил Женька. — На поверхности?

— Я точно не знаю, — признался Фарид, — но раз написа-

но лед, значит, так оно и есть. Может, там вечная мерзлота наружу выступила.

— Хватит дурить! — призвал я обоих к порядку. — Приедем, увидим. Если что неправильно, внесем поправку, вот и карта точнее будет. Лучше подумаем, как нам взбираться на такую вот ледяную скалу, если она встретится нам под землей. Знаете, как тесно и как холодно в подземных лазах? То-то! Запросто можно простудиться и помереть. Чихнул, и нет тебя! А то еще застрянешь в расщелине. Тоже не шутка. Попробуй, — предложил я Женьке, — попробуй пролезь под этим диваном!

— Что я тебе — швабра? — обиделся Женька.

А Фарид пролез!

Я говорю:

— Ты, Фарид, как змея. У тебя данные настоящего спелеолога. Мы с тобой пройдем любой подземный ход!

— Тоже мне! — разозлился Женька. — Есть и другие дела. Зачем это нужно под землю лезть?

— Для истинно философского ума все в равной степени достойно знания!

Только тут Женька смолк. Я иногда специально пугаю его такими цитатами.

Но дело встало не из-за Женьки. Дело встало из-за Латыпова.

Фарид у нас не такой, как все. Он всерьез увлекается астрономией, он запросто отыскивает на ночном небе любую звезду. А если спросить его, чем восточная элонгация отличается от нижнего соединения, он ни на минуту не задумается — сразу ответит. Причем не цитатой, а своими словами.

Еще Фарид упрям. Еще у Фариды прозвище есть — Долгожитель.

Три года назад, еще в пятом классе, Фарид начитался научных книжек и решил побить рекорд всех земных долгожителей. В самом деле, какой-то английский священник прожил почти двести лет, а венгерский крестьянин Петр Зоротай — все сто восемьдесят. Кавказцы наши долго живут, и в Швейцарии есть долгожители, а вот в Тайге мы ни разу даже столетних не встречали. Уж на что стара бабка Фариды, старая Фатима, но и ей еще каких-то восемьдесят восемь лет.

В общем принял Фарид свое необычное решение и повел размеренную, ровную жизнь: ложился спать в четверть десятого, вставал в семь, уроки делал в положенное время, а когда мы всем классом ходили собирать металлолом, он не то чтобы

Филонил, но больше десяти килограммов старался не поднимать...

Если честно, новая жизнь Фариды нам не понравилась.

Одна только Манька Пылаева по крайней своей молодости восхищалась Латыповым и на листках отрывного календаря крестиком помечала каждый день, прожитый первым долгожителем Тайги.

А весной провалился в глубокую яму, заполненную водой, пес Пылаевых — Фингал. Фарид случайно проходил мимо, услышал плеск, вой и, как был, прямо в одежде, не раздумывая, бросился в ледяную воду, синюю, как снятое молоко. Не потому бросился, что правда имел сто лет в запасе, а потому, что любил собак. Спас Фингала, а сам схватил воспаление легких. Насилу выходили первого долгожителя Тайги.

Черная, круглая голова Фариды маячит рядом с моей уже четыре года — мы с ним с третьего класса сидим за одной партией, и все жизненные проблемы обсуждаем вместе. Ну, конечно, и с Женькой Пылаевым. Как без него? Нас так и зовут — троица.

И вот именно Фарид подвел троицу.

Случилось это еще летом, когда мы впервые задумали поход в Гурьевские пещеры.

В пионерский лагерь Фарид с нами не ездил, помогал отцу ремонтировать дом, и мы с Женькой через ребят чуть ли не каждый день посылали Фариду записки: говорят, в Гурьевских пещерах нашли винтовку-трехлинейку; уже сейчас надо начинать копить деньги на новый рюкзак; я писал — займись изучением спелеологии, прочти книгу, написанную знаменитым Норбером Кастере; Женька писал — инструменты не твое дело, он, Женька, сам выточит на токарном станке все, что может понадобиться в пути...

Но вот странно, чем чаще мы писали, тем реже нам Фарид отвечал. Да и записки от него приходили непонятные: стеклом он каким-то занялся, какие-то малые планетки его вдруг заинтересовали...

Вернувшись из лагеря, мы сразу бросились к Долгожителю.

Но попасть в дом Латыповых не так-то просто!

Бабка Фатима, черная, сухая как коромысло, терпеть не могла мальчишек. Увидев нас, она сразу забывала все русские слова, а мы с Женькой из татарских всегда помнили штук пять-шесть, и то не самых нужных... Тут попробуй сговорись!

Пока Женька отвлекал Фатиму разговорами (разговаривала, то есть ругалась бабка Фатима, а Женька только пытался вставить слово), я посигналил Фариду зеркальцем. Ответа не

было, но мы знали: дома Фарид! Дом у Латыповых большой — деревянный, высокий, рублен в лапу. А вокруг сад, и забор — Брумель не перепрыгнет!

Но мы с Женькой перепрыгнули.

Долгожитель сидел в темноватой кухне и влажной вельветовой тряпкой, вымазанной в пасте, похожей на зубную, терпеливо тер круглое, как доньшко стакана, стекло. Школьный телескоп у нас на руки никому не дают, даже Фариду, вот Фарид и решил построить такой телескоп сам.

— Тоже мне задача, стекло отшлифовать! — хмыкнул технарь Пылаев. — У меня дома есть специальная наждачная лента, мы тебе за час обдерем эту стекляшку. Стружки полетят!

— «Обдерем»! — передразнил Фарид. — Шлифовка стекла — дело тонкое, это не шишки дубиной бить.

Сидит, трет.

Мы удивились:

— И сколько надо, по-твоему, шлифовать такое стекло? Фарид прищурился, прикинул:

— Ну, скажем, так... Дней триста.

— Это же почти год! — не поверил Женька. — Целый год!

— Ага, — подтвердил Фарид. — Почти год. Зато инструмент надежный, из своих рук, всю жизнь служить будет.

— И нигде нельзя достать такую стекляшку?

— «Стекляшку»! — фыркнул Фарид. — Это не стекляшка, а двояковогнутая линза для рефрактора системы МаксUTOва. Понял?

— Понял, — ответил Женька.

— Что ты понял?

— Свихнулся ты, Долгожитель! Тебе не стекло шлифовать, а коров пасти с дядей Гришей.

Фарид кивнул. Женькины слова ему понравились. Мы глаза выпучили, когда он выдал:

— Думаете, открытия делают только профессиональные астрономы?.. Пастухи тоже! И если по-честному, то Бессель, знаменитый наблюдатель планет, был конторщиком, а Лассель, который открыл спутник Нептуна, пивоваром. Кометы, Женька, совсем не хуже, чем королевские астрономы, изучал жезтанщик Свифт, а ему помогал литограф Темпель.

— Ну, а еще кто?

— Шретер, например, — не останавливался Фарид. — Изучал он планеты, а работал судейским чиновником. Знаменитый Гершель, который открытий в астрономии сделал больше, чем ты, Женька, съел пирожков, начинал как музыкант, в

оркестре играл. Я, правда, не знаю, на каком инструменте. Швабе работал аптекарем, зато первый заметил, что пятна на Солнце меняют форму и интенсивность. Даже плотник был среди астрономов. Это Холл. Он первый открыл спутники Марса, — и Фобос, и Деймос. Ясно?

— Ясно...

Характер у Фарида, как у меня, — если что решил, спорить с ним бесполезно. Пока не сделает, ни на секунду ни на что не отвлечется. Это Виталий Иванович, или, как мы его называем, В. И., наш математик, сбил Фарида с толку. Все лето, оказывается, Фарид к В. И. бегал, слов таких хватался, что сразу и не выговоришь! Эфемериды, например. У него на книжной полке даже целый том такой появился — «Эфемериды малых планет». И на каждой десятой странице бумажная закладка. Этих малых планет, другими словами — астероидов, по словам Фарида, в Солнечной системе — как комаров в лесу. Даже названий для всех не хватает. Открывали их, открывали, и все окрещивали именами древнегреческих богов. Но где наберешь столько богов? Их и самим древним грекам не хватало, не зря они придумали титанов. Плюнули на это дело астрономы, или, как их там, пивовары да плотники, и пошли называть планетную мелочь как попало. Планетка Кармен есть, черная, наверное, как испанка. Спорим, из магнетита она! Виолетта есть, Волга, Турандот, Дульсинея и даже Тамара. Не в честь, конечно, нашей Томки Коркиной, той, что сидит на второй парте в третьем ряду и постоянно сдувает задачки то у Смолина, то у Беловой, а в честь древней, давно уже вымершей грузинской царицы.

И еще, если верить Фарида, есть планетка Витя.

В Крыму, еще до войны, жил, оказывается, такой паренек. Не совсем обычный, с загибами, как Фарид. Вместо того чтобы лазать по горам и открывать неизвестные минералы или пещеры, вместо того чтобы нырять в море и разыскивать на дне затонувшие корабли с драгоценным грузом, он ночами не спал, наблюдал за ходом звезд, очень хотел, как Фарид, стать астрономом. Ляжет себе в траву, телескоп самодельный установит и лежит, смотрит.

Что он там видел, Фарид нам не сказал, только вздохнул, как теленок. Ведь началась Отечественная война, и Витя Заславский героически погиб там же, в Крыму. Вот в его честь и назвали одну из новооткрытых планеток. Крошечная она, с корабля «Союз» на нее не высадишься, а вот летает в пространстве и таким чудачкам, как Фарид, спать не дает спокойно.

Закончилась четверть, мы поняли — Фарид окончательно влип! Мы в кино, он — домой. Мы на каток, он — домой. Мы садимся обсуждать будущую экспедицию в Гурьевские пещеры, он — домой! Одно только место посещал — астрономический кружок, одного только человека слушал — нашего зануду В. И.

— Это плохо кончится, — сказал однажды Женька, — Фарид или астрономом станет, или схватит менингит. Страшно смотреть, как он жизнь свою стеклу отдает. Лучше бы, правда, под диваном сидел. Ты, Колька, вот что, сам не дурак, сходи к астрономам, посмотри, чем им там В. И. мозги пудрит. А главное, с Котом поговори! Есть интересная информация...

Информация, добытая Женькой, меня обрадовала. Появился, наконец, шанс спасти Фариду для экспедиции. Женька — верный парень, но он не в каждый подземный ход сможет попасть. Комплекция не та. Весит почти семьдесят килограммов, щеки, как у бурундука, мышцам позавидует Жаботинский. Любого из нас из пропасти вытянет, а вот сам может застрять... Нужен нам Фарид, очень нужен!

В общем, в пятницу я пошел не домой, дочитывать «Затерянный мир» А. Конан Дойля, а в кабинет физики, где собираются наши астрономы. Они, кстати, уже и собрались. И Фарид собрался, и Кот.

Кот — это не животное. Кот — это шестиклассник, очкастый и, говорят, очень умный. Даже Фарид его называет: светило. Вот это Светило и интересовало меня: через Кольку Часовских Женька вызнал, что у Кота валяется дома старая разбитая подзорная труба; может, есть в ней стекло, какое нужно Фариду?

Мое появление удивило юных астрономов; все знали, что я только вчера схватил «тройку» по алгебре — троечников В. И. не любил. Пусть «двойка», но твердая. А «тройак» — это ни то ни се... С чего это я, подумали, наверное, астрономы, сам лезу под ясные очи нашего математика?

В. И., наоборот, ничему не удивился. Кивнул всем, глухим, простуженным голосом начал:

— Через неделю, ребята, произойдет одно очень интересное событие: Луна, перемещаясь по небосводу, закроет собой звезду Девы — Спикку. Восточный край Луны в это время не виден, и для наблюдателей Спика исчезнет сразу, а потом так же сразу появится из-за видимого края Луны. Хороший случай потренировать свою астрономическую сообразительность.

В. И. взял в руку мел, и Фарид, до этого подозрительно следивший за мной, прищурил левый глаз. Почувствовал — задача! В таких случаях он всегда прищуривает левый глаз. У нас в классе из-за Фариды постоянно нарушается симметрия: положено на двадцать шесть нормальных учеников пятьдесят два нормальных глаза, а из-за Латыпова у нас их всего пятьдесят один.

— Предположим, — простуженно гудел В. И., — что альфа Девы, или, что то же самое, звезда Спика, наблюдается в верхней кульминации на высоте H , равной шестидесяти градусам одной минуте... Как определить географическую широту места, наиболее удобного для наблюдений?

Юные астрономы зашуршали тетрадами, заскрипели перьями, а я пожал плечами. Не люблю цифр. Потрогать их нельзя, запаха у них нет, так — чистая фикция. Как в химии: H — газ, O — газ, а H_2O уже почему-то вода.

Нет, пусть Долгожитель в цифрах копается, пусть Кот их обнюхивает, меня интересует другое: сохранилась ли у Кота труба? знает ли о трубе Фарид? как забрать стекло у Светила?

Вообще-то Кота звать Сашка, и фамилия у него есть — Котов.

Перегнулся я через стол, заглянул в тетрадь Котова — во царапает! Цифры уверенные, круглые, но, конечно, до почерка Катьки Беловой ему, как до Луны!

Катька — это Катька! Это — Белова!

У нашей Катьки не только почерк, у нее и волосы красивые, и руки, и ходит она не как все — красиво!

Я видел, как она пишет. Недавно на большой перемене Светка Домбровская показывала спортсмену Смолину Катькин дневник, вот я и заглянул через Светкино плечо. Дневник, конечно, не настоящий, настоящие дневники никому не показывают, но все же интересно — что девчонки пишут и рисуют в таких толстых тетрадах? «Котик лапку помочил в красные чернила и красиво настрочил: Катя! Будь счастлива!» Вот как, оказывается, девчонки украшают свою жизнь. «Я залезу на березу, ой, какая высота! Посмотрю на нашу Розу, ой, какая красота!» А чтобы над орфографией не смеялись, еще и приписка: «Найдешь ошибку, прими за улыбку!»

Домбровская обиделась на мое хихиканье и захлопнула тетрадь:

— Зачем подглядываешь?

— Сами сочиняли?

— Не твоя забота, Зырянов! Мы, если хочешь знать, занимаемся школьным фольклором.

— А это тоже школьный фольклор? «Человек создан для счастья, как птица для полета!»

— Это классика, Зырянов.

— А страус, например, или птица дронг, они вообще не летают. Получается, природа отказала им в счастье?

Домбровская растерялась, но тут инициативу взял на себя спортсмен:

— Сказали тебе — фольклор. Отваливай!

Со Смолиным я не связываюсь. За Домбровскую он стоит горой. В одном дворе живут, чуть ли не родственники. Но, отходя, я все же не удержался:

— «Роза — лютик, Роза — мак, Роза — одуванчик. Роза, я тебя люблю, жаль, что ты не мальчик!»

Фольклор! Розка Федотова не мак. Она не лютик. Она не роза. Она типичный сорняк и ябеда, каких свет не видел.

Гляжу я в тетрадь Кота на его круглые цифры, задумался, и вдруг слышу:

— Зырянов, ты зачем к нам пожаловал?

Это В. И., наконец, заметил меня. Точнее, не меня, а то, что я ничего не делаю.

— Решил задачу? Покажи.

Юные астрономы завистливо подняли головы, а Фарид, поколебавшись, повернул свою тетрадь так, чтобы я мог видеть решение.

Но врать мне ни к чему.

— Я на кружок, Виталий Иванович, пришел ради общего развития.

Не подумайте, что я дразнил В. И.

Достаточно того, что он сам так подумал. Нахмурился, редкие брови поднял. Ну, а мне, действительно, чего врать? Это вон Фарид жить не может без задачек. А я могу. Вполне могу, потому что и кроме математики у человека всегда может найтись большое, настоящее дело. Сами подумайте! Года не проходит, чтобы в мире не происходило удивительных открытий. Астрономы обнаруживают новую звезду, медики создают новое лекарство, филологи в старых стихах открывают незнакомые мысли. А я... Я третий год разрабатываю свою теорию.

Теория у меня такая.

Много раз за историю нашей Земли случались на ней ужасные катастрофы. Только, например, расплодятся в древних океанах «трехдольные» — трилобиты — вдруг рраз! — что-то случается, и они вымирают. Только расселятся по материкам чудовищные ракоскорпионы с клешнями, как у Кра-

кена, вдруг рраз! — что-то случается, и они вымирают. Если так пойдет и дальше, то однажды рраз! — что-то случится, и мы, люди разумные, гомо сапиенсы, все, как один, вырем.

Вот я и собираю факты о различных живых существах, как бы переживших время, что им отпустила природа.

А таких существ больше, чем обычно думают.

Тут и гаттерия, живущая на острове Комодо, и Лох-Несское чудище, и латимерия, кистеперая рыба, пойманная в океане еще до второй мировой войны, и, наконец, динозавры, которые, по слухам, все еще живут в болотах Уганды. В журналах много пишут о таких чудесах, а я убежден — не чудеса это, а закономерность! Никогда ничто живое не исчезает сразу. Все живое дерется и борется до конца. И мы, люди, просто обязаны придумать такое, что предотвратило бы навсегда вымирание любых живых существ. Ведь мы не рако-скорпионы. Мы думать умеем. На Луне побывали, спустились в Марианскую впадину!

Но я еще вернусь к своей теории.

А пока...

Стою перед В. И., а он удивляется:

— Значит, ради общего развития?.. А не задумывался ты, Зырянов, что, приходя сюда ради своего общего развития, ты мешаешь конкретному развитию сразу нескольких своих товарищей?

Я вздохнул.

И, оказывается, правильно сделал. В. И. отходчивый. Он мой вздох принял за раскаяние и сразу по-своему, по-математически, пожалел меня. Полез в карман пиджака, вытащил узкую картонную карточку.

— Вот что, Зырянов. Если правда тебя интересует наша работа, пройди испытание, реши астрономическую задачу. Задача, предупреждаю, с секретом. Найдешь к ней ключ, приходи. Не найдешь, не придется она тебе по вкусу, ищи занятие, более достойное тебя. Мы тут ценим свое время.

Так и сказал, будто я похититель этого их времени.

А Кот мне кулак показал. Не испугался, знает — я его тут не трону. Да и астрономы его поддержат. Вон Фарид и то отвернулся, смотрит в сторону!

3

Так закончился мой поход к юным астрономам.

Но Кота я дождался.

«Есть стекло?» — спрашиваю. — «Какое?» — «Из подозр-

ной трубы. Уменьшительное.» — «Во, даешь, Зырянов! Нету стекла.» — «Разбил? Выбросил?» — «Генке отдал.» — «Смолину?» — «А какому еще?» — «Что ему со стеклом делать?» — «А это уж его забота.» — «Вообще-то правильно...» — сказал я и на всякий случай дал Коту подзатыльник.

Я бы ему и второй дал, да некогда, спешил, хотел увидеть Катьку Белову.

Обычно мне везет. Когда прохожу мимо дома Беловых, Катька, смотришь, то в окне мелькнет, то выскочит во двор.

Но сегодня — мороз! Стекла в корке льда, снег скрипит, дым в небо, хрипло орут на станции маневровые паровозы.

Хороший у нас город. Кому-то он может показаться маленьким, но это не так: от Забура до Шанхая пешком топать часа два. Хватает приключений. Я раньше думал, что в Шанхае правда китайцы живут, оказалось — нет. Такие же ребята, как мы, только очень гордые, без драки не ступишь шагу.

А наш район — Забур. Здесь стояли когда-то буровые вышки, геологи воду искали, вот от них и пошло название.

В холодном, стылom логу, там, где когда-то и стояли эти вышки, я подобрал обломок лыжной палки и, чтобы поднять настроение, начертил на снегу Катькины инициалы,

А рядом Катьку нарисовал.

Получилось вроде рисунка пещерных людей — круглое лицо и длинные ноги.

На самом-то деле Катька красивее.

Просто я не научился хорошо рисовать. А может, даже не научился еще в и д е т ь. Археологи, когда они натываются на пещерные рисунки, тоже не сразу начинают их видеть. Надо присмотреться, понять. А как мне к Катьке присмотреться, если я ее взгляда и секунды не выдерживаю?

Мороз пробирал до костей. Но, попрыгав, я изобразил рядом с Катькой и себя: высокий, сдержанный, сильный! Меня за рост зовут Сухостоем, но это неправда. Завидуют, Рост мне не помешает залезть в пещеру.

А попасть нам в эти пещеры вот так нужно!

Я представил, как входит в наш всегда переполненный Музей боевой славы Катька...

Нет, не Катька!

Конечно, не Катька, а самая настоящая и распрекрасная Екатерина Белова!

Внимательно осматривает она ржавый маузер, плоский винтовочный штык времен империалистической войны, читает, шевеля губами, записку неизвестного героя, извлеченную

нами из стреляной гильзы, а потом медленно поворачивается ко мне:

— Скажи, Николай, а в пещерах страшно? Неужели ты ничего не боялся в пещерах?

Она, конечно, будет иметь в виду какие-нибудь обычные страхи, вроде — мышь летучая крылами шуршит, капли в темноте падают, но я-то, известный подземный исследователь, точно знаю, чего надо бояться под землей — неожиданные завалы, узкие и коварные шкуродеры, невероятной высоты ледопады, трещины и провалы в коренной породе; вот почему, не дрогнув ни одним мускулом, я отвечаю ей сдержанно, без намека на какое-либо хвастовство:

— Когда, Катерина, с тобой друзья, — и кивну на мужественных, застывших возле витрины Латыпова и Пылаева, — когда, Катерина, с тобой друзья, опасности нас страшить не могут!

Вот тут-то Катька и сломается:

— Колька, айда в кино!

Тетрадь вторая

СУББОТА

Задача о звезде и спичке. Манькины притязания на арктических обезьян. Материальный носитель наследственных свойств. Женька Пылаев, Манька Пылаева, все Пылаевы. Негр на Северном полюсе. «На деревьях напухли бочки». Я жалею нашего Долгожителя, но молчу.

1

В субботу я поднялся рано, но дома уже никого не было: мама ушла на дежурство, а отец как уехал в четверг в Таловку принимать новую школу, так еще не вернулся. Он у меня вообще такой: что бы их строительная организация ни делала, он сам во все вникает, каждую мелочь проверить должен. Он и дома оборудовал себе верстак, строгают потихоньку, насвистывает, а то меня подзовет, ткнет носом в свежий распил:

— А ну, Николай, скажи, что за дерево?

— Сосна, наверное... Вон рыжая, как Манька Пылаева!

— «Сосна»! — засмеется отец. — Это ты сам у меня со сна. Видишь, разводы на распиле розовые, спиртом пахнут, и нет ни одного смоляного кармашка!

— Вижу.

— Так какое дерево?

— Осина.

— То-то!

Сядет он и долго трубку раскуривает. А в доме все сработано его руками. Стол, стулья, книжный шкаф, полки. Ничего из магазина, все сделал отец.

Пусто, тихо, но я люблю оставаться один. Если бы еще не мамины записки!.. «Не забудь об уроках». Их попробуй забудь.

Пошел я искать завтрак. Прямо в стайку пошел, к курам. А стайка во дворе, от холода над каждой щелью выросли кустики инея, зато внутри тепло и свет горит. От этого куры несутся всю зиму.

В гнезде сидела рябая курица. Старая, она давно забыла — как яйца несут, а туда же: дурит, пугает. Клюв разинула, высунула язык. Язык у нее, как лист алоэ — треугольный, тугой, только не зеленый, а розовый.

Шикнул я на курицу, яйца забрал и в дом. Вот он, мой завтрак. Это Женька может шарашиться по кухне, пока всего не перепробует, мне и яичницы хватает.

Сразу после завтрака я решил посмотреть на «интересную» задачку В. И. На чем это проходят проверку наши юные астрономы?

Вытащил картонную карточку, прочел вслух:

— «Можно ли звезду закрыть спичкой, которую вы держите в вытянутой руке? Вы смотрите одним глазом, другой закрыт».

Учудил В. И.!

Спичка, она хоть и тонкая, зато близко от глаза. Закрывает же во время затмения маленькая, но близкая Луна большое, но далекое Солнце. Потому закрывает, кстати, что угловые размеры Луны больше угловых размеров Солнца. Это я знаю, сам отвечал. И уж мне ли, другу Фарида Латыпова, не знать, что звезды расположены от нас так далеко, что в самый большой телескоп выглядят не крупнее точек. Угловые размеры их столь малы, что спичка по сравнению с ними — бревно.

Вот и вся задачка.

Умный у нас В. И. Как Филипок.

Захотелось мне увидеть Женьку, посмеяться над «интересной» задачкой, но я вовремя вспомнил про Маньку.

Это Женькина младшая сестра — Манька. Рыжая, как морковка. От стола два вершка, а с фантазией. Как-то я собирался в лес, Манька возьми да и подкатись:

— Коль, а Коль... Принеси обезьяну.

Я виду не подал:

— Арктическую?

— Ну ладно, арктическую.

— Я бы тебе, Манька, принес и африканскую, да на лыжах через пустыню Сахара трудно идти.

— Ну ладно, арктическую.

И ждет. Третий месяц ждет. Рыжие, они шуток не понимают. Только заглянешь к Пылаевым, начинается: «Коль, а, Коль! А где обезьяна?» Сперва я смеялся, потом начал злиться. Перекрыла Манька дорогу к другу, хоть не ходи.

2

Но надо!

Натянул я шубу, сунул ноги в валенки, шапку схватил, выскочил во двор. Уф, морозище! Улица белая, как полюс, деревья белые, все скрипит, все насквозь промерзло. Самое время проверить выдержку!

Поднял я шапкины уши, и мороз, будто этого ждал, клещами вцепился в уши, только не в шапкины, а в мои.

Честно говоря, есть за что.

Когда мама показывает гостям мои фотографии, я всегда ухожу в кухню. Лицо у меня суровое, рост хороший, в дружбе я верен, но вот уши... Ни у кого таких нет... Генка Смолин утверждает, что такие уши не для человека создавались. Уникум, дескать...

Ну, уникам не уникам, но среди моих родственников таких ушей, как у меня, действительно, ни у кого не было и нет. Испортил я своими ушами все генеалогическое древо Зыряновых.

Спешу.

Уши, как кусачками, жмет.

Не сразу услышал:

— Локаатор!

Бегу, не оглядываюсь.

— Полслона!

Не оглядываюсь.

Фарида Латыпова вот так однажды окликнули: «Долго»

житель!», он оглянулся, с тех пор так и ходит под этим прозвищем.

Не оглядываюсь.

— Ушан!

Меня не купишь. Бегу. Задрал голову. В мочке левого уха — пожар, второе вообще ничего не чувствует.

— Зырянов!

Вот теперь можно и обернуться.

Ну конечно — спортсмен Генка Смолин. Шахматы, лыжи, хоккей. Парень неплохой и с хорошей девчонкой дружит, вот только меры не понимает. Например, подпись для себя придумал, помрешь! Г е н. С м о л и н. Так и расписывается. Меня это слово — г е н — доводит до смеха. Если бы Генка внимательно слушал нашу учительницу биологии и географии Людмилу Даниловну, если бы он учебник биологии внимательнее читал, давно бы мог знать: ген — это «материальный носитель наследственных свойств». Вот и прочтите по-новому придуманную им подпись.

— Ну? — спросил я.

— Шапку поправь. Такие уши надо беречь.

Не торопись, хотя уши прямо пылали, я поправил шапку:

— Еще что?

Смолин заулыбался:

— За «пятак», ушан, даю уменьшительное стекло!

— За ушана получишь, а насчет стекла... Зачем оно мне?

— Не придуривайся. Мне Кот сказал: «Этот Сухостой, дескать, стекло ищет!»

— И за сухостой получишь... Ну, а что за «пятак»?

— Обычный. В журнале и в дневнике. Чего непонятного, — Генка легонько ткнул меня в грудь. — Будет во вторник тематический урок по биологии?

— Будет.

— Кто этот урок ведет?

— Я веду.

— Ну и что тут непонятного? Ты мне «пятак», я тебе стекло. И все дела. — Генка принял боксерскую стойку и, согреваясь, нанес несколько мощных ударов невидимому противнику.

— Бой с тенью, — пояснил он и сплюнул в снег: — Я всяких членистоногих терпеть не могу!

— А что их терпеть? Надо просто страничку учебника заучить. Тоже умник! На тематических уроках не спрашивают. Мое дело — изложить новый материал просто и интересно.

— А зачем меня спрашивать? — удивился Смолин. — Сдались мне эти твои членистоногие! Просто впиши «пятерку» в журнал, как бы за активную работу.

— А «шестерку» не хочешь?

— Боишься? — Генка опять сплюнул. — Да твоя Людмила Даниловна относится к тебе, как к Дарвину. Сам говорил.

— Это неважно. Давай лучше о стекле поговорим.

— А мы о нем и говорим. Ты что, не понял? — Генка принял боксерскую стойку: — Боишься?

— Врать не люблю.

— Ну, тогда не видать тебе стекла, Сухостой.

— А тебе, ген, «пятака» век не видеть!

И, не оборачиваясь, я рванул к Женьке.

3

Дом Пылаевых почти рядом, но по такому морозу — далеко. Я бежал и злился. Ну, Кот, все разболтал! Так это история и до Фарида дойдет. А у Смолина стекло выманить трудно, Ген Смолин своего не теряет!

Вот только зачем ему это стекло? Они что, все записались в юные астрономы, все собрались строить собственный инструмент?

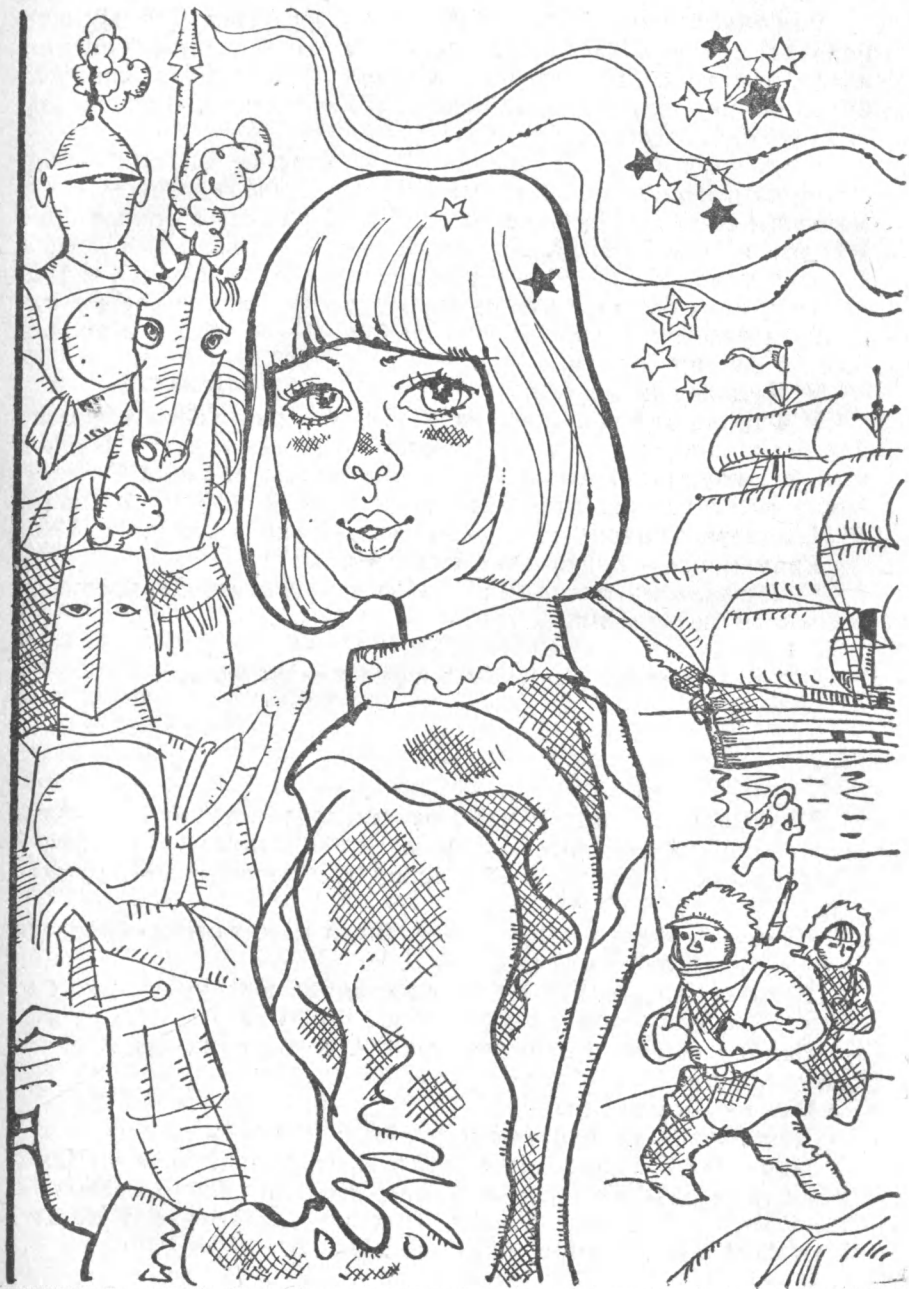
Дом у Пылаевых большой, веселый. Сам Женька тоже большой и веселый. Поест любит, посмеяться, повалить ваньку. А когда смеется — весь ходуном ходит и нос морщит, как ребенок. Нелегко при его габаритах лезть в пещеру, но он у нас будет работать лебедкой. Тоже дело. К тому же сам Норбер Кастере писал, что в спелеологии самое важное, чтобы тебе было не за сорок лет.

А еще у Женьки есть дядя-летчик. Он возит почту из Кемерова, на АН-2.

Из-за этого дяди Женька до сих пор не решил, кем ему стать — летчиком или токарем?

Женька считается в наших мастерских асом — любую деталь выточит, были бы чертеж и материалы. Федор Иванович, мастер, как-то на родительском собрании заявил: «Хватит летчиков! Мастера нужны у станков. Мы не к серости готовим Пылаева — к производству. У него ведь не руки — золото!» Манька слышала, как мать пересказывала это соседке, и чуть ли не месяц приставала к Женьке: «Сделай колечко. У тебя же не руки — золото!»

Женька никому отказать не может. Сделал и сестренке колечко, правда латунное.

Вот такой у нас Е. Пылаев, только в деревню его пускать нельзя: сразу обрастает суевериями. Плавающий конский волос, видите ли, может впитаться в человека. А медвежье мясо будто бы растет даже в кипятке... Но это ладно. С возрастом все проходит. Суеверия тоже.

Пылаевых в нашем городке не счесть, и все они — родственники. В одном только доме с Женькой живут его мать, отец, меньшая сестра Манька, средняя Галя, да еще старший брат Руслан с женой Валей. Хоть и большой у Пылаевых дом, а бывает тесно. Но зато всегда дружно и весело. Ходить к Пылаевым, если бы не Манька, одно удовольствие, и чаем с пирожком угостят, и спрашивать не будут — сбежал я с уроков или по закону баклуши бью.

У Латыповых не так.

У Фариды отдельная комната, где он держит свои звездные атласы и книги; дом у Латыповых не меньше, чем у Пылаевых, а живут в нем только родители Фариды и бабка Фатима. Чаще всего все же мы собираемся у меня или у Женьки. У Латыповых почему-то громко говорить не хочется.

Громыкнул я кулаками в калитку.

Сразу залился, завопил во дворе пес Фингал. Но, кроме него, никто не ответил.

Чудеса!

Столько в Тайге Пылаевых, а дома — ни одного!

4

Черчение — деталь в трех проекциях; история — мусульмане; алгебра — степенная функция с целым показателем; химия — водород... Так сразу все не сделаешь, думать надо.

Думал я, корпел над учебниками, а потом решил провести контрольный опыт над задачей В. И.

Взял спичку, отвел ее на расстояние вытянутой руки и, прищурив, как Фарид, левый глаз, глянул на дверную ручку.

Спичка запросто ее перекрыла! А ведь ручка куда объемнее звезды.

Вот тебе и вся задачка!

Довольный, перелистал я учебник географии.

Наша учительница биологии и географии Людмила Даниловна сама работала на метеостанциях, побывала на Северном, Карском, Балтийском морях. Она не Пылаев; это только Женьке и в Кирпичном переулке хорошо.

Слушать Людмилу Даниловну — одно удовольствие.

Именно от нее я впервые узнал о таких людях, как штурман Альбанов, адмирал Лазарев, капитан Роберт Скотт.

От Людмилы Даниловны я впервые услышал и о другом Роберте, не англичанине, американце — Пири, открывателе Северного полюса. Правда, о таком открытии заявлял и другой американец — Фредерик Кук, но Роберт Пири всех уверил в своем первенстве. Был он человек странный. Чтобы ни с кем не делиться славой первооткрывателя, в решающем броске к полюсу он отказался от помощи белых спутников и к вершине земного шара двинулся с эскимосами Эгингвой, Сиглу, Ута и Укеа. И еще с ним был самый настоящий негр — Мет Хенсон. Негр этот спокойненько дошагал до той самой северной точки, где встречаются все триста шестьдесят меридианов, а потом написал о своем путешествии книгу — «Негр на Северном полюсе».

Людмила Даниловна читала нам вслух отрывки из этой книги. Я сжимал кулаки и очень ясно видел северный рассвет, бледный, как сыворotka, чернильную ледяную воду, медленные, крадущиеся силуэты белых медведей...

В пятом классе вся наша троица — Фарид, Женька и я — решила бежать на полюс. Особенно устраивало это ленивца Женьку: заодно он хотел совершить и кругосветку. На полюсе ведь это несложно: обошел вокруг земной оси, вот тебе и кругосветное путешествие! Дел на пять минут, а хвастать можно всю жизнь.

В теплых малицах, в собачьих унтах, в непродуваемых меховых шлемах мы хотели шагать под яркими таинственными сполохами северного сияния, так, чтобы встречные эскимосы сразу понимали, с кем они имеют дело, и с уважением бы приветствовали нас: «Тиги-су а яаунг улук!», что по-эскимосски означает: «Удачи вам на пути к Большому Гвоздю!» Большим Гвоздем они называют Северный полюс.

Но побег не удался.

Не потому он не удался, что мы трусили или вдруг пожалели наших будущих сирот-родителей, а потому, что Женька в последний момент понял: пирожков, которые его мама так вкусно стряпает, на дорогу ему не хватит!

Людмила Даниловна — умница!

Скажет, например: «Завтра материал готовит Смолин», и строптивый спортсмен сам разыскивает необходимые для урока карты и книги, сам выбирает, что ему рассказать о той же Уганде или Болгарии.

Но чаще всего Людмила Даниловна поручает вести темати-

ческие уроки мне, и я, конечно, не отказываюсь. Очень здорово говорить о том, о чем в классе еще никто не слышал.

Помогают мне, конечно, книги. Они у меня настоящие! Вон, например, толстый том с выдавленной на переплете доисторической веточкой. Это «Века и растения». Написал книгу геолог А. Ч. Сьюорд. Его фамилия так и пишется, через твердый знак.

Все знал А. Ч. Сьюорд о вымерших растениях: и где они росли, и когда впервые появились, и почему потом вымерли. Правда, писал не совсем понятно. «Другая линия эволюции показана в лепидодендронах, в которых конверсия плотного тяжа переходит в полый цилиндр...» Эволюция, знаю, это развитие всего живого, лепидодендрон — вымершее растение, а вот что такое полый тяж или конверсия? Попробуй, пойми, если не заглянешь в словарь или не спросишь Людмилу Даниловну.

Рядом с томом Сьюорда стоит другая книга. «Жизнь охотника за ископаемыми». Она почти про меня, и я, конечно же, хотел бы прожить жизнь Чарльза Штернберга, самого знаменитого охотника за ископаемыми. Это он всю жизнь разыскивал в самых разных уголках страны окаменевшие останки динозавров и амфибий. Чего только не пережил! Блуждал в безводных каньонах, попадал в руки свирепых индейцев, тонул на опасных реках...

Хорошие у меня книги! Настоящие мужчины их написали!

Что им, настоящим исследователям, примитивная задачка о спичке и о звезде! Все они знали: и палящий зной экваториального солнца, и ледяную стужу арктической пурги. И не раз видели они, как навстречу их крошечным парусникам медленно вставали из туманов обрубистые мысы, поросшие флаговыми деревьями...

5

В общем, покончил я с уроками, решил «интересную» задачку В. И., натаскал в кухню дров и отправился в школу.

Не торопился, осматриваясь шел.

Именно здесь, у деревянной, новенькой, все еще пахнувшей свежим деревом и смолой конторы леспромхоза, или у кирпичной неоштукатуренной аптеки № 2, или, наконец, у двух угловых двухэтажных домов, мог я встретить Катьку Белову. Учебники и тетради Катька носила в красном, как сигнальный фонарь, портфеле, и я издали, за километр, замечал этот портфель.

Кого я только не встретил! — плотника Крюкова с ящиком под мышкой, машиниста Гудалова с вязанкой веников через плечо, бабу Агафонику, которая как с утра встала, так и двигалась к соседу, шевелясь, как улитка.

А вот Катю не встретил. Не повезло.

Зато в классе...

В классе стоял гам!

Женька, оказывается, ночевал на Тайге-второй, у дяди-летчика, прилетевшего из Кемерово, и дядя подарил Женьке фирменные значки самых разных авиакомпаний мира.

Было на что посмотреть!

Советский Аэрофлот — крылья с серпом и молотом, польская ЛОТ — самолет с длинными плоскостями, Эр Индия — натягивающий тетиву мускулистый кентавр, а на значке Эр Франс красовалось что-то непонятное — зверь не зверь: голова коня, крылья птицы, хвост русалки.

— Зырянов, — спросил спортсмен, — что это за чудище?

Я присмотрелся:

— Дракон, конечно!

— С чего ты взял?

— Законы геральдики... — туманно пояснил я.

Смолину этого хватило:

— Слышь, Женька! Я тебе гвинейскую марку, ты мне этого уroda!

— Не-е-е! — на всякий случай Женька сгреб значки в свою широкую ладонь.

Ребята зашумели — что интереснее коллекционировать: марки или значки? Но я участия в споре не принял, меня потянула за рукав Катю Белова.

— Колька, — почему-то шепотом спросила она, — правда, говорят, у тебя много книг?

— Дома? — не понял я.

— Ага.

— Да есть, а что?

— А правда, что среди них есть про всякие кости и захоронения?

— И про кости есть, и про захоронения, — не мог я понять Белову.

— А не страшно жить рядом с такими книгами?

Брови у Катю темные, тонкие. Она ими как-то необычно шевелит — вверх, вниз. У другой бы это выглядело смешно, а у Катю — значительно.

Я вздохнул:

— Вот у тебя дома есть книга про Ганнибала. А ведь он,

Ганнибал, тоже, как мои доисторические звери, вымер.

Катька удивилась. Такая мысль ей в голову не приходила. И я тут же воспользовался ее удивлением:

— Хочешь решить одну интересную задачку?

— Тест на КИ?¹ — заподозрила Катька и подвигала бровями. Вспомнила, как мы недавно купили ее с Женькой на бородатый, как мир, тест — что делается с красным шелковым платком, если его на пять минут опустить на дно самого глубокого моря?

— Если отодвинуть спичку на расстояние вытянутой руки и взглянуть одним глазом, — сказал я, — перекроет спичка звезду или нет?

— Левым или правым глазом? — заосторожничала Катька,

— Да хоть теменным, только одним,

Катька колебалась,

Я ждал.

Очень хотелось мне, чтобы Катька сообразила.

А она подумала и вдруг хихикнула:

— «На деревьях напухли бочки!»

И спряталась за Нинку Рябцеву.

Кто услышал Катьку, так и залились смехом.

«На деревьях напухли бочки...» — это я так написал однажды под диктовку Елены Ивановны. В тот же день Розка Федотова, ябеда и проныра, вынесла вопрос о моей грамотности на общее классное собрание. Дескать, стыдно! Такое Фариду можно простить, он — татарин, но ты-то, Зырянов, русский!

Я разозлился на Катьку. Тоже, умница! «Белая бумага, черная тетрадь. Выходи, моя отрада, письмецо встречать. Если Катя будет спать, разбуди ее читать!»

Фольклористы!

Но разозлился я так, внешне.

Злиться на Катьку трудно. Она ведь не Федотова, и не Рябцева, и не Домбровская даже, она — Белова! Ну захотелось ей смеяться, пусть посмеется.

6

Первым уроком была у нас математика.

В. И. взглянул на доску — на месте ли мел и тряпка? Взглянул на нас — все ли в классе? И низким своим, вечно простуженным голосом попросил:

¹ КИ — коэффициент интеллектуальности,

— Белова, напомните нам, пожалуйста, тему прошлого урока.

Катька, шурша своим красивым коричневым фартуком, поплыла к доске, а я незаметно подкинул Женьке записку: «Влияй на спортсмена, стекло у него!»

Фарид попытался подглядеть, что я пишу, но я не позволил. И тут же меня поднял В. И.:

— Зырянов, повтори, что нам сказала Белова.

— А что она сказала? — растерялся я.

— Вот мы и хотим это знать.

Я подозрительно взглянул на презрительно вздернувшую брови Белову и предположил:

— Глупость она, наверное, сказала, Виталий Иванович!

— Почему же именно глупость?

Я пожал плечами.

— Шагай к доске, Зырянов. У доски ты почему-то спокойнее. Расскажи нам все, что знаешь о степенной функции.

О функции этой я, к счастью, кое-что знал, но все равно В. И. оставил меня без оценки, пожадничал.

Да ладно. Я спешил вернуться на место, потому что увидел: записки спортсмену отправляет теперь Фарид. Неужели он о стекле пронюхал?

Одна из записок Смолина закатилась под парту, я незаметно подобрал ее. Точно. Писал Смолин: «Общую тетрадь дашь?»

Я тут же накатал Смолину: «Есть шикарная тетрадь! В белом переплете, в клеточку!»

Смолин прочитал, подумал, а потом подмигнул мне — дескать, в шляпе дело, будь спок! А Фарид сразу что-то заподозрил:

— О чем вы с ним?

— Да так, пустяки. Тебя это не должно волновать. Ты должен о стекле думать.

И тут же услышал:

— Зырянов!

Я преданно уставился в глаза В. И., но через минуту уже писал записку — Женьке.

Он ответил моментально: «Фарид что-то знает. Нам нужна тетрадь!»

«Я уже написал Генке. Отдадим нашу, для дневников.»

Жаль было тетрадь, которую мы собирались превратить в журнал путешествия, но...

— Зырянов!

На минуту я замирал, как скарабей, а потом вновь включался в переписку.

Оказывается, Смолину тетрадь понадобилась для новогоднего подарка. Конечно, Светке Домбровской, кому еще! Для фольклористки нашей!

На этом-то мы Генку и доконали — обещал после уроков вручить стекло лично Женьке Пылаеву, разумеется, в обмен на тетрадь. Фарид, кажется, так ничего и не понял. Было где-то стекло, и вот нет стекла! На перемене он что-то бубнил нашему спортсмену, но тот ясно и четко, как и подобает будущему мастеру спорта, отчеканил:

— Нет стекла! Тю-тю!

Я даже пожалел Долгожителя. Не брось он нас ради какого-то инструмента, не измени он нашим планам, не оставь нас перед самым путешествием, стекло сейчас лежало бы перед ним. Но он разрушил нашу троицу! Он изменил общей цели! Он сменял нас на рябое, на никому не нужное стекло!

А раз так, терпи!

И нечего вздыхать. Правда жизни, она потому и сурова, что п р а в д а!

Тетрадь третья

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Цепная реакция. Мыслящая морковка. «Впусти Фингала, он нас спасет!» История мальчика, который носил юбку. Крупная рыба для маленьких пирожков. Воображаемое ружье, воображаемые волки, воображаемый орден. Шхуна в полярных льдах. Еще раз о золотых руках Женьки Пылаева и о том, как закончился длинный вечер.

1

Я бы прямо с утра побежал к Женьке, чтобы взглянуть, наконец, на долгожданное стекло, но сперва пришлось очищать дорожку от снега, потом я колол дрова, ездил по воду. Пока возился, Женька явился сам. Мама как раз вынула из духовки пирожки с грибами.

— Вовремя! — восхитился Пылаев.

— Ну уж нет, Женька, сперва стекло! — протянул я руку.

— Вот торопыга! Чего он у вас такой торопливый, тетя Дуся?

Я снова остановил Женьку:

— Стекло!

— Колька! — взмолился Пылаев. — Наши все ушли к деду Ефиму, а меня оставили с Манькой. «Женя, покажи... Женя, расскажи...» Сам знаешь, какая Манька прилипала! Я только потому и вырвался из дому, что разрешил ей поиграть со стеклом.

— Разобьет!

Женька затрясся от смеха:

— Это Манька-то разобьет? Да она вся в деда — бережливая!

— Все равно, беги за стеклом. Оно не для детских игр, сам знаешь. Это линза для рефрактора системы Максутава!

Но Женька уперся:

— Не пойду! Меня Манька из дому не выпустит!

— Что же, мне идти? И опять слушать про арктических обезьян?

— Сам виноват. Не морочь голову человеку.

— Во-первых, — возразил я, — Манька еще не человек, а ребенок. Во-вторых, через пару дней Новый год, а значит, день рождения Долгожителя. В-третьих, вдруг стекло не подойдет, его же подгонять придется! Тоже время!

Женька прикинул:

— Должно подойти. Успеем.

— Беги! — потребовал я.

— Не побегу.

— Не побежишь?

— Нет!

— Ладно, — сдался я. — Сбегаю, но тебе припомню. И Маньке скажу, где ты — пусть извлечет!

2

На стук в калитку не отозвался даже Фингал.

Это было удивительно. Я поверх забора глянул во двор.

Цепь с расстегнутым ошейником свисала с проволоки прямо в снег, а следы Фингала уходили на огороды. Улучил минуту пес и смылся. Ищи его теперь!

Осторожно открыв калитку, я сделал несколько шагов к крыльцу. Не подарок — попасть в зубы Фингалу. Он после той ледяной ванны, из которой вытащил его Фарид, совсем чеканулся: никого, кроме хозяев, не признает. А может, на него так цепь повлияла, так сказать, цепная реакция.

Поднялся на крыльцо, подобрал голик, чтобы обмести

валенки, и только тогда увидел: огромными прыжками, по брюхо проваливаясь в снег, Фингал, как кенгуру, несется прямо на меня.

Так, с голиком в руках, я и влетел в сенки. Захлопнул дверь, а передо мной уже другая открылась. Вот она — мыслящая морковка Манька. Волосы рыжие, платишко рыжее, голос рыжий:

— Коля, а кто? А кто за тобой? А кто за тобой, Коля, гонится?

— Зверь, Манька.

— А ты, Коля,пусти Фингала, он нас спасет.

— Он-то и есть зверь!

Манька удивилась, то есть еще сильнее выпучила свои рыжие глаза:

— А ты, Коля, обезьяну принес?

— К вам с крокодилом ходить страшно, а тут еще обезьяна! Иди, посади пса на цепь.

— На цепи холодно.

— Ты скажешь! Только на цепи псы и борзеют!

— Не-е-е... — протянула Манька и в круглых ее глазах проснулась невыносимая печаль: — Фингалу на цепи скучно, Фингал на цепи сердитый.

— А ты чего сердитая? Ты же не на цепи.

— Женьку жду. Он сказал: веселись, я сейчас приду. А сам не идет.

— Ничего, — пожалел я мыслящую морковку. — Скоро, наверно, придут родители.

— Не-е-е... — протянула Манька. — Они придут только вечером.

Мне расхотелось выдавать Женьку — уж думать над стеклом, так вдвоем; я сказал Маньке:

— Придет твой Женька. Он где-нибудь сейчас пирожки лопают.

— Не-е-е... — не поверила Манька. — Он когда говорит — сейчас приду, всегда приходит вечером.

— Ну и братец у тебя, Манька! Пса с цепи спустил, а тебя, выходит, посадил на цепь! — и видя, что ни на подоконнике, ни на столе, ни на стульях стекла не видно, спросил: — Чем занимаешься?

— А смотрю сквозь стекло, — бесхитростно ответила рыжая Манька, не подозревая, что я явился отнять у нее единственную радость. — Мне Женька стекло оставил, оно по краю толстое, а внутри как льдинка. Если продавить пальцем, кольцо получится.

— Ты пробовала?!

— Еще нет. Я хочу его сперва покатаать. По стиральной доске, чтобы так тихо не было.

Она, наконец, извлекла из кармашка своего рыжего платьишка большое уменьшительное стекло, и мне стало легче. Ни трещин, ни царапин на стекле не было, но захватала его Манька отменно: я сразу увидел отпечатки всех ее крошечных пальцев.

Взял стекло, подышал на него, осторожно протер рукавом рубашки.

— Оно все-все уменьшает,— похвасталась Манька.— Если его на стол навести, стол станет такой, что войдет в спичечную коробку.

Отвлекая Маньку от стекла, я перевел речь на Фингала:

— На улицу ведь пес вырвался. А вдруг придут собачники?

— У Фингала номерок есть.

— Подумаешь. Такие псы все равно должны сидеть на цепи.

— Я не могу его поймать, он сильнее.

— А ты лаской его примани, а то переделают его на мыло.

— Не-е-е...— протянула Манька.— Он сам кого хочешь переделает на мыло. Ты, Коля, расскажи мне...

— Про Васю Макдоуна? — не без насмешки спросил я, радуясь, что о стекле Манька вроде бы забывает.

Манька насмешки не поняла:

— А кто он, этот Макдовун?

— Мальчик,— уводил я Маньку от всяких воспоминаний о стекле.

— Какой мальчик?

— Натуральный.

И тут меня осенило:

— Правда, он носит юбку.

Глаза у Маньки вновь округлились:

— Почему?

— Потому, что он шотландский мальчик!

От перенапряжения в Манькиной голове щелкнула и сгорела предохранительная пробка. Я поспешил успокоить Маньку:

— В Шотландии все мальчики носят юбки. Такая страна.

— Все?

— Поголовно!

Это Маньку сразило.

— Вася Макдоун был послушный мальчик,— начал я забивать Маньке мозги.— Но Васе Макдоуну всегда и везде не везло. Он всегда и везде терпел неудобства.

— Как и е?

— Ну, эти... чисто физического плана. Чуть провинится, его тут же розгами!

— А-а-а...— протянула Манька.— Тогда понятно, почему он ходил в юбке. Если мальчика часто наказывают, ему, конечно, удобнее носить юбку.

Я взглянул на Маньку с уважением: мне в голову подобная мысль не приходила.

— Ехал однажды Вася в поезде и увидел пальму, на которой росли обезьяны. Спрыгнул Вася с поезда, подошел к пальме и говорит: «Эй, обезьяны! Чтобы хорошо себя чувствовать, пересядьте на среднюю ветку. Тогда верхняя укроет вас от палящих лучей солнца, а нижняя предохранит от врагов!» Обезьяны послушались шотландского мальчика, пересели на одну ветку, а она под ними сломалась. Естественно, вздули обезьяны Васю, вздули как следует.

— Жа-а-алко...— протянула Манька.— А дальше?

Но неизвестный шотландский мальчик мне уже надоел. Стекло лежало в кармане, Манька от рассказов ошалела, надо было бежать. Женька, небось, пожрал уже все пирожки!

— Окна у вас открываются, Манька?

— Летом. Когда жарко и грозы нет.

— Это плохо.

— Почему?

— Потому что меня ждут важные дела.

— А меня ни-и-икто не ждет,— горько протянула Манька.

— Ну, тебе-то на это жаловаться рано.

Я подошел к дверям и прислушался.

На крыльце шумно дышал Фингал. Ему было совсем не холодно. Снег под его мощными лапами скрипел. Фингал лучше Маньки знал—какие и когда тут окна открываются. И зная это, терпеливо ждал момента поквитаться со мной.

— Манька, а что любит Фингал?

— Крупную рыбу.

— Почему крупную?

— Из нее много маленьких пирожков получается. Если Женька съедает не все, то Фингалу достается.

— А где вы держите такую рыбу?

— В большой кастрюле. Вон, на полке. Это мама ее поставила размораживать.

— Вижу,— сказал я, снимая кастрюлю.— Она уже разморозилась.

— Стряпать будешь?

— Ох, Манька, витамины тебя спасут! Ты подумай. Когда живое существо долго находится на морозе, оно начинает нуждаться в белках и углеводах. А белки и углеводы в больших количествах находятся именно в крупной рыбе. Думаешь, почему Фингал в последнее время озлобился?

— Почему?

— Углеводы и белки в нем кончились. Уловила?

— Уловила,— кивнула Манька.— Но ты-то уйдешь, а я опять останусь одна. Вдруг волки придут?

Я, как мог, пожалел Маньку:

— Во-первых, волки морковку не едят, во-вторых, если волки и придут, то только воображаемые.

— Я и воображаемых боюсь.

— А я оставлю тебе воображаемое ружье. Будешь отстреливаться. Орден получишь... воображаемый.

Манька вздохнула, но покормить Фингала ей захотелось. Видно, не часто поручали Маньке такие ответственные дела. Она не только про стекло, она про все забыла.

Я вытащил из кастрюли рыбину и приказал Маньке одеваться. Она заторопилась. Разыскала варежки, приволокла шарф, носки. Через пять минут это была не Манька, а рыжий лохматый шар.

— Валенки можно было взять и старые,— поругал я ее.— Валенки — это вещь.

— Ну да? — сказала Манька.— Будь они вещью, их бы на ногах не носили.

— Ладно,— сказал я.— Унесешь эту рыбину в огород, за сарай, чтобы Фингал не видел, что делается на крыльце. И пусть он ест спокойно, не нервничает, в таких условиях углеводы и белки усваиваются полностью.

Манька кивнула.

Одним движением я вытолкнул ее за дверь сенок, оставив для наблюдений узенькую, как лезвие ножа, щель.

Манька побежала к сараю, но Фингал одним прыжком догнал ее, вырвал рыбину и вернулся на крыльцо.

Тут, на крыльце, он и съел рыбу.

— Нашел столовую! — разозлился я.

А Манька сказала в замочную скважину:

— Он не наелся, он еще хочет.

Не понравился мне Манькин тон, но я протиснул сквозь щель еще одну рыбину. Хорошо, это была камбала, щели вполне хватило.

Но и сейчас не удался фокус.

Фингал не дал Маньке и шагу сделать. Просто отобрал рыбу и съел. Вот такие пироги!

Но теперь и я стал умнее. Нашел в ящичке стола бечевку, этой бечевкой крепко-накрепко привязал единственную оставшуюся рыбину к рукоятке деревянного плотницкого молотка. Всю эту хитрую штуку я и передал Маньке:

— Тащи в огород! Заклинь молоток между штакетин. Быстро!

Фингал, видно, утолил первый голод — бежал за Манькой не торопясь, знал: все ему достанется. Благодаря этому Манька мой приказ выполнила — заклинила молоток между штакетин. Как ни рвал Фингал рыбу, с молотка она не срывалась.

А я уже подготовился.

Набрал полную грудь воздуха, распахнул дверь и дунул со всей мочи к калитке. С такой скоростью не бегал даже спортсмен Ген Смолин — куда ему!

А ведь крикнуть Маньке успел:

— Беги домой! Накостыляю по шее.

3

Ох и зол я был на Женьку!

А он хоть бы хны. И пирожков наелся, и чаю напился, да еще стал отказываться от работы.

Пока я протирал захватанное Манькиными пальцами стекло, Пылаев нудил и нудил: якобы я тороплюсь вечно, якобы ему, Женьке Пылаеву, и чаю выпить некогда, и вообще на дворе мороз. Ну я заставил Женьку одеться и по узкой приставной лесенке мы поднялись на чердак.

На чердаке темно. Остро и сухо пахло вениками. Под неплотно пригнанную дверку намело снег. В другой раз я сразу бы сбросил снег с чердака — потечь потолок может, но сейчас руки у меня не поднялись, потому что над этим белым сугробиком, будто вмерзшая в полярные льды, возвышалась, стыла, как привидение, остроносая шхуна, собранная нами из сосновых лучин.

Иней сказочно обвисал с обмерзшего рангоута. Ванты обледенели. Над бушпритом поднялась полоска снега. Казалось, еще мгновение и из тонкой трубы появится, медленно

расплывется в морозном воздухе легкий дымок. Я даже вкус его почувствовал, и увидел — там, впереди, за вечными полярными льдами на многие сотни миль расстилается снежная пустыня, по которой не ступала еще нога человека.

Что ни говори, Женька хоть и лентяй, но мастер. Честно говоря, ведь он почти один собрал эту шхуну.

Космос, динозавры, экспедиции — это все, конечно, интересно, но нельзя заниматься только этим. Женька считает, выточить на станке полезную и красивую деталь — это тоже открытие. Даже более полезное и нужное, чем, например, открытие Северного полюса. Когда Роберт Пири телеграфировал президенту Америки: «Приношу Вам в дар Северный полюс», тот, кстати, так и ответил: «Благодарю, но не знаю, что с ним делать». Это, пожалуй, единственная история, которую Женька вычитал в книгах с а м. Потому и покрикивает на нас: «Ну, улетите вы к звездам! Ну, запишетесь вы в астрономы! Ну, установите контакт с жукоглазыми! А на Земле? Кто на Земле останется? Кто будет с вами связь держать, горючее вам готовить, следить за автоматикой, растить мастеров? Кто?» — И сам обычно отвечает: «Мы — Пылае вы!»

В общем, мастер!

И наша с ним тайна, то, чем мы решили вернуть Фариду, тоже, в общем-то, дело Женькиных рук.

Это он, Женька, клеил из черной, плотной фотобумаги две входящих одна в другую трубы.

Это он намертво закреплял в трубах увеличительные стекла.

Это он точил на школьном токарном станке массивную металлическую треногу.

Я только подсказывал. Так сказать, был научным руководителем.

Осторожно приподняв крышку старого бабушкиного сундука, выброшенного за ненадобностью на чердак, я извлек на свет нашу великую тайну: настоящий телескоп, сооруженный нами для несчастного Долгожителя, сидящего над своим рябым стеклом.

Стекла тускло блеснули.

Наморщив нос, сразу потеряв всю свою леность, Женька медленно вкрутил в трубу добытое нами стекло.

— Готово!

Подышал на замерзшие пальцы:

— А ну, волокни на крышу. Посмотрим, что Долгожитель делает!

— Нет, — отрезал я. — Трубу испытает Фарид. Давай, как договорились.

— Чё попало, — протянул Женька. И засмеялся: — Представляешь, как он ошалеет! Его же лечить придется!

— Не смейся, — сказал я, и голосом отца добавил: — Будь достоин собственной доброты.

— Чего? — растерялся Женька.

Объяснять я не стал. Уложил трубу в сундук, обмахнул снег с крышки, а когда слезали с чердака, взял и спихнул Женьку в сугроб. Он рухнул, как шкаф, и пробил сугроб до самой земли.

Ну, повалялись!

Даже о Фариде забыли, о нашем несчастном Долгожителе, который не возился, как все нормальные люди, в снегу, а сидел над своей баночкой: тер, тер, тер, тер пастой свое рябое, как лунный диск, стекло.

Тетрадь четвертая

ПОНЕДЕЛЬНИК

«Не пускайте в мой сон Козу!» Роковой жребий. Третий акт четырехактной пьесы. Фарид заскучал. Биолог Навашин и первый любительский телескоп в стране. Ищу книгу. «Наши длиннорылые предки». Теплый и красивый Катькин локоть. Биромбо-икосододекаэдр и другие формы. Ночная звезда в окне.

1

В нашем классе ровно двадцать шесть человек — самый маленький класс в школе. Дальше всех до школы приходится ходить Вике Токаревой — она живет за железнодорожной линией. Родители уговаривали Вику перейти в сто шестидесятую школу, но Вика не захотела бросить наш класс и не бросила.

Так вот, приснилась мне почему-то Вика, которую мы зовем Коза. И она, как настоящая коза, так и пропрыгала в моих снах всю ночь. При этом показывала длинный язык и бляяла: «Не видать тебе Катьки! Не видать тебе Катьки!»

Обидно, что сны нельзя заказывать, как билеты на поезд. «Так, мол, и так, хочу увидеть во сне Екатерину Белову, хо-

рошистку седьмого «а»... Ну, а если Катьку нельзя, то хотя бы не пускайте в мой сон Козу!»

С этой мыслью я и проснулся.

На занавеске, отделяющей комнату от кухни, двигалась быстрая мамина тень. Иногда в узком просвете я видел ее лицо. Оно показалось мне ужасно усталым. «Странно... — подумал я. — Днем морщины на мамином лице почти не видны, а сейчас выделяются так резко, будто их нарисовали углем...»

Когда мама успела устать?

И стукнул себя по лбу — она же еще не ложилась, как с дежурства пришла. Надо встать, помочь ей!

Но встать я не успел.

Скрипнув, открылась дверь. В клубах холодного воздуха, сразу затопившего кухню, ввалился отец. Его шуба была в снегу, снег лежал на шапке, на валенках, и в этих огромных своих шубах, валенках и шапке отец показался мне настоящим великаном. И как всякий настоящий, а потому и добрый великан, он одним движением руки вытряхнул из мешка самого настоящего живого зайца. Заяц ошалело моргнул и кинулся под кровать.

— То-то, — сказал отец. — Грейся.

И пояснил:

— Таловские плотники зайца поймали. Он берет капусту прямо из рук. Постучишь по столу, выходит.

— Я буду изучать зайца, — заявил я, одеваясь. — Я давно хотел изучить какое-нибудь некрупное млекопитающее. Настоящее, наше, сибирское.

— Да уж африканских у нас нет, — усмехнулся отец.

Я тоже хмыкнул:

— Это надо сказать Маньке Пылаевой, а то она требует у меня обезьяну.

— Игрушечную?

— Если бы! — возмутился я. — Вбила в голову, что обезьяны живут и в Арктике.

Но отцу история с Манькой и обезьянами почему-то не понравилась:

— Обманул, выходит, девчонку?

— Да шутка же это! Чего тут не понять?

Отец не ответил, пошел к умывальнику. Он долго умывался, фыркал над тазом, потом тяжело сел на стул:

— У Пылаевых, мать, в Таловке опять пропажа. Коза исчезла. Гриша думает — она в дыру провалилась. Там этих дыр тьма,

— Рядом с пещерами? — решился я спросить.

— Да, — неодобрительно ответил отец. — Гришка Кешку своего уже устал пороть. Лазит Кешка по лесу, ищет козу.

— Не найдет, — уже увереннее вмешался я. — А вот мы поедем летом в Таловку, все узнаем, и хоть рога, но найдем.

— Как обезьяну? — спросил отец. И добавил: — То-то!

Так началось утро.

Я еле дождался, когда отец и мама уснули. Перебрался в кухню, открыл книгу, задумался: «Чего это отец на меня взъелся?»

Потом вспомнил о Катьке. Интересно, мог бы я ей пообещать обезьяну?

Вряд ли... С Катькой такой номер не пройдет, на то она и Белова.

Под кроватью дробно застучал лапами заяц.

Я сразу вспомнил, у кого жил в прошлом году такой же вот. У Кольки Часовских, у лучшего шахматиста школы.

Но я Кольку не люблю. У него взгляд странный.

Как-то в актовом зале собралось человек десять за досками, и Катька туда же приперлась. Ничего не понимает, а пришла. Вот тогда я и увидел, как Колька на нее смотрит.

До сих пор помню.

2

Мороз отступил, унялся. Чувствовал: Новый год на носу!

Можно было не торопиться, можно было постоять у дома Беловой, но рядом шел Женька и нудил: ждут нас в классе — тянуть новогодний жребий, ждут в драмкружке — сегодня репетиция, ждут в книжном — он договорился купить нужные книги.

Но пришли мы все равно последние. Все уже галдели, собравшись вокруг стола, один Фарид сидел на своем месте, листал толстенную книгу — «Прикладная оптика».

Я заглянул, к чему там ее прикладывают, и вслух зачитал:

— «Критерий Релея формулируется следующим образом: если волновые aberrации, то есть отклонения фронта световой волны от сферической поверхности, не превышают...» Ты, Фарид, что-нибудь понимаешь?

— Совсем немного, — признался Фарид. — Но я спрошу у В. И.

— Ну-ну... А как стекло?

Фарид вздохнул:

— Паста кончилась. Завтра пойду за линию, может, есть в хозяйственном магазине.

Он сказал это так уныло, что я испугался — не собирается ли он бросить свое занятие? Как тогда быть с нашей тайной?

Но такие, как Фарид, не сдаются. Если идут они к цели, их ничем не остановишь. Разве что миной.

«Он не сдастся,— подумал я, глядя, как Фарид вновь и вновь пытается понять не укладывающийся в его голове критерий Релея.— Он не сдастся. Он из нашей троицы. Он Фингла спас. Таких, как мы, ничем не остановишь!»

— Зырянов! Латыпов! — позвала Рябцева.

У нас в классе традиция — на Новый год дарить друг другу подарки. Ну, карандаши цветные, книги, тетради. Дело-то не в самом подарке, а в том, что самые разные люди вступают друг с другом в контакт. Например, выпадет мне бумажка с именем Розки Федотовой, и хотя я не хочу, ничего не поделаешь — ищи подарок для Розки.

Первым тянул Пылаев.

Все замерли.

Женька облизнул губы и всей пятерней влез в принесенную Смолиным шапку. Копался он в бумажках долго, так долго, что девчонки зашикали. И тут же ударились в смех — у Женьки лицо вытянулось, как у козла.

— Вот это да! — сказал он, разворачивая бумажку.

— Смолин? — пыталась угадать любопытная Рябцева.— Катька?

Но кто бы тебе ни выпал, тайну выдавать нельзя — откроется она только на новогоднем вечере, вот почему все удивились, когда Женька мрачно сказал:

— Этому типу я ничего дарить не буду!

— Брось! — заявил Смолин.— Жребий есть жребий!

Но кто-то догадался отнять у Женьки бумажку. Развернули, а там аккуратным Катькиным почерком выведено: «Пылаев». Сам себе попал!

В виде исключения Женька тянул снова, но последний. И ко всем лез:

— Тебе не я попался? Если я, не скупись. Я пирожки люблю!

А мне...

Мне так хотелось вытянуть бумажку с Катькиным именем! Никогда я ничего так не хотел! От экспедиции в Арктику отказался бы, лишь бы видеть на бумажке — Белова!

Представляет!

Елка сияет всеми огнями. Шуршит за окном снег. Школьный вечер в разгаре, музыка, смех, огни. А я не тороплюсь, я шагаю по конфетти и по хвойным иглам, а навстречу мне, из-за елки, красиво идет Белова...

Я почти поверил в такое чудо, но выпал мне жребий Вики Токаревой, нашей Козы.

Ну справедливо ли?

Сперва спать мешала, теперь опять перешла дорогу. Не судьба...

3

От переживаний отвлекла нас Елена Ивановна, руководительница драмкружка. Она этот кружок ведет уже лет десять, и среди ее учеников есть настоящие артисты. Например, Витька Пахомов из восьмого «б». Он так играет врагов, что его хочется расстрелять тут же, на сцене.

Пьесу выкопала в библиотеке Светка Домбровская.

Мне досталась роль умного, но зарвавшегося десятиклассника Валентина Зорина!

Учился он, разумеется, на одни пятерки, с блеском, с шиком работал во всех кружках, но однажды рраз! — что-то на него накатило. Начал хамить, учебники вышвырнул. У нас за такие шуточки сразу бы на педсовет, но в искусстве не как в жизни: Зорина считали вундеркиндом, а потому решили ему помочь — шефа прикрепили, одноклассницу Любу Морозову, такую хорошенькую, что роль ее, конечно же, досталась Беловой.

Мы провели семь репетиций, но Елена Ивановна настояла: — Еще одну!

Из-за меня.

В третьем акте Валентин Зорин, то есть я, подпав под обаяние своего шефа Любы, то есть Беловой, пытается ее поцеловать.

Вот на этом я и срывался.

Темнело в глазах, к ушам приливалась кровь, забывались слова, когда я видел перед собой Катьку. Нинка Рябцева, которую по причине ее катастрофической бездарности дальше суфлерской будки не пускали, шипела из-под сцены:

— Зырянов! Лицевой мускулатурой работай! Не шмыгай носом, работай! Ой! Ну кто так целуется? Иди сюда, покажу!

А я думал: «Тогда уж лучше ни с кем!» И в который раз портил всю репетицию.

Такие дела.

А урока математики не случилось — В. И. заболел.

А я обрадовался. Надоели степенные функции, надоели примитивные астрономические задачи.

— Сбегаем в магазин? — шепнул я Женьке.

— Один пойдешь. Я к дяде.

Впрочем, обрадовался я рано. Час, положенный математику, заняла Елена Ивановна. Отругала Пылаева — он двойку по истории схватил, за слабое знание мусульманского быта, просмотрела наши дневники, сообщила, когда состоится родительское собрание, а потом, как настоящая актриса, прижала руки к груди:

— Знаете, что решил восьмой «б»?

— Что? Что? — загалдели девчонки.

— Они решили часть игрушек на елку сделать самим! А вы? Вы умеете делать игрушки?

— Смотря из чего, — осторожно заметил Ген Смолин.

— Ой, сказал! — засмеялась Домбровская. — Ты лучше спроси — как?

— Из чего найдем, а как — это вам Виталий Иванович покажет.

— Болен! Болен! — зашумел класс.

— Режим у него не постельный. Просто болят старые раны. Фронтовик... И сегодня вечером всех, кто желает принять участие, он ожидает дома. Найдутся желающие?

— Найдутся! — закричали девчонки, а с ними, как ни странно, и Фарид.

— Тебе же тереть стекло!

Фарид не обиделся:

— Зашкалил я на критериях Релея, а В. И. — энциклопедист. Он мне все расскажет.

Женька исчез сразу после уроков, зато в коридоре меня остановил Фарид.

— Елку привезли, — сказал он.

Дверь в актовый зал была открыта, там толпилась малышня.

— Заглянем?

Я кивнул.

Елка, огромная, темная, будто нахмурившаяся, лежала посреди зала. Лапы не отошли с мороза, были сплющены

собственной тяжестью, но все равно чувствовалось — елка готова ожить.

Густо, хорошо пахло хвоей.

— Колька, а знаешь, кто построил в нашей стране первый любительский телескоп?

— Ты, небось?

— Биолог Навашин, — нахмурился Фарид.

— Биолог? — не поверил я.

— Вот именно!

— Если и так, — отрезал я, — друзей Навашин, наверное, не бросал.

— Да я, может, успею отшлифовать до лета, — оправдывался Фарид. — Ты пойми, мне эта труба вот так нужна!

— Видишь, тебе нужна! А мы в Гурьевские пещеры едем не просто так. Мы этим путешествием ребят заинтересуем и обогатим школьный музей. — И добавил: — Предлагал же тебе Женька, давай поможем.

— Да, «поможем»! Наждачной лентой! Тут доля миллиметра важна!

Говорить убедительно Фарид умеет. Вроде вот неправ он, а возразить нечего. Я взял, ткнул его кулаком в бок:

— Сбегаем в книжный? Женька договорился — что-нибудь интересное дадут.

— Для подарка?

— Ага.

— Скажи, что за подарок, и я скажу — кому!

Фарида я мог признаться. Он не разболтает. Он — классный парень.

— Да нашей Козе. Токаревой.

— Вике? — поскущел Фарид. — Мне хуже...

— Рябцева?

— Хуже.

— Федотова?

— Хуже.

— Ну не знаю...

— Катька Белова. — И обидно передразнил: — «На деревьях напухли бочки».

Помолчали.

Я отвернулся, опять спросил:

— Так зайдём в книжный?

— Не могу. Отец ждет.

— Ну как хочешь... Я пошел...

Но не уходил. Стоял. Не смотрел на Фариду.

— Иди, — сказал он. — Закроют магазин.

Я кивнул.

Опять помолчали.

И вдруг, будто подтолкнул нас кто, повернулись:

— Меняемся?

— Узнают! — оглянулся Фарид.

— Ты, что ли, проболтаешься?

— Дурак!

— То-то...

6

Фарид — классный парень! С ним хоть на полюс. Это я знал. Ну, а история с рябым стеклом — с кем не бывает? Поможем другу!

Сжимая в кармане счастливый жребий, я мчался к книжному магазину. Тощие зимние воробьи с шумом вспархивали из-под ног.

Деньги у меня были. Сам скопил и мама дала.

Я люблю книжные магазины. Мне нравятся пестрые географические карты, блокноты, нотные тетради, карандаши. У книжки, на которую я сразу наткнулся, было загадочное название — «Тайпины». Я ее перелистал, нет, не то — одни восточные имена.

Вот найти бы «Финикийский корабль» или приключения с подробными картами необитаемых островов, пусть бы Катька всю ночь читала!

Такой у меня был вид, что тетя Лиза, продавщица, и тоже, кстати, тетка Пылаева, подкинула мне новенькую коричневую книжку с парусником на обложке.

«Путешествие Баурджеда».

Вот они, приключения, вот они, необитаемые острова!

7

Но перелистать «Путешествие Баурджеда» мне не удалось. Дома, как в былые добрые времена, сидели Фарид и Женька. Женька рассказывал маме о праздничном меню семьи Пылаевых, а Фарид капустой кормил зайца, вылезшего наконец из-под кровати.

— К В. И. не пойду, — сказал я. — Хватит с меня «интересных» задачек!

— Какие еще задачки?

— А ты, Фарид, забыл? «Можно ли звезду закрыть спич-

кой, которую вы держите на расстоянии вытянутой руки?.. Вы смотрите одним глазом, другой закрыт».

— Задача для дурачков,— засмеялся Женька, но Фарид заинтересовался:

— Ночью смотреть?

— А разве днем звезды видно?

— Ну, не знаю... — протянул Фарид. — Надо проверить.

И так получилось, что я оделся и мы всей троицей выкатились на улицу.

8

В. И. рассмешил прямо на пороге:

— Шубы ставьте под вешалку.

Мы так переваливались в снегу, что шубы промокли, замерзли, стояли колом. Потом, в течение вечера, они оттаивали и падали на пол, вызывая шумный смех.

В спортивном костюме В. И., даже прихрамывая, походил на знаменитых лыжников из «Советского спорта». А стены прихожей у него целиком были заняты книжными полками. Я подумал, что все это стоят «Прикладные оптики», но ошибся. Между «Библейскими холмами» и какими-то Фейнмановскими чтениями торчал зелененький переплет работы Вильяма К. Грегори — «Эволюция лица от рыбы до человека».

В. И. и такие книги!

Я незаметно потянул на себя книжку Вильяма К. Грегори.

Точно, она самая, я ее брал в библиотеке и полгода дома держал. Вот даже фраза, которая мне запомнилась: «Многомиллионный период, в течение которого владыками Земли были динозавры, в европейских отложениях представлен бедно. Остатки млекопитающих, добытые из этих отложений, как правило, принадлежат мелким зверькам...»

В. И. засмеялся:

— Интересно?.. Я тоже с удовольствием смотрел... А вот как с задачей, а? Справился?

— Только о ней и думаю, Виталий Иванович! — выпалил я.

— А зачем это — только о ней думать?

— Да уж простая она очень.

— Простая?

— Конечно. Как не перекрыть спичкой звезду? Я спичкой перекрывал дверную ручку.

В. И. нахмурился:

— Вот тебе самая толстая спичка из коробка. Пойдешь домой, проверь — такая ли уж простая задача.

А в комнате...

А в комнате за круглым столом перед кипами цветной бумаги и картона сидели Вика, Катька, Света, ну и, конечно, спортсмен Смолин. Куда он от Светки денется! Как В. И., он был в спортивном костюме — ладный, быстрый, не отведешь глаз.

— Можно наклеить домиков, — тараторила Вика. — А если вата есть, наделать морковок, овощей. Сверху покрыть клеем, обсыпать кусочками «блеска» — блеск!

— И цветы, — предложила Катька и покраснела.

— Цветы делают на май.

— Тогда звезды...

— Это идея! — поддержал Катьку В. И. — Можно звезды.

А еще лучше — тела платоновы и архимедовы. Как?

Мы переглянулись. Затемпературил, что ли?

Но В. И. знал, о чем говорит.

Подошел к одному из стеллажей, отодвинул матовое непрозрачное стекло...

Девчонки ахнули.

Наверное, там был какой-то секрет, потому что когда стекло отошло, под днищем полочки, тоже стеклянным, вспыхнула лампочка, и мы увидели...

Даже не знаю, как сказать...

Ну, шары не шары, звезды не звезды... а такие вот звездные, растопорщившиеся острыми лучами... объемы.

— Нравятся?

— Еще бы! — прищурил глаз Фарид.

— Это и есть тела платоновы и архимедовы, — обрадовался В. И. — Их еще называют звездчатыми формами выпуклых и невыпуклых однородных многогранников.

— Математические кристаллы! — догадался Фарид.

— А разве их можно сделать? — испугалась Вика.

— Можно! — успокоил В. И. — Годятся для елки?

— Еще бы! Это не овощи.

В. И. прищурился:

— А из каких частей строятся многогранники?

— Из квадратов и треугольников, — незамедлительно ответил Фарид, а Токарева авторитетно подтвердила:

— Ага!

— И все?

Фарид замаялся. Остальные молчали.

— Ладно, подскажу,— В. И. явно нравилось наше внимание: — Кроме треугольников и квадратов, в построении архимедовых и платоновых тел участвуют — пентагон, если фигура пятигранная, гексагон — шестигранная, октагон — восьмигранная и декагон — десятигранная.

Теперь удивился я:

— Пентагон — это же военное министерство в Америке.

— Правильно. Оно потому так и названо, что имеет форму звезды.

На В. И. даже смотреть стало интересно. Он вдруг посмуглел, подтянулся, исчезла хромота, занудство исчезло.

— Вот, смотрите,— сказал он и осторожно снял с полки многогранник, похожий на шар, у которого пообтесали бока.— Эту форму открыли только в 1957 году, благодаря работам советского математика Ашкенузи. До него никто не догадывался о таких формах.

— А как она называется?

— Ромбокубооктаэдр. Звучит?

— Еще бы!

— А какую форму выберем мы?

Мнения разделились.

Я указал на многогранник, построенный из пентагонов, Фарид на другой, похожий на морского ежа, Смолин, конечно, потянулся к третьему.

В. И. засмеялся:

— Братся надо за то, что не потребует много времени.

— А что не потребует много времени?

— Например, додекаэдр. Вот этот. Видите, я обклеил его станиолю, он блестит, как солнце.

— Мы не спорили. В. И. видней.

Фарид и Генка размечали картон, мы с Катькой резали его на составные, Женька, Света и Вика клеили. Под их пальцами постепенно появлялась горбатая, страшная жаба, желтая от потеков клея. Я подумал — не получилось!

Но не прошло и полчаса, и горбатая жаба ощетибилась, приобрела вид, и как только ее покрыли станиолю, засияла, как маршальская звезда!

Катька сидела рядом и время от времени я чувствовал ее теплый и красивый локоть. Я сразу замирал, а она ничего не замечала, командовала:

— Коля, ножницы! Коля, бумагу!

Я не жалел, что пришел к В. И.

Совсем не жалел...

А когда мы уходили, на круглом столе стояли, просыхая,

десять лучистых солнц и мы языки поломали, пытаюсь без запинки выговорить диковинные названия. Додекоикосо-додекаэдр! Биромбоикосододекаэдр!..

Ну В. И.! Совсе не Филипок! Это даже я понял.

10

Первыми отстали Светка и Смолин. Потом проводили всей компанией Катьку — на ее улице почему-то не горел фонарь. Потом ушел Фарид, наконец, ушел Женька. Я остался один.

Сразу — совсем один.

Спрятал руки в карманы, наткнулся на спичку.

Вытащил ее, хмыкнул, как В. И., отвел на расстояние вытянутой руки, навел на звезду, и... Не перекрыла спичка звезду!

Крупная попалась звезда. Багровая. То вспыхивала, то гасла, но лучи ее запросто обходили спичку и шли прямо в глаз.

Ладно. Выбрал я звезду помельче.

Никакой разницы!

Хорошо, что трещал мороз. Не дело обмораживаться перед Новым годом! — сказал я себе и дунул домой.

Но и дома, листая «Путешествие Баурджеда», никак не мог я забыть о задачке В. И.

«Ветры, дувшие с моря, — читал я, — приносили странные запахи. В них чудились ароматы неведомых цветов, удушливые испарения громадных болот, сухое и горькое веяние сожженных степей. Там, за горами, шла на запад загадочная, полная тайн земля. Леса подползали к берегу, редкостные обезьяны гуф и киу во множестве скакали по ветвям и спускались на землю, привлеченные видом судов...»

А перед глазами стояла спичка!

Отмахиваясь от этого видения, я взял ручку и аккуратно вывел на титульном листе книги: «Кате Беловой в канун Нового года! Николай Зырянов. Тайга».

Мне понравилось редкое слово канун. Оно звучало, как другое приятное слово — каникулы.

Пока я писал, заяц вылез из-под кровати и бесшумно прыгнул на пустой стул. Уши у зайца шевелились, как ножницы, кожа на острых лопатках натянулась. Не знаю, что он видел там — за темным окном, и видел ли что вообще: ведь на морозном стылом стекле он сразу надышал два туманных, как бы исчезающих, но вновь появляющихся пятна.

А еще звезда в окно заглянула...

Я не спал.

Я лежал, смотрел на звезду и думал — о рябом окне, о Фариде Латыпове, о телах платоновых и архимедовых, о нашем В. И., наконец, о личностях.

Вот, например, Колька Часовских, он — личность. Неприятная, но личность. Шахматист, мастер, Катьке нравится...

И наш В. И. — личность. Он тысячи книг прочел, он в теоремах, как Женька в пирожках, разбирается. Он воевал, даже был ранен...

И капитан Роберт Скотт — личность.

А уж Юрий Гагарин — это само собой!

А я, Колька Зырянов? Я — личность?..

Звезда за окном мерцала, она очень походила на красный, раскаленный морозом додекаэдр.

Я вздохнул.

Темно и туманно клубились надо мной сны.

А завтра еще тематический урок...

Завтра... Завтра...

Тетрадь пятая

ВТОРНИК

Спорт есть спорт! Овчарка с паспортом. Бык — корова другого пола. Рыбка-перерожденец. Предки спортсмена Смолина. Хищник под парусами. Космическая палеонтология. Клетка для Катьки. Запоздавшее открытие. Что мне сказала Людмила Даниловна. Спортсмен завидует.

1

Весь день я помнил о Катькином локте и о телах платоновых и архимедовых. Никак не мог от них отделаться. Знаю, пора сосредоточиться на книгах, а не могу.

В школу бежал бегом. Сразу удача: издалека увидел красный Катькин портфель!

Но Катька была не одна.

Рядом с Катькой, держа на поводу роскошную серую овчарку, вышагивал Колька Часовских, лучший шахматист школы.

Лучший-то лучший, подумал я, а вот на олимпиаде срезался!

В прошлом году Валя Богданов на той же олимпиаде набрал четырнадцать очков, на очко больше, чем Часовских, но на победу не надеялся: у Часовских оставались в запасе две встречи со Смолиным и он, конечно, заранее чувствовал себя победителем. Генка, действительно, первую партию продул, но в это время заглянула в зал Домбровская, как всегда аккуратненькая и смешливая, и Генка с перепугу как с ума сошел: пожертвовал ошалевшему Часовских коня и две пёшки, но зато оставшуюся провел в ферзи. Надо было видеть, как радовался Богданов! Разделил с Часовских первое место!

Спорт есть спорт. Но мне не понравилось, как Катька разгуливала с чемпионом. Я подошел, кивнул:

— Привет. Где пса выкопали?

Часовских снисходительно сплюнул:

— Это овчарка. Дора. У нее паспорт есть.

Врал, наверное, но Катька посмотрела на меня как на маленького, а потом обидно так попросила:

— Коля, дай, пожалуйста, поводок. Я хочу вести Дору. Хорошо, паспорт не потребовала.

Их пальцы запутались в поводке, получилось так, будто они вдвоем ведут одну собаку. Дора. Тоже мне... Дура!

Правда, Катька чего-то вдруг испугалась, руку выдернула, спрятала в карман пальто.

— Ладно, — сказал я. — Гуляйте!

И пошел.

— Коля! — окликнула меня Белова. — Подожди, я с тобой!

Не знаю, о чем бы мы с ней говорили, если бы не Женька. Он выскочил откуда-то из-за аптеки и, жуя пирожок, забасил:

— Ты подготовился? Смотри! Ты — наша гордость. Я сам слышал, как Людмила Даниловна сказала: «Зырянов — наша гордость!»

Я скосил глаза на Катьку, но она будто не слышала.

— Слушай, — засмеялся Женька. — А жизнь, она точно на нашей Земле зародилась? А то вчера к нам приходил дед Ефим. Седой насквозь, а туда же: «Все от бога!» Я говорю: «И телевизор?» Он говорит: «И телевизор!» Я говорю: «И полет на Луну?» Он говорит: «И полет на Луну!» Во дает, а?

— Как это твой дед до наших дней сохранился? — не выдержала Катька.

— Да уж сохранился. Тебе этого не понять!

— Ну и не надо! — фыркнула Катька и убежала.

А в классе Смолин выступил.

Нарисовал зачем-то на классной доске двух огромных мрачных ворон, развернувшихся друг к другу хвостами, и на каждой написал: «Это Латыпов», «А это Зырянов». И стишок настрочил:

А на самом крайчике,
на старом сарайчике
две в а р о н ы сидят,
обе врозь глядят,
из-за дохлого жука
перессорились!

Не знаю, на что он намекал, но Женька тут же вмешался. — Генка, — говорит, — а в а р о н а это от слова варить? Ты не сомневаешься?

— Запомни, — отрезал спортсмен. — Я, Ген Смолин, никогда и ни в чем не сомневаюсь!

Но ошибку исправил.

Людмила Даниловна села за парту рядом с Токаревой и сразу стала похожа на школьницу. Только не форма была на Людмиле Даниловне, а вязанные из шерсти жилет и юбка. Сидеть ей за партой было неудобно и длинные ноги свои она выставила в проход между рядами. Если бы я кого-нибудь вызвал к доске, он непременно споткнулся бы об ноги Людмилы Даниловны.

Но я никого не вызвал. Я вышел к доске сам.

Постоял, помолчал, положил книги на стол, поднял сполза обломившийся кусочек мела, повертел в руках указку.

В общем, я совсем не волновался, только смотреть почему-то хотелось не на примолкших ребят и не на Людмилу Даниловну, а на доску. Правда, в доске отражались те же лица — то ли посмеиваются, то ли сочувствуют, не поймешь. Я и Женьку различил — он из-под парты показал два растопыренных, как английская буква «V», пальца. Победу предсказывал.

И я начал:

— Ходим мы с вами по земле, и на этой земле почти всё кажется нам вечным и неизменным. Птицы, правда, на зимов-

ку на юг летят, деревья теряют листву, но это изменения временные.

Осторожно покосился на Белову — слушает!

— Русский ученый Козо-Полянский, — окрепшим голосом продолжил я, — еще в начале нашего века заговорил о том, что с тех пор, как человек захватил планету, животные на Земле перестали приобретать новые качества, то есть на Земле перестали появляться новые виды животных.

— Странно, — заметил Смолин. — Каких только букашек в саду по весне нет!

— Я говорю о появлении новых, никогда прежде не существовавших на Земле видов. Было время, плавали в океанах только комочки органической слизи. А потом... Потом появились и земноводные, и пресмыкающиеся, и, наконец, млекопитающие, к которым и мы, люди, принадлежим. Что же касается простого воспроизведения видов, Генка, то корова может произвести на свет только корову.

— И быка может! — возразил спортсмен.

Все засмеялись и посмотрели на Людмилу Даниловну. Она она не вмешивалась. Слушала. Как Белова.

— Бык — это тоже корова, только другого пола. Вот когда первые рептилии возникли на Земле — это была новость! Ведь до этого многие миллионы лет суша и моря были безжизненны. Только потом, как я уже говорил, появились первые органические клетки, и от них-то, от простейших организмов, и пошло все живое. Можно сказать, что рыбы, сумевшие выйти из воды на сушу, дали возможность появиться в будущем и нам — людям.

— Как это рыба может выйти из воды? — удивилась Токарева. — Во-первых, у рыб нет ног, во-вторых, на воздухе они замрут сразу!

— А это произошло не сразу. Тысячи раз получалось так, что после половодий оставались в прибрежных болотах морские рыбы. Большинство этих рыб, конечно, погибало, но некоторые сумели приспособиться к изменившимся условиям существования. Ведь, по сравнению с океаном, болото — почти суша. И в этих болотах в те давние времена было совсем неплохо: и сыро, и тепло, и хищников нет. Отмирали жабры у таких приспособившихся к болотам рыб, появлялись легкие.

— У нас в аквариуме, — вмешалась Рябцева, — живет золотая рыбка. Она часто высовывает голову из воды, смотрит на меня и дышит, дышит, дышит... Может, она тоже превращается в новый вид?

— Аквариум надо чистить, — заржал Женька. — Ученая!

— Не превратится твоя золотая рыбка в новый вид, — успокоил я Рябцеву. — Для такого превращения нужны миллионы лет и множество изменений внутри огромного количества организмов. Вот, смотрите...

Я приколол к доске рисунок-схему, взятую из книги «Жизнь Земли», и объяснил, как один вид постепенно давал начало совершенно иному виду:

— У пресноводной рыбы эвстеноптерона плавники были устроены совсем как лапы, а в передней части головы прорезались носовые отверстия: хочешь — живи в море, хочешь — лезь на сушу. От этой хищной рыбы произошли в дальнейшем астрасписы, похожие на червей, а от них — красивые рыбоподобные существа диплокантусы. Диплокантусы породили земноводного капторинуса, а тот, в свою очередь, циногнатуса, умевшего бегать по земле, как собака. Ну, а дальше проще: тринаксодон, амфитерий, парапитек... От последнего рукой подать до пещерного человека!

Парапитек на схеме, мощный и волосатый, здорово смахивал на спортсмена Смолина. Это многие заметили, и даже сам спортсмен, потому что он незаметно, из-под парты, показал мне кулак.

Но всех отвлек Женька.

Набывчившись, скосив глаза, надув щеки, он попытался на деле показать переход современного человека в новое, качественно иное существо. Правда, сразу сказался недостаток времени — на современного человека Женька уже не походил, но и человеком будущего не стал. Так себе — туповатый троглодит, переживший по неизвестной причине мамонтов и динозавров.

— Жизнь холоднокровных, — продолжил я, когда ребята отсмеялись, — таких, как змеи и динозавры, всегда зависела от температуры окружающей их природной среды. Если холод — впадали в спячку, если жара — бодрствовали. Диметродон, например, один из самых первых земных динозавров, обитал в полузасушливых районах. Он был похож на ерша, поставленного на четыре звериных ноги. Ученые долго не могли понять, как диметродон наловчился убивать противников, превосходивших его и силой и величиной. Лишь потом догадались. На длинных, почти полуметровых отростках, проходящих вдоль всей спины диметродона, натянута была широкая перепонка. Как парус. Вот этот «парус» и служил диметродону таким, как бы сказать, терморегулятором. Он, диметродон, работал, в прин-

ципе, как электрический утюг: мало тепла — спит, много — работает. Благодаря этому своему «парусу» диметродон разогревался и вставал утром раньше всех. Чуть пригрело солнце, он уже на ногах, иди и лопай любого спящего динозавра!

— Зырянов, — строго спросила Федотова, — ты, наверное, мечтаешь о далеких путешествиях?

Я думал, она добавит: «Для этого надо хорошо учиться!» — но Розка ничего не добавила, и я не стал врать:

— Да, конечно. О космических.

Удивилась даже Людмила Даниловна:

— А как же палеонтология?

— А вы представьте, Людмила Даниловна: прилетают люди на чужую, неведомую нам планету и видят — нет на ней жизни, кругом одни руины и пепел. Что там, на той планете, случилось? Почему погибла жизнь? Не грозит ли подобное и нам, землянам?.. Вот тут-то и понадобятся палеонтологи! Космические, конечно.

— Зырянов, а почему динозавры вдруг взяли и вымерли? — опять спросила Федотова. — Они что, были хворые?

Я обрадовался:

— «Хворые...» Скажешь!.. Здоровью их может даже Генка завидовать! Просто так привыкли считать — в друг. На самом деле все не так, ведь у геологов и палеонтологов совершенно свои понятия о времени. То, что для нас век, для них — секунда. Вот, например, сто лет назад южнее нашей Тайги росли непролазные леса, в которых жили и медведи, и рыси, и глухари. Но люди вырубали деревья, распахали землю и таежная фауна отступила на север. Ее место заняли животные открытых пространств — зайцы, хомяки, куропатки. Правда, здесь произошло всего лишь перемещение — таежники, исчезнув у нас, не исчезли в остальных районах Сибири. Но для палеонтолога из будущего, если бы он смог глянуть в наше время, эти изменения, конечно, представились бы катастрофическими, потому что, по сравнению с земной историей, произошли за какой-то один миг. С динозаврами, я думаю, было примерно так же... — это я приступил к изложению моей собственной теории. — В одних местах они вымирали, из других мест уходили, но длилось это не три дня, длилось это веками.

— Он врет, Людмила Даниловна? — грубо спросил спортсмен.

— Зачем же? Картина, в принципе, верная.

— Не только в принципе, — возразил я. — Знаменитый

русский палеонтолог Владимир Онуфриевич Ковалевский тоже так думал. Я вам сейчас прочитаю отрывок из его письма. Он тут пишет своему брату, тоже ученому, о перерыве, который существует между мелом, периодом, когда динозавры господствовали на всей Земле, и третичкой, когда динозавры практически вымерли. Вот... «Между мелом и третичкой есть перерыв, в этом больше не может быть сомнений... Представь себе сам: во всем меле ни одного млекопитающего, а затем вдруг в древнейшей третичке огромные млекопитающие вроде тапиров и жвачных, да по десяти видов на каждый род! Были же у них предшественники!»

— О чем это говорит, Зырянов?

— О том, Людмила Даниловна, что многие земные слои, заключающие в себе останки вымерших животных, просто-напросто размыты водой или развеяны ветром, одним словом — уничтожены. Поэтому мы не можем найти, да, наверное, и не найдем никогда самых важных переходных звеньев. Вот нам и кажется, что все случилось когда-то чуть ли не в один день.

— Ты сам пришел к такому выводу? — спросила Людмила Даниловна.

— Почти... — ответил я осторожно и покосился на Белову.

Катя в этот момент смотрела в окно, чему-то улыбалась. Но мой взгляд она почувствовала, сразу повернулась и, как всякая хорошистка, потянула вверх руку:

— Коля, а из чего состоит живая клетка?

Я онемел от возмущения.

Битый час рассказывал об удивительных, о потрясающих изменениях, происходящих в природе, а она все свела к элементарным вопросам! Подавай ей клетку! Саму бы тебя посадить в клетку. В обезьянью! И отдать Маньке Пылаевой!.. Учебники читать надо!

Я спохватился.

Честно говоря, я сам не всегда очень внимательно вчитываюсь в учебник. Вот, например, и с этой клеткой. Проходили мы ее, конечно, но подробно рассказать...

Клетка...

Живая клетка...

Подойдя к столу, я передвинул книги, вытер тряпкой пальцы. Не переставал надеяться, что Белова одумается, хлопнет себя рукой по красивому лбу:

— Вспомнила!

Но Катька не вспомнила.

Катька смотрела на меня и ждала ответа.

И Женька смотрел, и Фарид, и спортсмен Смолин.

От позора меня спас звонок.

Он заверещал на всю школу, как спасшийся от вымирания динозавр.

Все! Кончился урок!

Все так и подумали — не хватило мне времени. Только Людмила Даниловна поняла. Когда я забирал книги, тихонько спросила:

— Не знал? Или забыл — о клетке?

Хорошо, что никто не слышал.

— Сегодня же посмотрю!

— Даже Дарвин, — покачала головой Людмила Даниловна, — даже Дарвин не забывал про учебники. Ничего в них не пропускал, изучал досконально. Потому и стал крупным ученым... Ну, ладно... Повторишь... Я тебе верю... А насчет пропусков в геологической летописи ты хорошо сказал, главное — понятно. Ты знаешь, что об этом существует сейчас целая наука?

Меня как током ударило:

— Н а у к а?

Я столько книг изучил, столько перерыл словарей, и вдруг — на тебе! — опоздал с открытием.

4

Едва Людмила Даниловна вышла, Смолин завопил:

— Даешь изменения!

И запустил тряпкой в Пылаева:

— Женька, ты справился бы с живым динозавром?

— А почему нет? У него же голова была даже меньше, чем у тебя!

— Да ну! — ехидно заметила Рябцева. — Меньше головы, чем у Генки, быть не может.

Я не стал их слушать, выскочил в коридор.

Людмила Даниловна с журналом под мышкой шла к учительской. Первоклашки расступались перед ней, как лодочки перед большой и красивой яхтой.

— Людмила Даниловна! — крикнул я. — Как она называется?

— Кто «она»?

— Наука о пропусках в земных слоях...

— А-а-а,— понимающе протянула Людмила Даниловна.— Тафономия, Основал ее Иван Антонович Ефремов.

— Писатель? — удивился я.

— Да. Очень хороший писатель.

Я почувствовал облегчение:

— Он в каком-нибудь фантастическом рассказе написал о тафономии?

— Нет, не в рассказе, а в большом научном труде. Он ведь был крупным палеонтологом, доктором биологических наук, профессором. Ты это должен знать.

«Вот,— подумал я.— Как Навашин. Тот построил первый любительский телескоп, а этот — отнял открытие.»

— Спасибо, Людмила Даниловна.

— Ты огорчен?

— Да нет...

Я хотел уйти, Людмила Даниловна удержала:

— Вот потому и твержу тебе — внимательно изучай учебник, а то всю жизнь будешь открывать уже открытое.

Я кивнул.

— А за урок — спасибо! — Людмила Даниловна засмеялась.— О диметродоне ты хорошо сказал. Терморегулятор!

Я молча вернулся в класс.

Настроение у меня было неважное.

Не состоялось открытие!..

Я даже не сразу понял, чего от меня хотят ребята. А они нажились с вопросами, будто я был профессор. Что росло на первобытной Земле? Что ели мамонты? Существовали ли людоеды? Когда поймают Лох-Несское чудище? Даже спортсмен заинтересовался — почему у верблюда четыре колена?

Не было среди ребят только Катьки. Может, она обиделась на то, что я не рассказал ей о строении клетки, может, просто ушла гулять, все равно мне это не понравилось. Вспомнил почему-то про Часовских и про овчарку с паспортом...

Но вот странно.

Стоял я, переживая, и вдруг совершенно случайно перехватил взгляд Генки Смолина. Знаменитый спортсмен, гроза хоккейных вратарей и известных шахматистов, смотрел на меня так, будто впервые видел, больше того, будто чему-то завидовал...

Но чему?

Я ведь не сделал открытия. Я даже не повторил открытия. А в науке, как и в спорте, важны только новые результаты. Так что завидовать не Генка должен, а я. Завидовать его, Генкиной, смелости, его, Генкиному, умению сойтись на матч, его, Генкиной, решимости всегда бороться за первое место!

— Молодец! — хлопнул меня по плечу Женька. — Как ты только научился разбираться во всех этих костяшках...

— Ты же вон чертежи читаешь!

— Ну, это другое дело. Тут ясно — что к чему. А в костях разберись: то ли это нога, то ли хвост с кисточкой. Он засмеялся:

— Идем лучше в буфет.

Тетрадь шестая

СРЕДА

Манька осмысливает проблему арктических обезьян. Праздничный мусор. Превращение козы в девочку. Месть судьбы. В темном классе, на светлой сцене. Прощание в снежный вечер. Утешение: Фарид рад. Последний раз о звезде и спичке. Эти вечные, вечные вопросы...

1

Ошалеть можно, как хорошо бывает в школе!

Уже с порога потянуло на нас теплом, нежным запахом хвои и мандариновых корок. Мандарины появляются у нас всегда перед Новым годом. Манька Пылаева, например, так и считает: растут мандарины под снегом и вырезают как раз к Новому году.

Но у Маньки на все свой взгляд!

Утром пришел к Пылаевым, стою, держу зайца за длинные уши, думаю — завопит Манька от счастья, а она, дура, губу закусила:

— М н е? — спрашивает.

В упор, морковка, не верит!

— Тебе, — говорю. — Бери и помни: нет обезьян в Сибири, зато зайцы есть!

Глаза у Маньки стали как пуговики — тупые и мрачные. Зашкалилась. Даже Женька вздохнул, сунул ей в руки кусок пирога. Тут-то Манька и заверещала:

— Мой заяц! Мой!

И перепугалась:

— Весь мой?

— Весь, — успокоил я Маньку.

Жаль было расставаться с ушастым. Можно было дневник вести, отмечать изменения в росте и весе грызуна, но отец прав: нужно быть достойным собственной доброты. Пообещал — сделай! Нет обезьяны, отдай зайца!

Классы были закрыты, в коридоре не протолкнешься. Баба-Яга, мушкетеры в резиновых сапогах по пояс, снегурочки, белки... Даже пол казался праздничным. Сверкали обрывки «дождя», клочки ваты, цветные кружочки конфетти. Мы с Женькой так внимательно изучали весь этот праздничный мусор, что незаметно появившийся Фарид на всякий случай заявил:

— Это не я сорил!

— Конечно, — согласился Пылаев. — Ты бы насорил больше!

Так, всей троицей, будто не возникало у нас никогда никаких разногласий, мы и вошли в зал.

Елка звездой упиралась в потолок.

Мохнатые лапы расправились, тяжело раздалось в стоны.

За бумажными цепями, за стеклянными и ватными рыбами, зайцами, шарами, сосульками, за сверкающей мишурой и хрустальными льдинками хорошо были видны созвездия наших серебристых додекаэдров. Фарид даже пожалел — нет с нами В. И., не видит он такую красоту! А я не успел пожалеть, смотрел вокруг — где Катька? Страшно боялся: вдруг заболела, не пришла!

Если Катьке понравится книга, решил я, еще и стихи прочту. «Зрел я из вод океана возникшие земли, от берегов далеко залегали ракушки морские...» Очень хорошие стихи. О том, как море веками отступало от суши. Я эти стихи вычитал в толстом томе о живой и неживой природе.

Из шумной толпы выделилась, поплыла в нашу сторону Коза — Вика Токарева.

Не выскочила, как обычно, не завертелась юлой, а вот именно — по п л ы л а.

Мы ошалели.

Было от чего!

Волосы у Вики черные, глаза, как угли, кожа, как у цыганки, и вдруг — ослепительное белое платье, белые туфли, белый бант! Не Коза, а Снегурочка!

И двигалась Вика не как обычно, подпрыгивая и суется, а так, будто она была Беловой, — к р а с и в о. Будто понимала, что сегодня никто не посмеет увидеть в ней Козу.

Как же Катька выглядит? — ошеломленно подумал я. А Фарид засмеялся:

— С Новым годом, Вика! Я тебе кое-что припас! — И добавил, будто она могла не догадаться: — Это от меня!

Вика засмеялась, а Фарид, вдруг оробев, торопливо вытащил из кармана коробку красок.

Из Снегурочки тут же выглянула Коза:

— Краски! Медовые!

Даже языком лизнула:

— Ой, правда, сладкие!

Женька засмеялся:

— На завтрак оставь.

И в этот момент в углу зала, за лохматой, как лес, елкой, под нашими блистающими додекаэдрами мелькнула Катька.

Вот как ходить надо! Вот как надо держать голову!

Расталкивая ребят, я прорвался под елку, и Катька, засмеявшись, будто впервые меня видела, спросила:

— Фарид не видел?

— Зачем он тебе?

— Секрет! — Катька приложила палец к губам.

— На сто лет?

— На все двести!

Но секреты у Катьки, как птички. И нет еще клетки, из которой такая птичка не вылетела бы. Тут же, после своих «на все двести», Катька выпалила:

— Я знаю: он вытащил мой жребий!

— Латыпов? — у меня похолодело в груди.

— Латыпов? — повторил я фальшивым, срывающимся голосом. — С чего это ты взяла?.. И вовсе не он... Не Фарид...

— Ну да! — насторожилась Катька.

— Не Фарид... — пояснил я все тем же фальшивым и медным голосом. — Если бы он вытащил... я бы... мне бы... я бы не принес... Вот!

Я протянул Катьке книгу:

— Вот, возьми. С Новым годом!

Сколько раз я мечтал об этом моменте. И дождался...

«Дурак! — сказал я себе. — Стихи собрался читать...»
«Зрел я...» Ничего ты не зрел! Ничего не понимал, не видел!
И не то важно, что Фарид проговорился кому-то, а то, что я слов не могу связать».

А Катька заладила:

— Фарид!

— «Фарид! Фарид!» — передразнил я. — Читать умеешь?
Осторожно, будто боясь, Катька раскрыла книгу. На титульном листе, под рисунком парусника, моею собственной рукой было написано: «Кате Беловой в канун Нового года! Николай Зырянов. Тайга».

— Поменялись! — возмутилась Катька.

— Тебе неприятно? — честно спросил я.

Она не ответила. Не успела ответить. Хохоча на весь зал, протиснулись к нам сквозь танцующую толпу бело-снежная Вика, встопорщенный счастливый Фарид, веселый Женька.

— Смотри! — верещала Вика. — Это краски! Это медовые! Это Фарид мне дал! Их лизнуть можно! — и показала красный длинный язык.

Катька не слышала.

Не закрывая книгу, но и не возвращая ее, она смотрела на меня незнакомым мне, странным, каким-то взрослым взглядом. Я испугался, сейчас она крикнет: «Забирай» — и чтобы не слышать этого, как в мутную воду, нырнул в толпу.

Никто за мной не пошел.

Но это я так подумал — никто.

Когда на втором этаже, в каком-то полутемном, не запертом классе я втиснулся за маленькую парту, в класс бесшумно вошел Фарид. Он сел на парту, поболтал ногами:

— Она там с этим... как его... с Часовских танцует...

Я промолчал.

Фарид потянул меня за рукав:

— Кончай! Идем в зал. Не сидеть же тут, в темноте...

— А там... светлота?

— Дурак! — обиделся Фарид. — Она что, книгой в тебя запустила?.. Ей же тоже пофорсить надо, она — девчонка. Ну поменялись и поменялись, так многие делают. А ты сразу бежать... Торопыга!

В словах Фариды была какая-то еще не совсем ясная мне правда. Он прав, я всегда так: сперва что-то сделаю, потом думаю. И с задачей В. И. так, и с палеонтологической теорией, да и теперь, с «Путешествием»...

А тут еще вломилась в дверь Рябцева:

— Зырянов, ты что, вечер хочешь сорвать? Елена Ивановна ищет тебя по всей школе! Про пьесу забыл?

Если бы не пьеса, ушел бы домой. Честно говорю. Слово Зырянова.

2

В первом акте я сидел за кулисами.

Чувствовал рядом Пылаева, мрачно прислушивался к тому, как классная общественность всенародно обсуждает проступки Валентина Зорина.

Каждый, как мог, пытался помочь Морозовой, то есть Катьке: «Пусть он перечитает «Повесть о настоящем человеке»! О жизни с ним говори чаще! В кино своди. Не на вестерн какой-нибудь, а на свой отечественный нормальный фильм. Пусть поймет, что наша сила всегда в коллективе!»

Эх, если бы со мной, с Колькой Зыряновым, так возились!

Прямо сейчас, прямо из-за кулис, я бы бросился бить стекла в окнах, выбросил бы к черту все учебники! Пусть судят меня всем классом, пусть назначают, как Зорину, личного шефа. Катьку! И пусть она водит меня на любые фильмы, хоть по десять раз подряд! Я все выдержу. Я — Зырянов!

Ребята перешептывались, в суфлерской будке от напряжения постанывала Рябцева. Только я сидел безучастно. Елена Ивановна, конечно, заметила:

— Ты почему желваками двигаешь, Зырянов? Держись веселей. Зорин — он человек, в сущности, не злой, не делай из него негодяя!

3

И был час!

Щурясь от яркого света, я вышел на сцену, и сразу увидел, как тогда, на тематическом уроке, десятки устремленных на меня глаз. Я знал, что никто не может знать о случившемся между мной и Беловой, но смотреть в эти глаза было тяжело. А когда с другой стороны сцены появилась и Катька, сердце мое заколотилось, как овечий хвост. Объяснись тут...

Объяснение происходило в «классе». Ребята заставили партами полсцены, повесили на дверцу шкафа карты, таблицу Менделеева, даже человеческий скелет приперли — все,

как в жизни. Садись, бегай, делай, что хочешь, только спиной к зрителям не поворачивайся. «У сцены свои законы, — муштровала нас Елена Ивановна. — Учитесь уважать зрителя!»

Уважая зрителей, я уселся во втором ряду, так, чтобы нас с Катькой разделяло приличное расстояние. Мой мрачный вид Катьку удивил.

— «Откуда, откуда это в тебе? — зачастила она. — Родители — люди рабочие, гордые, книги ты читаешь умные, с хулиганом Кудряшонком не дружишь, а вот характер у тебя... Видите ли — Валентин Зорин, большой человек! Или ты, может, правда, самый лучший? Или ты, может, правда, один такой на Земле?..»

Я посмотрел, как Белова заламывает руки, и противно мне стало. Ничего она не поняла. Она роль играла. Так играла, будто полчаса назад я не стоял перед ней, как перед расстрелом.

Взял и ляпнул:

— Угадала! Один я такой на Земле!

Слов таких в пьесе не было. Катька вспыхнула, растерялась.

И не она одна.

Под сценой, под нашими ногами, в суфлерской будке, ахнула от неожиданности и брякнулась в обморок Нинка Рябцева, еще за неделю до выступления предрекавшая нам полный провал. «Недостатки лицевой мускулатуры Зырянова — раз. Дырявая память Беловой — два. Бесчувственность Вубнова — три...» И так далее.

Сбывались пророчества Рябцевой!

Зал замер.

Мне показалось, что на секунду даже огни потускнели. А вот зрачки зрителей расширились. Странно... Не зрачки, а блюдца!

Минута... Еще одна...

Катька молчала.

Сейчас кто-нибудь ахнет, ухнет, и пойдет чечуха. А это и есть провал.

Но очнувшись в своей будке Нинка Рябцева, зашелестела бумагами, заперхала, как овца:

— «Не пойму тебя! В школу, как на войну, собираешься...»

Дрогнувшим голосом Катька повторила подсказку, но простить Белову я не хотел, рубанул сплеча:

— На войне как на войне!

Ужасно глупо, но не мог удержаться. Очень уж интересно было смотреть на растерявшуюся Белову.

Но она сопротивлялась:

— «Где ты заработал право смотреть на людей именно так?..»

— Секрет, — сказал я. — На сто лет!

А Нинка снизу:

— «Разве?..»

Да так громко, что ее услышали за кулисами и в зале. До меня донесся сдавленный Женькин смех.

И все же нашлась Белова. Двинулась вдоль рядов, прямо на меня, вспомнила слова, голос ее сразу окреп:

— «Не верю, не верю я тебе, Валентин! Все твои слова, они от твоих собственных противоречий, от неумения поделить мир на всех. А ты ведь, согласишься, все равно хочешь того, что дается человеку только в коллективе... Ведь так, да? Я по глазам твоим вижу — да! Так ведь?..»

Именно в этом месте я, то есть не я, а Валентин Зорин, многое вдруг осознавший, поддавался на уговоры посмотреть правильный фильм. В конце сцены Зорин целовал Любу Морозову, потому что их дружба, как золотая рыбка Нинки Рябцевой, перерождалась незаметно в первую, чистую, как снег, любовь.

Но я-то, Зырянов, всего боялся и ничему не верил.

Сидел как пень, и Катька, решившись, сама подошла ко мне, и при всем зале, на глазах у доброй сотни людей, вздохнув, прикоснулась губами к моей щеке.

Губы у нее были сухие и теплые, но хорошо, что никто не мог видеть ее глаз! От Катькиного взгляда все вокруг сразу заиндевело, а я покрылся трехметровой броней льда.

Но сцена закончилась, загремели аплодисменты.

Я как сидел, так и остался сидеть. Когда занавес закрыли, Елена Ивановна ракетой вылетела на сцену.

— Зырянов! — всплеснула она руками. — Где твоя хваленая память?

— Что память! — радостно зашумел Женька. — Это называется импровизация. Во! Кроме Зырянова, сыграть такую роль никто не мог! Он наша гордость! Да, Елена Ивановна?

Из суфлерской будки выползла бледная, как Луна, Рябцева. «Я говорила, — причитала она, — я говорила...» Но что она говорила, она и сама не знала; глядя на нее, все засмеялись.

Только мне было не до смеха.
Я знал: теперь — всё! Не простит Катька. Никогда не простит!

4

Когда объявили прощальный вальс и елка таинственно замигала всеми своими огнями, Женька шепнул:

— Ты проводи Катьку. Вам по пути...

Мудрый человек Пылаев.

Ни разу не подошел, ни о чем не спросил, но знал все, что в зале делается. Да и Фарид, танцуя с Викой, трижды мне подмигнул: не жди, дескать!

Но если уж не везет...

Пока я искал в раздевалке шубу, Катька исчезла.

Я дошел до ворот школы, вернулся. Уборщица запирала дверь:

— Спать пора, парень!

Зачем-то заглянул в кочегарку. Там таинственно светилась открытая топка. Кочегар, Григорий Иванович, пил чай прямо из горлышка мятого жестяного чайника.

— Хочешь? — спросил он.

Я отказался.

Идти домой совсем не хотелось. Я знал, что где-нибудь у стройконторы, или у аптеки № 2, или у Катькиного дома ждут меня Фарид и Женька. Но и их я не хотел видеть. Никого не хотел видеть. Совсем никого.

Но куда-то надо было идти.

Я пошел.

Ярко поблескивали снежинки. Дорога лежала передо мной растоптанная, снег сухо скрипел. Издали, с железнодорожной станции, доносилось бормотание трансляторов, перекличка диспетчеров — бу-бу-бу! — приглушенным расстоянием свистки маневрушек. И слышались песни, крики — это расходились с новогоднего вечера наши ребята.

Свернув на тропинку, убегающую в плохо освещенный лог, я остановился напротив Катькиного дома. Он был как большой корабль — весь в инее, весь в огнях. И как корабль он уходил в будущее...

Без меня!

Пиная ледяные комки, я спустился в лог.

Снег падал все гуще.

Снег был лохматый, тяжелый, он слепил глаза, белыми

спиралями исчеркал все небо, оно казалось каруселью. А под редкими фонарями снег вообще сходил с ума — неся то вверх, то вниз, крутился, приплясывал, не хотел касаться сугробов.

Снеговорот...

Какие-то полуночники, взявшись за руки, поднимались навстречу. Они шли молча, они не торопились, они явно знали, что впереди еще целая праздничная ночь... А перед ними, в свете редких фонарей, так же бесшумно и неторопливо то скрещивались, то разбегались по сторонам светлые тени.

Надо ж, какие серьезные! — подумал я о неизвестных полуночниках.

И все понял.

Навстречу мне поднималась из лога Катька Белова.

Она была в своей белой шубке и в меховой белой шапке с длинными неподвязанными ушами. Только красного портфеля при Катьке не было. Зато был при ней Колька Часовских. А руки их были снова вместе, как тогда, на поводке у овчарки с паспортом.

Все, что я смог сделать — не опустил голову.

Спокойно прошел мимо, не кивнул, не хмыкнул — не видел.

Только за поворотом, когда никто увидеть меня не мог, не выдержал, побежал.

Сбивался с натоптанной тропинки, проваливался в рыхлый снег, но бежал, не останавливаясь, не оборачиваясь. Бежал до самого дома, до маленькой, наполовину утонувшей в снегу елочки — это были мои места, здесь мне было спокойно.

Но это я только говорю так — спокойно... На самом деле сердце стучало и во рту пересохло, как на сцене, когда Катька прикоснулась к моей щеке сухими губами.

Под елочкой я остановился, крепко сжал зубы.

Пусть гуляют, мне наплевать! У меня дела есть, многое надо обдумать, решить, сделать... Вот могу залезть на чердак, там телескоп лежит. Может, планету открыю...

Но не хотелось мне открывать планету!

Хотелось вернуться, догнать Катьку, спросить ее...

Но о чем?

Я вздрогнул, услышав:

— Колька!

Нет, не Белова. Женька это был. Пылаев. Здоровенный, весь в снегу. И он схватил меня за руку и крикнул:

— Я за тобой два квартала бегу! Чего ты рванул, как Манькин заяц? Дали бы шахматисту по шее, чего бежал?

— Отстань!

Но тут — сговорились они, что ли? — вылезли из-за сугроба Фарид и веселая, успевшая переодеться, а значит, и обратиться в Козу, Вика Токарева.

— Меня мама отпустила, — гордо сообщила она. — Я могу гулять до двух часов ночи!

И почему-то сбившись, добавила:

— С Фаридом...

— Мы видим! — хихикнул Женька и, взглянув на меня, будто все эти развлечения организовал я, спросил Вика: — На чердак полезешь?

Вместо Вики ответил Фарид:

— Еще чего?.. В пыли возиться...

— Тебя, Долгожитель, не спрашивают... Помолчи... Ну, Вика? — полезешь?

Вика прикрыла нос рукавичкой, фыркнула и решила за двоих:

— Вот напугал! Полезем!

5

Когда свет фонаря вырвал из тьмы заиндевевшую шхуну, Вика замерла. И точно так же, прищутив левый глаз, замер над нашим телескопом Фарид.

Женька не выдержал, хохотнул:

— Для тебя старались. Хоть ты и Долгожитель, жалко нам твоих лет. Бери телескоп, дарим!

— Ой, Фарид! — вспомнила Вика. — Ты же у нас именинник!

А Женька подмигнул:

— Бери, бери. Это большой рефрактор системы Максудова, космический фильтр, специально для просеивания планетной мелочи... — И прихвастнул: — Я две недели убил на обтачивание деталей, а Колька чуть не погиб в борьбе за стекло!

Осторожно, еще не веря в свое счастье, Фарид коснулся пальцами телескопа.

Тускло блеснула оптика.

— Так это вы, — догадался Фарид. — То-то Смолин сперва говорил о каком-то стекле, а потом язык проглотил. Так я и не понял — было ли у него стекло...

Женька ржал, как конь. Он тыкал пальцем в Фарида и,

даваясь смехом, пересказывал Вике все. Как Фарид решил убить год на шлифовку рябого стекла, как мы узнали, что такое стекло есть у Смолина, как мы пожертвовали толстой общей тетрадью, приготовленной для дневников будущей экспедиции...

Женька так хохотал, что на улицу вышел отец и крикнул:

— Эй, полуночники! Марш в дом! Известка с потолка сыплется!

Он подождал, добавил:

— И пирожки стынут!

Явно рассчитывал на Женьку, и Женька, конечно, заорал:

— Дядя Коля, мы сейчас!

И занял:

— Поздно, ребята. Пора и чаю попить.

Фарид молча вцепился в телескоп. Я пожалел его:

— Надо же испытать! Зачем лезли?

Фарид быстро ткнул Женьку в бок и умело выдвинул конец трубы в проем открытой чердачной дверцы. Миллионы звезд ждали астронома Латыпова. Они мерцали, разгорались и гасли, дрожали и мигали от напряжения.

Сменив Фариду, я склонился к трубе.

Видимая часть Млечного Пути сгустилась, будто все звезды взяли и слились воедино. Но в сияющем этом потоке чернели свои таинственные провалы, пятна, дыры. Странно мне это показалось, будто увидел я чернильное пятно на белом фартуке Беловой.

Космос, как Катька, — сплошные тайны!

В одной интересной книжке я читал об астрономе, который обнаружил, работая с радиотелескопом, одну непонятную вещь. Импульсы, посланные с Земли, давали на экране не одно, а два отражения: первое от верхних слоев атмосферы, как и должно быть, второе — от какого-то неизвестного объекта, находящегося за атмосферой, но ближе, чем Луна.

Не космический ли корабль засечен нами? — подумал астроном.

На специальном графике он отложил порядковые номера сигналов, ну и, конечно, интервалы между сигналами и их отражениями. И тогда перед ним возникла такая точная карта нашего звездного неба, что астроном ахнул! Правда, карта эта соответствовала тем временам, когда на Земле еще существовала Атлантида, а одна звезда — Эпсилон Волопаса — по неизвестной причине занимала совсем не свое место.

Естественно, астроном решил, что неизвестные пришельцы из Космоса указывали таким образом адрес своей родной звездной системы, а незаконное отражение радиоволн давал их спутник, оставленный пришельцами на околоземной орбите...

Хорошая книжка!

Но то, что я видел в трубу, было не скучнее. И было бы, наверное, еще интереснее, если бы не ушла Катька с вечера... без меня.

— Фарид, — спросила Вика. — А сколько звезд на небе? Я почувствовал, Фарид улыбается.

— Не так уж и много. Все они давно подсчитаны и нанесены на карту. И если говорить о нашем зрении, то есть сколько звезд мы видим на небосводе, то могу сказать — примерно около трех тысяч, никак не больше.

— Всего? — удивился Женька. — Три тысячи?

— Можешь проверить, — хладнокровно заметил Фарид.

— Что я — Долгожитель? — возмутился Пылаев. — Божим. Съедят пирожки!

— Катька... — повернулся я к Вике.

И тут же опомнился.

Что это с ребятами? Чего это они?

Фарид, прищуря глаз, Женька, круглый, как шар, Вика, вдруг расстроившаяся, — они все смотрели на меня, будто впервые видели.

— Колька, — вдруг заявил Фарид. — Я у отца возьму капроновый фал. Он тысячу килограмм выдерживает. В Гурьевский пещерах без такого фала не обойтись. А трубу тоже с собой возьмем. Не все же время будем сидеть под землей, правда?

— А спать когда? — возмутился Пылаев.

— А я? — заканючила Вика. — Возьмите и меня. Поварихой.

— Повар у нас есть, — отрезал Женька. — Классный повар!

— Ты, что ли?

— Я.

— И помоешь посуду, и белье простираешь?

Женька стусевался. Фарид и Вика посмотрели на меня. Темно было на чердаке, зрачки у них расширились, как у кошек. И я вдруг понял: вот в чем загадка задачи В. И.!

Зрачки!

Расширенные зрачки!

Именно в них было дело!

Честно говорю, решение задачи о звезде и спичке я нашел именно там, на чердаке.

Любую звезду, понял я, можно рассматривать как точечный источник света, удаленный на бесконечно большое расстояние. Но зрачок не точка, тем более ночью, когда он должен приспособливаться к темноте. А значит: не может тень спички, отбрасываемая светом звезды, перекрыть расширенный зрачок!

Я долго не спал в ту ночь.

Давным-давно спали отец и мама. Спал Фарид, спал Пылаев, спали все его бесчисленные, как звезды, родственники. Не спал лишь, побреживал вдали Фингал. Но зато Манька и ее заяц спали, и вся Тайга спала, кроме шальных полуночников да дежурных на станции.

Все спали. Все.

А я не спал.

Сидел в кухне на подоконнике и на холодном стекле, прямо передо мной, возникали и таяли от дыхания смутные туманные пятна.

Это только говорят, думал я, что человек всегда остается таким, какой он есть. На самом деле люди меняются, а иногда очень даже быстро, например, за одну ночь!

Изменяется и мир. Иногда так же быстро.

Конечно, этот изменившийся мир внешне всегда остается как бы тем же самым. Но это только внешне, на первый взгляд. В этом изменившемся мире остаются те же самые люди, но все равно — и сам мир, сами эти люди уже не такие, как прежде. И никогда такими, как прежде, уже не станут...

Н и к о г д а!

Раньше я не задумывался над этим словом. А сейчас вдруг удивился — почему? Удивился — как это можно было не задумываться над таким тревожным и странным словом? Не задуматься над ним — это ведь все равно, что прожить жизнь и ни разу не задуматься над тем — есть или нет край у Вселенной, и если он есть, то что там лежит, за этим ее краем?

Н и к о г д а!

Конечно, подумал я, Фарид и Женька — они остались... Но Белова, но Катька!.. Вот она уже никогда не станет для меня прежней!

Ладно! — сказал я себе. — Пусть мой мир изменился, пусть! Ведь Катька никуда не исчезла, она, как прежде, будет

красиво носить свою красивую форму, и, как прежде, будет сидеть в первом ряду, и, как прежде, будет внимательно вслушиваться в голос Людмилы Даниловны или... в мой.

Все же,— подумал я,— мир изменился...

Чувство невозможности, чувство такой еще непонятной потери стало столь острым, что, отгоняя его, я включил свет и вытащил из стола тетрадь в клетку.

«Что Катька! — сказал я себе.— В нее, что ли, все уперлось?»

Отгоняя запутанные, странные свои мысли, я быстро записывал:

«Можно ли построить туннель под океанами? Так, чтобы поезда, без помощи паромов, ходили из Азии в Австралию и на станции, расположенные в Антарктиде?»

Можно ли дельфинов по-настоящему обучить человеческому языку? Так, чтобы они, наконец, рассказали нам таинственную правду об Атлантиде?»

Можно ли добраться до самых глухих болот Центральной Африки? Так, чтобы достоверно узнать — сохранились ли до наших дней некоторые из тех животных, что давно уже отнесены к вымершим?»

Можно ли, изучив тафономию, заранее определять — вот здесь, под Тайгой, сохранились останки ископаемых животных, а вон там, под Таловкой, искать их нет смысла?»

Можно ли опуститься в батискафе на самое дно Бермудского треугольника? Так, чтобы сразу разгадать все его тайны и покончить раз и навсегда со всеми таинственными исчезновениями кораблей и самолетов в этом районе?»

Можно ли разыскать снежного человека, вызвать его доверие? Так, чтобы он, наконец, решился и объяснил — почему избегает нас, людей?»

Можно ли с помощью нашего телескопа открыть совершенно новую планетку? И если можно, имеет ли первооткрыватель право назвать ее любым понравившимся ему именем?»

Можно ли, наконец, правда, добраться до края Вселенной? И что находится там — за ее краем?..»

Интересные вопросы,— решил я.

И подумал: но самые ли важные?

Вот смотрите, в самом деле: почему Женька собственноручно готовит обеды на всю семью, а меня в кухню не загонишь и силой? Почему Женька любит возиться со своим токарным станком, а к звездам и динозаврам равнодушен? Почему Фарид обожает свою вредную черную бабушку? Почему

Манька Пылаева так легко меняет мечту об арктических обезьянах на какого-то примитивного сибирского грызуна? Почему мама качает головой, когда я тащу в дом всякие окаменевшие кости? Разве не видит она, что эти кости мне так же интересны, как звездное небо над головой для Фариды, как токарный станок или авиамодель для Женьки Пылаева? Почему Генку Смолина привлекает не наука, не техника, не художественная самодеятельность? Почему Генку Смолина всегда привлекал и продолжает привлекать только спорт, причем в самых широких масштабах — от шахмат до хоккея? И почему, наконец, я очень хочу, но никак не могу разозлиться по-настоящему на того же Кольку Часовских, который у нас тоже не последний в спорте, особенно в шахматах? Что он, лучше всех? И разве не с ним ушла с новогоднего вечера самая красивая девочка нашей школы?

От всех этих вопросов голова моя пошла кругом.

Спасаясь от них, я прижался лбом к холодному стеклу. Я будто впервые увидел Тайгу — свой город.

Сугробы белого, крахмального даже, снега; белые, заиндивевшие, в куржаке до самых вершин, деревья; такие же ровные крахмальные скаты крыш; а надо всем этим — светлые низкие звезды...

И тишина.

Глубокая ночная тишина, в которой спокойно досматривали вторые сны мои верные друзья Фарид Латыпов и Женька Пылаев, Людмила Даниловна и материальный носитель наследственных свойств Ген Смолин, рыжая, но разумная морковка Манька и ее сибирский дикий грызун. Спали себе, и не стояло перед ними никаких вопросов...

Спать. Пора спать, — сказал я себе. Но не шелохнулся, не оторвал лба от стекла. Все мне хотелось сегодня понять, на все хотелось ответить. Вопросы эти (я понимал) пришли ко мне не случайно.

Почему? Почему?

Впишу в тетрадь и эти вопросы, решил я. Ведь рано или поздно, но надо ответить и на них...

Вот именно, сказал я себе, надо!

А слово хочу, подумал я, пусть остается Маньке. Оно для ее возраста.

В ту ночь я, наконец, догадался, что же мешало мне решать те или иные задачи — неважно, астрономические или из жизни.

Хочу! — вот что мешало.

И я уснул только тогда, когда убедился: новое слово най-

дено, в новом для меня мире я и сам теперь буду жить по-новому.

Вот оно, это слово.

Надо!

**ПРИПИСКА
НА
ПОЛЯХ:**

Показал я эти записки Женьке, а он сразу навел критику: «Чудак ты, Колька! Не все знают, что такое эфемерида или этот твой эвстеноптерон!» — Сперва я хотел дать Женьке по шее, но потом передумал. — «Если ты не лентяй, Женька, если тебе, действительно, интересно узнать что-то новое, возьми толковый словарь или энциклопедию и разыщи в них значение непонятных тебе слов. Только так, Женька, люди и развивают свой КИ!»

Ну, пока!

Встретимся в Гурьевских пещерах!

Часть II

ГИПСОВЫЕ САДЫ, КАМЕННЫЕ СИЯНИЯ...

Тип: пещера. Название: Гурьевская. Административное положение: Кемеровская область. Расстояние до ближайшего населенного пункта: 1,5 км, Таловка. Расположение входа: берег реки. Высота входа, его форма: 7 м, арка. Ориентировка входа по отношению к странам света: северо-восток.

Н. Зырянов. Из дневника наблюдений

Я не Зырянов: уж если ты — мышь, летать не смей! А человеку вообще следует жить под солнцем, а не затыкать собой «шкуродеры».

Е. Пылаев. Из частного разговора

Женька не прав. Но мне сказать нечего...

Ф. Латыпов. Устное сообщение

Тетрадь первая

СРЕДА

Бивак под каменным Ухом. Кешкина кепка. Мы идем на дно моря. Последний костер. Гул подземной грозы. «Привет троглодитам!» Мы — Пылаевы... Любимая карта. История с кораблем Робинзона. Горячий суп для полярных исследователей. Настоящий мужчина. «Я, дядя Боб...» Мое удивление: где Фарид?.. Наше низвержение в бездну.

1

Утром Женька варил рисовую кашу и жалел нас — меня и Фариду: все люди как люди, а мы лезем под землю. И в каменном Ухе что-то подозрительно чавкало, шипело, то стон из-под земли доносился, то шепот, то какие-то совсем уж непонятные звуки. Я — ничего, мне хоть мамонт рядом труби, а вот Фарид морщился, будто у него зуб болит: не спал он всю ночь из-за Уха. А чего, спрашивается, нервничать? — это же не утопленник стонет, это просто вода не-сется в глубине пещеры, а Ухо всего лишь выносит наружу ее шум. Как усилитель.

Само Ухо выглядит так.

В отвесной стене на уровне человеческого роста («Колькиного роста», — говорит Пылаев) чернеет почти двухметровая дыра, сперва широкая, как бочка, а потом узкая, уже барсучьей норы. И почему-то ее до сих пор не забило ни камнями, ни глиной, вот и доносится из пещеры шум воды — чавканье, хлюпанье, разные стоны. Фарид морщится, а мне, я уже говорил, это все нипочем, я даже пытался расширить отверстие. Не удалось. Известняк оказался такой плотный, что его не взял даже Женькин молоток.

— Оставь Ухо в покое, — посоветовал Женька. — Я через Ухо буду подслушивать ваши подземные разговоры.

Фарид завистливо вздохнул. Женька посмотрел на него, тоже вздохнул, и к четырем банкам тушенки, к сухарям, к чаю прибавил кусок масла:

— Там, внизу, холодно... Пригодится...

Это он опять нас жалел.

— Не перегружай рюкзаки, — вмешался я. — У нас все до грамма рассчитано.

— А если заблуду... если задержитесь?

— Если задержимся, виноват будешь только ты! Кто отшил Кешку?

Кешка — это тоже Пылаев. Женькин двоюродный брат. Пылаевых в городе и в области — что комаров, и все знают друг друга. Но для Женьки Кешкино имя — как тряпка красная для быка: сразу взрывается.

— Также мне, потеря!.. Вы, наоборот, спасибо мне должны сказать: я вас спас от хвастуна и проходимца! — Очень похоже, хриплым басом, Женька передразнил братца: — «Я эту пещеру прошел насквозь! Я в этой пещере оставил новую кепку!..» Видали?.. Смелчак!.. Один — так землю прошел насквозь, а с нами ему не по пути!

Кое в чем Женька прав. Кешка с самого начала повел себя странно: на Женькино письмо не ответил, а дяде Грише (Женькиному дяде и, соответственно, своему отцу) заявил, что мы, наверное, полезем в пещеру, куда вход, якобы, всем запрещен. Чуть сразу все дело не завалил. Ведь мы всем говорили: идем в карьер, на старые разработки. Ведь всем говорили: наша цель — дно девонского моря.

Известняки, которыми сложены наши горы, которыми подстелены наши равнины — они, эти известняки, образовались миллионы лет назад, благодаря всяким морским организмам. Здесь, на месте Таловки, на месте Тайги, на месте всей области, плескались когда-то мелкие теплые моря. Вот мы и идем исследовать, говорили мы, историю этих морей — наберем ископаемых организмов, изучим каменные породы, будет о чем рассказать на уроках Людмилы Даниловны.

Ну, а неофициально...

Неофициально мы, конечно, собирались в пещеру. Только взрослым, даже дяде Грише, об этом знать незачем. В успехе мы не сомневались, а победителей не судят. Все наши мысли весь год, как стрелка компаса, направлены были на Гурьевскую пещеру. Ведь в ней, если верить дяде Грише, никто еще не бывал — даже Кешка. Мало ли что он сам говорит! «Новую кепку оставил...» Да хоть шляпу, — докажи! Дядя Гриша на заверения Кешки говорил одно: «Кепку потерял — ладно. Но если я узнаю, что ты и правда лазил в пещеру, как козу выдеру!..» Вот поэтому, наверное, Кешка и прятался от нас. Мы его ждали два дня. Жара дикая, воздух звенит, речка почти пересохла, в самую пору идти в пещеру, а Кешка как провалился. Козу, видите ли, ищет. Даже не козу, а ее останки, ведь потерялась коза еще весной...

На третий день я не выдержал:

— Так мы все продукты съедим. Давай собирайтесь! Все решим на Большом совете.

Такая у нас форма организации: я — начальник отряда, но основные вопросы решаем тройкой.

— Река обмелела, — доложил я. — Вход в пещеру открылся. Сейчас там по колено, если не меньше. Я считаю, пора выступать.

— И я «за», — кивнул Женька. — Чего нам вруна ждать!

Только Фарид согласился не сразу. Он почему-то Кешке верил, но скорее всего просто не хотел отрываться от своего телескопа и лезть куда-то под землю. Сидел, чесал затылок, смотрел, как ветерок раскачивает черемуху, под которой мы сидели. Прямо за Фаридом чернело раскрытое окно.

— Может, дождемся Кешку? — спросил Фарид. — Был он или не был в пещере — дело второе. Вход-то в пещеру он должен знать. Хотя бы вход укажет.

— Вход мы и сами знаем...

Мне показалось, что в открытом окне что-то мелькнуло, но я слушал Женьку:

— Вход мы и сами знаем. А еще... Еще мы должны быть первыми! Когда начнутся настоящие исследования, без наших имен никто не обойдется. Вопрос: «Кто первым вошел в таинственную пещеру?» Ответ: «Трое из Тайги!» И, естественно, наши фамилии...

— Хотя бы поговорили с Кешкой, — отступил Фарид. — Так что у меня особое мнение: дождаться Кешку, получить информацию...

И в этот момент прямо между нами шлепнулся камешек.

Мы подняли головы.

В темном проеме окна торчала ушастая физиономия Кешки. Он отчаянно нам подмигивал и быстро-быстро шептал:

— Эй, слышите!.. Вы со мной о пещере не говорите!.. Особенно при отце...

— Во! — заржал Женька. — Герой! Землепроходец!

Герой, конечно, выглядел бледновато — весь исцарапанный, на щеке синяк. Видно сразу — не нашел козу.

— Слышите!.. — шептал он. — О пещере со мной — ни слова!..

Шептал и все время быстро оглядывался — боялся, наверное, дядя Гриша услышит.

Дядя Гриша мужик строгий. Я бы на месте Кешки тоже боялся.

Год назад, когда речка пересохла так же сильно, как сейчас, Кешка один якобы сумел спуститься в пещеру. И не только спустился, но для верности и от лихости еще и приметный знак в каком-то гроте оставил — повесил на выступ скалы новую, купленную ему дядей Гришей, кепку. Дядя Гриша, естественно, поинтересовался: «А где кепка?» Кешка врать не стал: «В пещере!» Вот дядя Гриша и наподдал ему сперва за потерянную кепку, а потом еще и за вранье: «В эту пещеру даже студенты взрослые не смогли попасть, а ты мне тут заливаешь...» Да еще Женька вмешался, написал дяде Грише: «Что-то ваш Кешка молчит. Я его спрашивал в письме про пещеру, а он чего-то кобенится». Дядя Гриша просто ответил: «Нечего Кешке сказать про пещеру. В пещеру нашу никто еще не входил, она же водой затоплена». — «Чего же ты врал?» — написал Женька Кешке и получил от брата единственное за всю жизнь письмо: «У меня живет тибетский кот, семнадцать килограммов весит и левой лапой валит годовалого бычка. Посмей только явиться в Таловку, он и тебя завалит!» — На этом переписка братьев закончилась. Ведь если врут про кота, про пещеру соврать нетрудно...

— Эй, слышите!.. — снова затянул Кешка. — Вы бы лучше рвали отсюда домой!

— Кота натравишь? — опять заржал Женька. — Тибетского?.. Мы его видели, он мышей боится!

— Если отец узнает, куда вы собрались...

— Выболтать хочешь?

— Я-то, может, и не скажу, да по вам все видно! Спуститесь под землю и ищи вас! Отец сразу скажет: «Это Кешка их с панталыку сбил!» И мне же попадет... Я таких, как вы, насквозь вижу!

— Рентгеном работаешь?

Кешка не обиделся:

— Рентгеном не рентгеном, а таких, как вы, знаю. «Мы на карьер! Мы на карьер!» А сами — в пещеру.

— Тебе-то что до нас?

— Как что? — возмутился, наконец, Иннокентий. — Вы заблудитесь, а сечь будут меня!

— Видали? — кивнул Женька. — Герой!.. А вы его в проводники чинили! — И сплюнул презрительно: — Слышь, Иннокентий, спрячься! А то я тебе добавлю еще один синяк.

— Вы там всех мышей перепугаете, — тянул свое Кешка.

— А там мыши есть? — испугался Фарид.

Кешка, как крыльями, похлопал руками:

— Тысячи!

И так быстро и подозрительно оглянулся, будто за ним следили шпионы.

— И не спрашивайте меня ни о чем... Ничего не скажу... Вон рядом карьер, туда и валите...

Тут Женька не выдержал:

— Ах ты, гидропоника!

Подпрыгнул, вцепился в братца.

И смотри ты, — Кешка маленький, сухонький, а отбился. И не Женька ему, а он Женьке поставил синяк. Женьке теперь никакая тьма не страшна — обойдется без свечей, без электричества. Жаль, в пещеру ему вход заказан — щели там узкие, застрянет в первом же «шкуродере». Это я и Фарид созданы для пещер, — наверное, поэтому Женька нас и жалеет:

— Без проводника обойдетесь. Больше чести — пройти первыми. Да и арка, видели какая, над входом? В такую хоть из пушки стреляй, не рухнет. Значит, и пещера крепкая...

Арка над входом в пещеру, правда, как заводские ворота. Не какая-нибудь барсучья нора, а именно арка. Вот полистайте учебник истории древнего мира. Там есть такой рисунок — Львиные ворота в Микенах, в Греции. Руки подними, не достанешь до перекрытия... А под нашу арку и электровоз въедет. Садись и въезжай в пещеру!

Но все, конечно, не так просто.

Хоть арка и здоровая, подножье ее всегда затоплено водой, и вода не стоит, как в омуте, а ревет и несется куда-то под землю. Что там дальше — никто не знает. Только в очень засушливое лето вода падает так низко, что под арку можно войти вброд. Но такие засушливые годы выдаются редко, а когда выдаются, почему-то нет смельчаков. Мы раньше слышали, что там, в пещере, еще в гражданскую войну прятались партизаны, но дядя Гриша нам сказал определенно: «Если б такое случилось, я бы знал. Отец-то мой сам ходил в партизанах».

Такие вот пироги...

2

К арке шли прямо по речке. Солнце взошло, но вода еще не согрелась, мы продрогли, и под аркой Пылаев, конечно же, заявил:

— Дальше еще холоднее будет. Даешь прощальный костер!

Фарид только и ждал этого — сразу бросился за сухими ветками. А я на всякий случай еще раз проверил содержимое наших тощих, чтобы не мешали в узких проходах, рюкзаков. Тушёнка, чай, сухари — на месте. Спички, свечи, два фонаря — на месте. Запасные батареи — на месте... В пещере солнца не жди, это тут, на земле, палит вовсю. Так палит, что дядя Гриша кричит, жалуется: «Ну, сушь! Ну, сушь! Когда ее поломаешь?..» Все молит у погоды дождя. Оно понятно, дождь нужен, но пусть прольется, когда мы закончим исследования, а то река вздуется и не пустит нас в пещеру.

Вытащил я из рюкзака, бросил рядом с костром кепки, подбитые толстым слоем байки. Мы решили их использовать вместо касок, чтобы макушки не зашибить. Женька было подкатывался к нашим пожарным, хотел достать настоящие, но из пожарной части его турнули, пришлось самим изобретать защиту...

— В Таловку без нас ни шагу! Сиди в лагере! — отдал я Женьке последнее приказание.— И Кешку не задирай, а то выдаст он нас. Ясно?

Женька кивнул. Не стал спорить. Жалел нас: под землю лезем!

3

Сразу за аркой начиналась, собственно, сама пещера — каменный глухой свод. Дно ее было завалено сорвавшимися сверху глыбами, между ними лениво струилась мелкая вода, но дальше, в полумраке, она вдруг начинала набирать скорость и уходила в неизвестность с шипением, с шумом.

— Будь я партизаном,— сказал Фарид,— я бы сюда не полез. Я бы последний бой дал врагам на дневной поверхности, под солнцем.

Он даже поежился, разглядывая мелькающие в луче фонаря стены. Шероховатые, мрачные... И не подумаешь, что в тридцати шагах отсюда светит солнце, зеленеет трава...

«Пора забыть об этом,— решил я.— Пора привыкать к подземному миру. Пора привыкать к тому, что какое-то время не будет для нас ни лета, ни зимы, ни Луны, ни Солнца, ни дождей, ни ветров. Только тьма. Только вода и камень. Одна огромная, погруженная в вечный мрак, каменная пустыня...»

И я тоже поежился и глубже натянул на уши кепку.

Свет фонаря вырывал из мглы острые, сырые камни,

под ногами хлюпала вода, в подставленную ладонь со свода послушно падали тяжелые, как ртуть, капли. Свет то упирался в низкий потолок, то терялся в пространстве, не находя никаких препятствий. Как река имеет широкие плесы и узкие протоки, так и эта пещера то сжималась в пожарный шланг, то раздувалась мыльным пузырем. «Может, не врал Кешка? — подумал я. — Тут ведь, правда, можно пройти...»

И Женька, наверное, вспомнил Кешку, — хмыкнул:

— Я думал, пещера — это узкие щели, а тут коридор, как в школе. С закрытыми глазами пройдешь!

Только Фарид молчал.

Подозрительно молчал.

Когда мы тренировались в старом брошенном погребе, когда лазали по санным сараям, он тоже так молчал и ожидал только, вылезая наружу. Если бы не Женькины габариты, конечно, я взял бы с собой Женьку — пусть Фарид сидит на страховке, но ведь Женька, как шкаф, куда его засунешь, там и будет торчать.

Я даже обрадовался, когда каменный коридор превратился в низкую длинную щель. Справа крутились воронки уходящей в невидимую бездну воды, но слева краешек был почти сухим.

— Это что, туда и спускаться? — спросил Женька и первым сунул голову в темноту. Повозился там, осветил: — Нормально! Тут даже я пролезу... А внизу — ровное дно... И, кажется, два хода...

— Глубоко? — спросил я.

— Метра полтора... Только там лужа...

— Глубокая? — спросил Фарид.

— А я знаю?... — и Женька вдруг боком-боком, как рак, отполз от провала. — Слышите?

Но мы и сами услышали.

Откуда-то снизу, из бездны, заглушая шипение падающей в провал воды, как раскаты приглушенного грома, донесся до нас низкий и ровный гул... Отразился от стен, смолк, повторился...

— Гроза... — шепотом сказал Фарид.

— Камнепад, — возразил я. — Подмывает вода стены, они рушатся.

Женька осветил на стены. Они стояли мощные, плотные, такие не подмоет сама Ниагара.

— А еще в таких пещерах любили жить медведи, — почему-то добавил я. — Врагов нет и вода всегда рядом.

— Удобно, — безвольно согласился Фарид.

— Не дрейфь! — Женька хлопнул Латыпова по плечу. — Сходишь на разведку, а в основной маршрут пойду я.

Он посветил в щель и протянул фонарь Фариду:

— Ты самый маленький. Пойдешь первым.

Фарид послушно сунул голову в щель, побарахтался там в темноте, чуть не окунувшись в несущуюся рядом воду, и выполз обратно.

— Ты что? — удивился Женька.

— Она сжимается!

— Кто она?

— Щель!..

— Отойди! — я локтем отодвинул Фарида и прополз под низкий каменный козырек.

И правда, свод будто лег на меня, свод, будто челюсть акулы, вцепился в рюкзак, да еще мешал мне молоток с тесемкой на рукоятке. «Придется его подрезать», — подумал я и крикнул:

— Женька! Тут точно не высоко?

— Ныряй, не утонешь!

Затаив дыхание, я, руками вперед, сполз в расступившуюся передо мной бездну.

Оказалось, нет бездны. Есть жидкая холодная грязь, так и плеснувшая из-под пальцев. Я сразу отполз в сторону, на сухое место, и включил фонарь.

Потолок высоко, но пещерка невзрачная, даже скучная. Если бы не водопад, уходящий в широкую дыру, вообще смотреть не на что...

Что это?

Я затаился, прижался к сырой стене, потому что снова услышал отдаленные таинственные громы. «Вот еще не хватало...» — подумал я о пещерных медведях. И крикнул:

— Фарид!

— ...рид! — откликнулось эхо.

«Вернуться?..» — я сделал шаг к щели, из которой только что вынырнул, но вовремя вспомнил Кешку. Если он не врал, нечего бояться. А если врал — сами узнаем, что там дальше...

«А может, он и правда тут был?..»

Я уже внимательней присмотрелся к водопаду — по веревке можно спуститься... Потом шагнул в глубь пещеры... На полу глина, лужицы...

Наконец до меня дошло: мы же в пещере! Мы сюда год собирались! Вот она! Начинай делать открытия!

«И вообще... Чего это я испугался?.. В подвалах, где мы

тренировались, страшнее. Даже крыс видели... А тут никого нет, только мы! Проведем разведку, а потом — в основной маршрут. Дней за десять все облазаем. Француз Мишель Сиффр, например, не десять дней, а семь месяцев провел под землей. Один! За его наблюдения ухватились все космонавты — где, как не в пещере, можно по-настоящему изучить космический мрак, тишину, одиночество?.. А знаменитый спелеолог Норбер Кастере? — вспомнил я. — Он же под землей провел не семь месяцев, а полжизни...»

— Фарид! — уверенно крикнул я.

— ...рид! — неуверенно откликнулось эхо.

Но сразу же наверху, в темноте, раздалось пыхтение, упал в лужу камешек, обрызгал водой мои брезентовые, плотно пригнанные штаны. Такие штаны у нас в Тайге носят возчики — не промокнешь ни в какой дождь!

— Фарид!

Недовольное пыхтение раздавалось теперь прямо над мной. Я отступил в сторону и сразу же сверху свалился в лужу рюкзак:

— Лови!

Голос был Женькин. И рухнул в лужу Женька, а не Фарид.

— А где Латыпов? — удивился я.

— Медведи сожрали!

Я повел фонариком, Женька недовольно зажмурился. Сполз он неудачно, промочил на плече свитер, на круглом лице чернели грязные полосы, но улыбка, как всегда, еле вщелкалась в пещеру.

— Привет троглодитам! — прокричал он.

— Где Фарид?

— Фарид! — строго крикнул Женька.

— Ай? — донесся голос Фарида.

— Кешка придет, действуй, как я: прямо по уху!

— Ага...

— Струсил? — возмутился я.

— Это ты брось! — Женька как медведь навалился на меня, оттеснил в сторону: — Не струсил он, а остался при деле! Ты, Зырянов, в людях ничего не смыслишь. Тебе только кадры разбазаривать! Тебе в голову не придет: каждый человек хорош только на своем месте!

— С чего ты взял, что твое место в пещере?

— Вся Земля — моя! — хвастливо заявил Женька. — Мы — Пылаевы! Нас много.

— Струсил! — я сплюнул на влажный глинистый пол. — Тоже мне, исследователь! Карту принес... «Мы, — говорил, — теперь составим настоящую карту! Будет точнее звездной!..» Составил... Эх, Фарид!..

4

На вопрос о любимой книге ответить не сложно, правда? Даже любимую картину, подумав, можно назвать... А вот карту... Есть у вас любимые карты?.. У меня, например, есть.

И не одна. Несколько.

Это, прежде всего, карта плато Мепл-Уайта (пещеры, охотничьи западни, место битв с человекообезьянами), это карта острова Линкольна (теперь его уже не найдешь, он, как знаменитый Кракатау, разрушился при взрыве вулкана), затем карта страны, в которой старый отважный охотник Аллан Квотермейн открыл копи царя Соломона, карта острова Санникова (тоже уже не существующего) и, наконец, карта долины, спрятавшейся в тени хребта Чомо-Лари. Правда, в отличие от всех других, карта, вычерченная героем Майн Рида, битком набита ошибками. Тут у него и слоны бродят, и олени, и буйволы, а вся-то долина — десяток квадратных километров. Настоящие животные давно бы пожрали всю растительность...

Вот Роберт Льюис Стивенсон, тот в своих картах никогда не допускал никаких ошибок. Уж если указано у него — болото, то будь здоров, по болоту этому ни один каторжник не пройдет; если указан у него холм Бизань-мачты, то будь здоров, с холма этого ты увидишь и остров Скелета, и Иловатую отмель. Да и сам остров Сокровищ у Стивенсона совсем не выдуман — это самый настоящий остров, называется он Пинос, а находится в Карибском море.

Я и Фарид с Женькой заставлял изучать карты:

— Ну, вопрос на засыпку! Где надо искать остров Робинзона Крузо — в Тихом океане или в Атлантическом?

Женька, как всегда, пожмет плечами и посмотрит на Фариду. Тот не сразу, но ответит:

— В Атлантике.

— Почему?

— По кочану!

Это означает: не хочет он, астроном Ф. Латыпов, отвечать на дурацкий вопрос. А вопрос вовсе не дурацкий.

— Конечно, в Атлантике! Ведь Даниель Дефо совершенно точно указывал на берега Гвианы, на острова Карибского моря и даже на остров Барбадос.

— Я и сам хотел так сказать,— хихикнет Женька,— только застеснялся.

— А где угодил корабль Робинзона в тот самый шторм, после которого бедняга попал на необитаемый остров?

Тут уж Женька первый:

— В Атлантике!

— А точнее?

— Кажется, на траверзе острова Барбадос,— вспомнит Фарид.

— А куда шел корабль Робинзона, если будущая его земля с дикарями и козами оставалась в направлении запад-северо-запад?

— Не уважаешь! — хмыкнет Пылаев.— Конечно, восток-юго-восток.

— А в широтах какого полушария, северного или южного, находился корабль Робинзона, если в день осеннего равноденствия Солнце стояло над ним почти в зените?

— Ну,— возмутится Женька,— ты тюльку мне не гони! «Широты...» Нашел о чем спрашивать. У меня тут пробел в знаниях.

Пробел в знаниях у Женьки точно был.

В день, когда Людмила Даниловна занималась с нами вычислениями долгот и широт, Пылаев отличился — подкинул в бачок с водой кусочек металлического натрия. Наша техничка, тетя Рая, увидев, как взрывается и горит вода, на глазах у всех стала креститься и плакать. Вот Женьку и вывели в осадок. Целых три дня, пока его отец разбирался с директором, Женька бил баклуши...

Зато Фарид сразу прищурил левый глаз:

— В каком полушарии?.. Спрашиваешь! В северном.

— Почему? — Женька решил, что его разыгрывают.

— Да потому, что сентябрь в южном полушарии — месяц весенний.

— Ну и как? — спросил я Фариду.— Далеко это от экватора?

— Наверное, где-то между Барбадосом и экватором... Ближе к экватору...

— Почему? — разозлился Пылаев.

— Да потому, что в день осеннего равноденствия Солнце над экватором стоит именно в зените.

— Итак? — бросил я последний вопрос.

Фарид ухмыльнулся — опять выручила его астрономия:
— Корабль Робинзона находился у берегов Южной Америки!

А я уточнил:

— Неподалеку от устья реки Ориноко.

— Я проверю, — пригрозил нам Пылаев.

5

А карту Гурьевских пещер действительно достал Фарид. Его отец когда-то работал лесником и часто пользовался этой картой. Собственно, вход в пещеру обозначен на карте крестиком, зато все остальное дано подробно, как в кино.

Приятно было вечерами сидеть над картой и проследить будущий путь — поездом до Пихтача, а там пешком по лесной дороге до самой Таловки. Через длинную гарь, где вполне возможна встреча с медведем или рысью, через глухой ельник, где темно даже днем, через старую заимку Львова, через брошенную деревушку, где в разгороженных палисадниках до сих пор растет полосатый крыжовник. А потом — гора, под которой растянулась на полтора километра сама Таловка. Она — как школьный коридор, только вместо классов дома. А уже за деревней, за длинной грядой обнаженных известняковых скал, за каменным Ухом — пещера. И выше, на горе, обозначил кто-то еще пять крестиков. «Это ямы, — пояснил нам отец Фарида. — Там весь склон размыт. Идешь, и вдруг перед тобой яма, дна не видно. У меня однажды собака свалилась в такую яму, а бывает — пропадают козы. У нас там, в Таловке, принято было — найдешь такую яму, скажи. Всей артелью идем, перекрываем ее бревнами, чтобы скот не гиб». — «Это не ямы, — сказал я. — Это карстовые промоины, воронки». — «Может и так, — усмехнулся отец Фарида, — только козе это не объяснишь». — «А как вы искали эти промоины? Они ведь, наверное, в траве...» — «Да как... Случайно, конечно... Тут у нас Кешка Пылаев отличился, он все время по лесу шастает. Одну яму он прямо зимой нашел. Снег над ней протаял, пар издалека было видно...»

Тут я подмигнул Женьке: мы не Кешка, мы все промоины изнутри найдем, из пещеры. Найдем и отметим на карте, раз и навсегда. Вот, дескать, товарищи млекопитающие, козы и коровы, — кончилась эра страха и горя. Паситесь спокойно, не провалится под вами земля...

Поход нам предстоял сложный, но мы и готовились к нему, как на Марс: Женька весь июнь конопатил стены новой конторы — зарабатывал средства на съестное, а мы с Фаридом подыскивали снаряжение. Один рюкзак купили, другой выпросили у Генки Смолина, у спортсмена. Отец Фариды выдал нам капроновый фал. Выдал — не то слово. Ползими обещал — будет фал, будет! А как время настало, занял: «Зачем вам фал? Возьмите сизалевую веревку...» Никак не мог понять, что капроновый фал выдерживает вес в две тысячи килограммов, а сизалевая веревка рвется при восьмистах. Нам, конечно, и восьмисот хватало, но... принцип!

Самое смешное случилось в кузнице.

— Дядя Миша, — попросил Женька. — Нам нужны карабины.

— Ишь, пузаны! — обиделся дядя Миша. — Я вам и дробовик не доверю!.. Кто мою кошку загнал в дренажную трубу? Я ее сутки оттуда выманывал.

— Не мы! — гордо заявил Женька. — Если бы мы загнали, вы бы ее во век не вытащили. А огнестрельного оружия нам не надо, мы холодным владеем. Карабины нам нужны, дядя Миша! Ну, эти защелки для мешков, для страховочных веревок. Мы в Гурьевский карьер походом идем, там придется лазать по скалам.

— А с кошкой точно не вы? — дошло до дяди Миши.

— Клянусь Фингалом! — заявил Женька.

Поворчав, порывшись в ящиках, дядя Миша выдал нам все-таки десятка два карабинов:

— Чур, вернуть! И кошку — не трогать!

Вышли из кузницы, а кошка тут как тут — рыжая, ленивая, так и хочется ее пугнуть. Устроилась у дренажной трубы, солнце в шерсть ловит, еще и глаз скосила на нас — провоцирует.

— Пугнем? — спросил Женька.

— А кто клялся Фингалом?

— Не тронули...

В итоге к июлю была у нас и тушенка, были и сухари, и чай, и свечи, и брезентовые штаны, и кепки, подбитые байкой.

— А я вам буду ловить рыбу, — обещал Женька.

— В пещере?

— Ну нет! С меня хватит погреба. Я не пойду в пещеру. В пещеру идут худые и крепкие. А я — кухарь, я люблю

жить под солнцем. Буду сидеть у костра и следить за контрольным сроком.

— Как это?

— Ну, скажем, спустились вы под землю на сутки, а вас уже три дня нет. Вот через сорок восемь часов, точка в точку, я и извещу общественность о случившемся.

— А если нам помощь понадобится не через сорок восемь часов, а через пятнадцать? — поинтересовался Фарид.

— Придется терпеть... Да ты не дрейфь! Нормальную уху я тебе гарантирую, а это уже не мало.

6

Напоследок нас здорово выручила тетя Настя. Тоже — Пылаева. Она работает в красном ларьке у центральной бани и за глаза мы ее зовем Баобабом, такая она мощная. «Тетя Настя! Нам полиэтиленовые пакеты нужны». — «Сколько?» — «Штук двадцать». — «С ума сошли! Они же денег стоят». — «Мало у нас денег, тетя Настя. Деньги нам на продукты нужны. Мы едем изучать Гурьевские карьеры». — «Это ваше дело, куда вы едете. Умный человек деньги всегда имеет». — «Это как, тетя Настя?» — «А так... Сдайте бутылки!»

Совет нам понравился. Мы обшарили все дворы. Фарид отец поймал в тот момент, когда Фарид сливал из бутылки олифу. Женька притащил четверть, но ее не приняли — нестандарт. А денег, вырученных от этой операции, нам хватило даже на коробку сухого спирта. Он в кубиках, как сахар, и такой же белый. Не коптит, не гаснет, горит в любой обстановке, не дает запаха...

Ни с того ни с сего Женька решил, что именно ему удобнее всех вести будущие полевые записи.

— Вы же уйдете в пещеру, — заявил он. — Там темно, сыро, никаких условий... А мне — под солнцем хоть день пиши!

— Интеллектуал! — восхитился Фарид. — И что же ты будешь писать весь день?

— Ну как... Время ухода, время возвращения, разные случаи, новые идеи...

— Ого!

Это Фарид вспомнил, как Женька выдал нам как-то идею о станции по изготовлению горячего супа для полярных исследователей. Для пещер, впрочем, его идея тоже

годна... Идет исследователь по льдам или проползает сквозь узкие ходы, а за ним тянется гибкий шланг — прямо с кухни. Открыл кран, пожалуйста — горячий суп! Наелся, закрой. И так далее...

— Такие идеи следует отмечать... — сказал я.

— Чем? — заинтересовался Пылаев.

— Доброй поркой.

Пылаев возразил.

«Я, — сказал он, — дядя Боб. Учю пап и мам, мам и пап: ищи довод, а ремень — не мера».

На самом деле, это не его слова. На самом деле, это стишок и его надо не читать, а рассматривать:

Я, дядя
Боб
учу
пап и мам, мам и пап:
ищи
довод,
а ремень — не мера.

Хоть так читай, хоть в обратную сторону — смысл один... А вот спроси Пылаева, кто написал «Затерянный мир» или чего в старости достиг Фауст, — вряд ли ответит. Женьке мозги замутила техника. Для него бог — станок токарный. Резец шипит, стружка вьется — Женька счастлив. Не зря наш мастер каждому говорит: «Вот вам пример — Пылаев... Золотые, истинно золотые руки!» А Женька только того и ждет, тут же включается: «Я ведь и вешу свои шестьдесят килограммов из-за рук. Золотые они у меня, истинно золотые...»

И чего еще не отнимешь у Женьки — знание авиации. Дядя его, почтовый летчик, спросит, например:

— Женька, на каком самолете разбиться может только дурак или неудачник?

Женька рубит без запинки:

— На «У-2».

— А на «БИЧ-10» ты бы полетел?

— На бесхвостке-то?.. Запросто!

— А вот конструктор этой самой бесхвостки — Черановский — тот отказался от своего создания...

— Пилотами не хотел рисковать! Его бесхвостки легко срывались в штопор.

— А ты все же полетел бы?

Женька только бровями двинет. Знакомый жест: мы — Пылаевы!

— А на «ТБ-1»?

Это Женькин дядя напомнил про экспериментальный самолет инженера Вахмистрова. К тяжелому бомбардировщику на специальных замках подвешивались легкие самолеты-истребители. Взлетает, например, Женька на таком гиганте, а мы с Фаридом сидим в истребителях под его крыльями. Кричит Женька в ларингофон: «Враги!» — мы тут же отцепляемся — и в атаку! Отогнали врагов, снова повисли под крыльями, как летучие мыши... Такой самолет в самом деле существовал. Построили его в нашей стране в 1931 году. Назывался он — «Звено». Основной носитель — «ТБ-1», а под крыльями два «И-4». Осваивали машину самые знаменитые асы — Чкалов, Анисимов, Супрун, Сузи, Стефановский...

Но это все — авиация. Это все — высота, скорость. А нам предстояло подземное путешествие, в тьму, в вечную сырость. Там если и полетишь, то всегда вниз. Не зря мама качала головой:

— Нашли дело — карьер! Нет, чтобы просто в поход сходить. И Кешку бы взяли...

А Руслан, старший брат Пылаева, тот от смеха захохотался:

— Наш Женька — в карьер? Вы что, правда собрались его тягать на веревках?

Только рыжая Манька, мыслящая морковка, твердо верила в наш успех и, конечно, в своего брата. «Женька — пройдоха, — загадочно повторяла она. — Женька везде пройдет. Женька настоящий мужчина!»

И вот, права ведь оказалась морковка!

— Думаешь, приятно начинать с лужи? — бухтел Пылаев отряхиваясь. — Этих луж хватает и на дневной поверхности. Стоило лезть под землю, чтобы промокнуть. — И без перехода заявил: — Давай позавтракаем!

— Только что чай пили.

— Что нам чай, настоящим мужчинам? — Женька осветил фонарем. — Здесь все равно делать нечего. Перекусим и обратно. У нас же сегодня — разведка, в настоящий маршрут мы позже пойдем. — Он хихикнул и добавил: — Когда Фарид созреет для подземелий.

— Про Фариду молчи! — приказал я. — с Фаридом мы еще разберемся. Ты объясни — зачем сам сюда лез?

— Что ж мне, одного тебя отпускать?

— Я и один не пропаду. Не из трусливых.

— А я — из трусливых?

Ответить я не успел. Тот же далекий тревожный гул накатился на нас, упруго ударил по перепонкам. Но мы опять не смогли определить — что? откуда?

— Не крысы? — опасливо спросил Женька.

— Камень кругом. Пустыня. Чем тут питаться крысам?

— Ну... — нашелся Пылаев. — Мы пришли. У нас жратва есть. Ночью накинутся...

— В пещере ночей нет.

— Ну днем.

— В пещере дней не бывает, — я поднял рюкзак и закинул его за плечи.

— Брось дурить, Колька! — Женька крепко взял меня за руку. — Ну что мы туда полезем? Посмотрели и хватит...

— Это ты скажи Латыпову.

— И на Латыпова не шуми. Болезнь есть такая, ясно? Сам же говорил — боязнь замкнутого пространства. Фариду кажется, что эти стены вот-вот раздавят его...

— Чего же он молчал раньше?

— А откуда он мог это знать? Живет-то он не в пещере! Так что идем. Если хочешь, рюкзаки можем оставить здесь. Считаю, это мы с тобой разбили перевалочный подземный лагерь. Сейчас отдохнем, проведем ночь на поверхности, тогда и спустимся. Слышь, Зырянов?

Но слушать такое я не хотел.

«Небольшая разведка! Попили чаю и на дневную поверхность! Один боится голову в щель сунуть, другой не хочет десять метров пройти. Тоже мне, мужественные исследователи! Сидеть у костра или поглядывать в небо через самодельный телескоп — это они могут, на это у них хватает и сил и смелости. Нет, чем с такими, я лучше один спущусь под землю!..»

Пригнувшись, зажав электрический фонарь в левой руке, геологический молоток в правой, я, не раздумывая, шагнул в темный узкий проход, по дну которого струился плоский, вдруг обмелевший ручеек.

Шагнул, занес ногу — и почувствовал: нет опоры!

Вскрикнув, рухнул я в тьму, в холодную, жуткую, как омут, бездну. Выронил и молоток, и фонарь, почувствовал, как ударил в лицо странный тяжелый запах. И сразу отразился от стен пещеры, как мяч, мой крик, а сверху, прямо на меня, опять что-то рушилось, и поклясться готов — рушилось с криком!

Тетрадь вторая

СРЕДА

Мы подсчитываем припасы. Урок кольцевания. Долгие шаги во тьме. Турист из страны антиподов. Часы Е. Пылаева. Тайна горы Бинаратан. Несколько слов о несущем тресе. Большое пространство. Как хитрили японцы. Голубые подземные призраки. Женькин вопль.

1

— Приехали! — сказал Женька.

Я молча шарил вокруг.

Все произошло так быстро, что я не успел понять — куда упал, на какую глубину, почему здесь Пылаев?.. Но кричал, падая, он. И ударил меня по щеке кедом тоже Пылаев. Бросился, видите ли, остановить меня, ну и свалился.

Куда? — мы не знали.

Наконец я нашарил фонарь, но светить он не пожелал. Я на ощупь определил — разбиты стекло и лампочка.

— Ты где? — зашипел из темноты Пылаев.

— Здесь. Посвети.

Вспыхнул свет.

Лицо Женьки показалось мне широким и желтым, как у монгола. Я чуть не рассмеялся, но Пылаев перевел луч фонаря на стены и смеяться мне сразу расхотелось.

Высоко над нами, округло, как толстая оттопыренная губа, нависал выступ, с которого мы свалились. По правому уголку «губы», пузырясь, лениво плыла водяная пленка. Основной поток уходил в соседний ход, теперь мы это знали; даже слышно было за каменной стеной причмокивание, плеск воды. А вот наша «губа» нисколько не шумела, просто так, пускала от скуки слюни.

— А ведь врал Иннокентий! — обрадовался Пылаев. — Побывай он здесь, рассказов ему хватило бы на всю жизнь! — Женька хрипло, басом передразнил: «Я один спускался в бездну! Я был в бездне! Я оставил в бездне штаны!»

— А может, он и был в пещере, только шел другим ходом?

— Кешку не знаешь! Он в лес уйдет, переночует в шалашике, а потом говорит — блуждал в тайге, боролся с волком и рысью, только вот потерял по дороге их шкуры.

— Ну ладно, не до Кешки. Давай кликнем Фарида.

Женька подозрительно хихикнул:

— Горла не хватит.

— Это почему?

— Я же отослал его. Сказал — рыбу лови! Сказал — хочу вечером есть уху. Без ухи, сказал, не встречай — телескоп сломаю!

Я сплюнул и на глазок прикинул расстояние до «губы»:

— Самим отсюда не выбраться. Разве что удастся закинуть фал... Тут метра три... Вот только за что он зацепится там, фал?

— За мой рюкзак,— фыркнул Женька.

— Какой рюкзак?

— За мой! — чуть ли не с гордостью пояснил Женька.—

Ну, за тот, что тащил Фарид. Я же рюкзак на пол положил. Так он и лежит там. И фал капроновый,— добавил он,— лежит в рюкзаке. И хорошо, что он там. Хоть не поубиваемся.

— Вот теперь точно — приехали!

— А раз приехали,— поставил точку Пылаев,— перекусим!

— Перебьешься!

Женька вздохнул:

— Что хоть у нас осталось?

Злись не злись, рюкзак пришлось открывать.

Не густо...

На двоих — а при Женькиной прожорливости можно считать, что и на троих — оставалась у нас пачка чая, сахар и сухари. Все остальное лежало в Женькином рюкзаке. Общую тетрадь и карандаши я не считал,— их есть не станешь.

— Перебьемся до вечера,— заявил Женька.— А вечером придет Фарид, сбросит веревку.

— Если сам сюда не свалится...

— Фарид не свалится. Он осторожный.

— Если, конечно, придет...

— Много ты берешь на себя, Зырянов! — разозлился вдруг Женька.— Если бы мы сидели в подвале, Фарид, может, и не пришел бы. А мы не в подвале, мы в пещере. Тут нельзя не прийти. Тут,— подчеркнул он,— особые обстоятельства!

— А кто их создал?

— Судьба!

— Вот и питайся ее обстоятельствами!

— Что это?..

Опять донесся до нас тревожный далекий гул.

Но теперь он шел не из-под земли, теперь он раздавался прямо над нами, и Женька быстро направил свет фонаря прямо под свод пещеры.

2

Было бы куда бежать, мы бы, наверное, сразу и сбежали. Но хода, выводящего из этого, оказавшегося очень обширным, грота мы тогда еще не видели. Вот и застыли, остолбенев; смотрели, разинув рты, на свод, густо облепленный чем-то вроде закопченных лохмотьев. Лохмотья эти колебались, мотались, как сажа в трубе: от хлопанья невидимых крыльев и рождался непонятный гул, сразу же отражаемый многократным эхом.

Я понял первый:

— Мыши!

— Как они туда заползли?

— Летучие мыши!

— Все равно, — упорствовал Женька. — Что они делают тут, в пещере?

— Не смей. Они здесь живут.

Женька брезгливо присмотрелся:

— Тоже мне — хозяева. Прописались.

И засомневался:

— Может, они дохлые?

Нет, мыши были не дохлые. Луч света тревожил их. То одна, то другая вдруг срывалась с карниза, камнем падала вниз, но тут же планировала, возвращалась на свое место.

— А чего они молчат? Хоть бы одна пискнула.

— Во всю они пищат, только мы их не слышим. У них писк ультразвуковой, наши уши не воспринимают таких высоких частот. А вот комары, те слышат мышей очень хорошо. Для них, для комаров, такой писк страшнее рева турбореактивного истребителя.

— Да ну! — восхитился Пылаев. — То-то они такие противные! — И выключил фонарь, будто темнота могла скрыть нас от мышиной колонии.

— Дай фонарь.

Шаг за шагом, вглядываясь в голые стены, переступая узкие трещинки, я по периметру обошел пустой грот. Влажные камни, мелкие лужицы, под стеной — горы мышиного помета, будто кто-то мелко помолол кофе, засоренный битыми

стекляшками. Они так и сверкали... Я удивился. Но это были не стекляшки — тысячи и тысячи поблескивающих обрывков крылышек; жучки, насекомые, даже стрекозы.

— Видишь, какие они полезные, эти мыши! — приободрил я Пылаева.

— Ага, — неуверенно согласился он.

— Пошли ближе, посмотрим.

— Нет, я здесь подожду. Я мышами не интересуюсь.

Спорить я не стал.

По холмикам, остро и неприятно пахнущим, перепрыгнув выточенную водой канавку, добрался до стены, под выступающей которой устроились на спячку сотни и сотни летучих мышей. Они висели вниз головой, наглухо завернувшись в голые перепончатые крылья, и на их мертво застывших длиннорылых мордочках таилась одинаковая для всех неприятная, злая ухмылка: что, дескать, — приехали?

«Ну уж нет! — мысленно возразил я. — У нас друг есть. Он нас не бросит в беде!»

И крикнул:

— Женька! Есть идея!

— Ты сильно не шуми, — зашептал из темноты Пылаев. — Ты там всю эту компанию перебудуешь. Пусть отдыхают, им тоже нужен отдых!

— Расчувствовался! Пожалел! Вспомни лучше, чем мы занимались у костра!

— Утром? Чай пили.

— Да нет. Прошлой осенью. На картошке.

— Пекли картошку. Таскали огурцы. Я нашел на сеновале семь куриных яиц, — аккуратно перечислил Женька.

— Не о том говоришь.

— А о чем надо?

— Помнишь, сколько было мошкеры? Помнишь, как визжали девчонки, когда вдруг налетели летучие мыши?

— Бр-р-р! — вспомнил Женька. — Это ты их ловил со Смолиным. Я не трогал.

— Теперь есть шанс потрогать.

— Ну уж нет!

— А навверх хочешь?

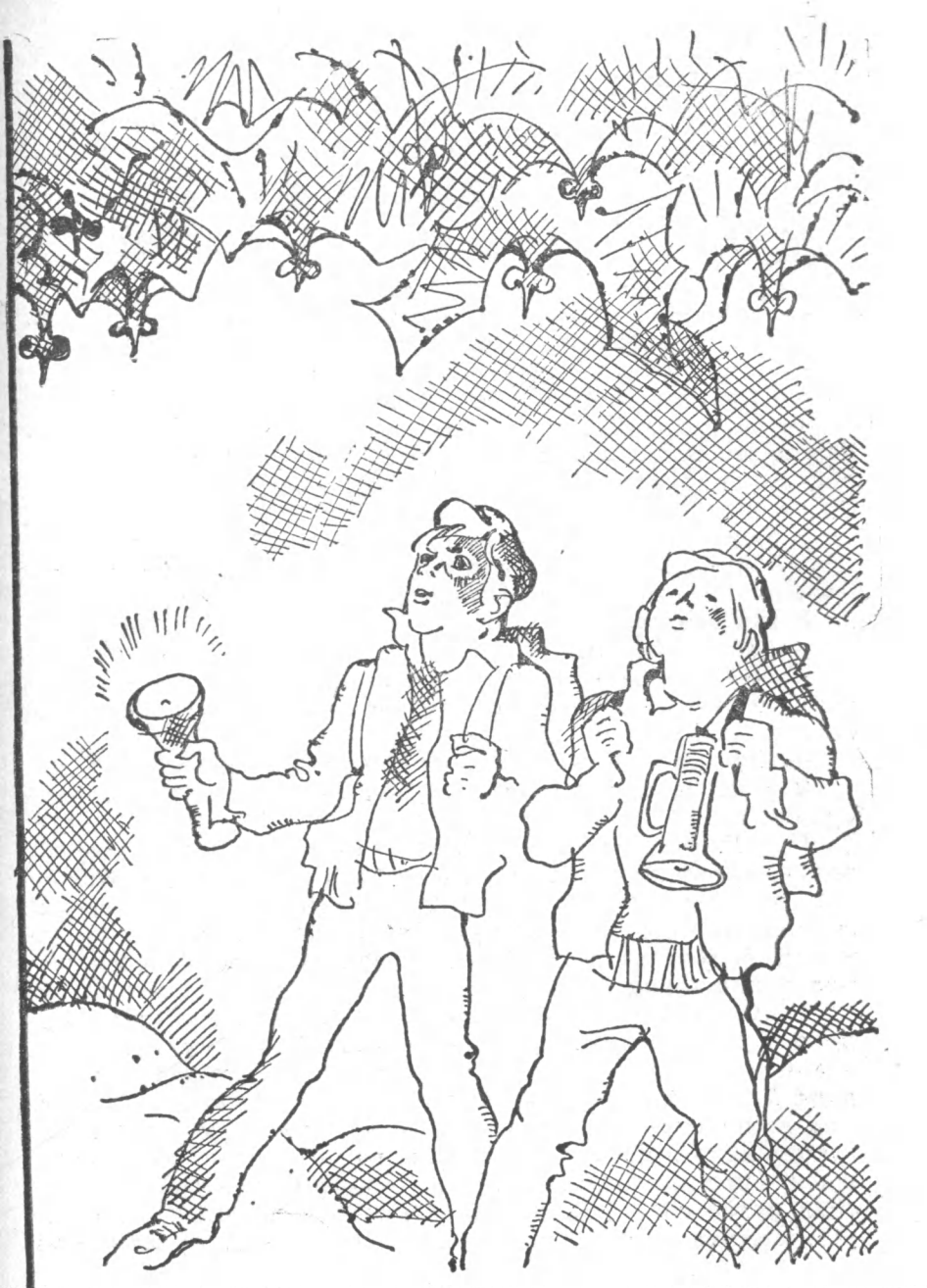
— Хочу.

— Так нет же веревки. И фал остался в рюкзаке, — хитрил я.

— Фарид принесет.

— А если не принесет?

— Я Фариду знаю!

— Ладно,— заявил я.— Мы сделаем проще. Мы пошлем Фариду письмо.

— Это как? — не поверил Женька.

— Еще не понял? Ну, технарь!.. Закольцуем мышь, ясно! Навертим на лапку записку, а текст такой: «Фарид! Срочно в пещеру! Пылаеву нужна помощь!»

— Почему только мне? — обиделся Женька.

— Да это так, предварительный текст. Не обращай внимания.

— Думаешь, мыши читать умеют?

— Я не про мышей говорю, про Фариду. Он-то умеет... А может, это письмо попадет к Кешке.

— Во будет позорище! Он же всем растрезвонит!

— Ты в людей не веришь, Пылаев!

— Не в людей, а в твои идеи. Смотри,— перечислил он.— Зачем это мышь полетит прямо к Фариду? С чего это Фарид станет ловить мышь? И какое дело до мышей Кешке? Он же к ним с детства привык, они для него как невидимки.

Я почесал затылок, сдвинул кепку на лоб.

— Ты — начальник,— сказал Женька.— Резину не тяни, а приказывай, что делать. Только без глупостей.

И сам предложил:

— Давай соснем.

— «Соснем...»! — возмутился я.— А кто будет снимать карту пещеры? Кто будет отмечать на карте промоины, опасные для скота?

— Турист из Кемерова! — хмыкнул Женька.

Это он вспомнил одну историю. Ее нам рассказал дядя Гриша.

Про Гурьевскую пещеру мало что известно. Это нам повезло — лето выдалось сухое. А обычно вход под аркой залит водой. Даже студенты из Томского университета не смогли проникнуть под арку — такое там было сильное течение. А вот неизвестный турист-одиночка из Кемерова сумел попасть под землю. На него как-то и внимания не обратили: приехал мужик, разбил на берегу палатку, гуляет. День гулял, два, на третий — исчез. Палатка стоит, а его нет,— уехал, наверное, за продуктами... А через три дня дядя Гриша выкашивал лужок на берегу Таловки. От арки там километра два, ни жилья вокруг, ни даже шалашика; вдруг, видит, прямо перед ним, из-за большого одинокого камня, поросшего заячьей капустой, высунулась человеческая рука. «Я,— говорит дядя Гриша,— только потому не убежал, что ноги у меня враз отнялись...» А рука помота-

лась в воздухе, поскребла камень, сорвала пучок капусты, и исчезла. Зато из-под земли появилась человеческая голова. Лицо бледное, как гидропоника, в волосах проросли мхи. Дядя Гриша косой замахнулся: «Ты что? Ты кто? Ты откуда?» — «Да я, — шепчет пришелец из-под земли, — из Кемерово». «А это Кемерово, оно что — на той стороне земного шара?» — «А тут — Австралия?» — совсем растерялся пришелец...

— Если уж т а к о й тип нашел выход, мы — просто обязаны! Бери рюкзак!

— А если заблудимся? — спросил Женька.

— А правило правой руки? — спросил я. — Будем двигаться, придерживаясь правой стены пещеры. Обратное пойдем — левой.

— А что будем есть?

— «Особые обстоятельства»!

Женька смирился.

Мы еще раз обошли пещеру.

Была она огромная, но все же не такая, какой показалась вначале. А в дальнем конце начинался узкий теряющийся в темноте коридор. Не щель, не «шкуродер», в котором надо ползти на пузе, а самый настоящий коридор с чуть выгнутым дном и с ровными чистенькими стенами. Ни пятнышка не было на этих стенах, блестели они в луче фонаря, как отшлифованные. Я очень внимательно всматривался в поверхность, в каждый выступ, и Женька мне помогал — вдруг встретим какую-нибудь окаменелость? — но если они и были здесь когда-то, счистило их, как фуганком.

Зеркало, не стена!

— Засеки время! — приказал я Женьке. — Три часа на маршрут, час на отдых, два с половиной — на возвращение. Вернемся как раз к вечеру, к уху.

Женька поднял руку, посветил — часы были только у него:

— Десять минут десятого.

— Ну да! — не поверил я. — Без десяти девять мы были еще под аркой!

Женька поднес часы к уху:

— Стоят!

— Тряхни, — подсказал я, но как Женька ни встряхивал часы, идти они не хотели. Остановились. Кончилось для нас время! Пещера сразу показалась и темнее, и глубже.

— Как мы узнаем, день теперь или вечер?

— Не все ли равно? — пожал я плечами. — Главное, увидеть все, что можно увидеть, и выбраться на поверхность.

— Ну так давай выбираться. Время!

— Хватит болтать. Вставай. Нам вниз нужно.

Женька колебался, морщил нос, хмурился. Не хотелось ему никуда идти, тем более — под землю, в неведомые глубины. Он лучше бы здесь сидел, на песочке, это мыши, затеяв возню под невидимой кровлей, спугнули его. Встал он, запыхтел, как паровоз.

«Ну, Фарид! — подумал я. — Ну, Женька! Ну, помощники, исследователи подземные!..»

3

Шли мы час, а может, и два — не знаю. Зато число шагов у меня зафиксировано точно. Двести шестьдесят два — до первого поворота, сто тридцать один — до второго, а потом еще — все пятьсот. Направление я определял по компасу при свете фонаря, сразу внося данные в дневник наблюдений, в котором давно был расписан и предполагаемый вид нашей пещеры и еще кое-какие параметры, в которых я хотел убедиться. Про Кешкину кепку там тоже была запись: «Оставлена И. Пылаевым, по его собственному устному сообщению...» Слова «устное сообщение» были подчеркнуты, я не хотел брать их на веру, хотя, как настоящий исследователь, допускал возможность их правоты. Шли мы, как выяснилось по компасу, прямо к Таловке, может быть, уже стояли вверху, над нашими головами, крайние ее домики.

— В подвал бы попасть! В дяди Гришин! Рухнула бы стена и впали мы прямо в дяди Гришин подвал! — вздохнул, потянулся Женька.

— Чего ты не видел в его подвале?

— Потому и стремлюсь, что видел. Мы — Пылаевы! Только у нас, у Пылаевых, лучшие в мире маринованные грибы!

— Знаю, не мешай! — я слизнул слюну и продолжал считать шаги: — Двести два... Двести три... Двести четыре...

Даже наклоняться не надо было — ни завалов, ни камешка под ногами. Еще час назад я думал — придется нам продираться сквозь «шкуродеры», ползти в грязных трещинах по жидкой холодной глине, с риском для жизни спускаться в бездонные вертикальные колодцы — каминьы, наконец, взбираться врасклинку по узким трещинам! А тут ничего! Идешь себе, как по школьному коридору, только

свет кто-то отключил. Но ведь у нас есть фонарик, и если им осветить, сразу ясно — никто в такой пещере не претерпит особых приключений, как дворники все подвымели! Правда, Пылаев и тут умудрился оступиться своей словесной ногой. Но это больше для меня, пусть, дескать, Зырянов помучается, глядя на его, Женькины, страдания!

Мучиться ради Женьки я не стал. Продолжал подсчитывать шаги, а значит, фиксировать пройденное нами расстояние. Если я не ошибся, до Таловки мы точно дошли!

А еще — тишина!

Вот с тишиной забавно. Я о ней как-то раньше не думал. Пустоты, провалы, сталактиты, тьма — все, что угодно! А вот о тишине забыл, не придавал ей значения, а тишина-то больше всего нам и действовала на нервы. Остановишься, сразу слышно: бум-бум, бум-бум — это сердце вовсю стучит!

Правда, и на поверхности земли есть места, где тишина не уступит подземной.

Например, на горе Бинаратан.

Эта гора торчит на самом северном мысу острова Лусан, того, что входит в состав Филиппин. Даже в самый светлый и в знойный день на горе Бинаратан не услышишь ни птицу, ни зверя, ни даже какого-нибудь москита. По местным поверьям, все это потому, что лет сто назад один очень нервный филиппинский охотник разозлился на веселую птичку, мешавшую ему охотиться, и в припадке несправедливого гнева поломал ей клюв.

Вот природа и отомстила неразумным людям — ушли с горы Бинаратан все птицы, все звери, даже москиты улетели, царит там никогда и ничем не нарушаемая мертвая тишина. И это, действительно, так. Я про гору Бинаратан прочитал не в приключенческой повести, а в большой книге по географии. В научной книге!

У нас, в пещере, было хуже, чем на горе Бинаратан! Ничего живого и полная тишина! Такая, что иногда я слышал не только биение сердца, но и то, как с шелестом, со странным шуршанием продирается моя кровь сквозь мои узкие вены.

Я даже про Кешку вспомнил. Врал он, наверно. Покрутился под аркой, может, даже заглянул в провал, но дальше вряд ли пошел. Не решился бы спуститься с «губы», испугался бы и мышей, и тишины этой... Так что про кепку его, оставленную в пещере, в дневнике наблюдений можно было и не упоминать...

— Колька!

Я чуть не прыгнул в сторону от неожиданности.

— Колька!

— Чего ты там?

— Перо! Я перо нашел!

— Какое еще перо?

— «Какое, какое...»! Летучей мыши! Меня Манька просила привезти ей такое перо. А я иду и вижу — вот оно, под ногами!

Тишина дрогнула.

Я хохотал, как сумасшедший. Я даже сел на пол.

— «Перо летучей мыши!» — хохотал я. — «Перо летучей мыши!..» А ты не обещал Маньке перо кашалота? Может, мы и его найдем? — И снова заливался: — «Перо летучей мыши!»

— Заткнись, профессор! — обиделся Женька. — Откуда мне знать, какие у твоих мышей перья!

— Да не перья у них, шерсткой они покрыты!

— Летают, значит, должны быть перья! — буркнул Женька.

Но я никак не мог успокоиться — «перо летучей мыши»! Вот они, Женькины провалы в знаниях!

4

Так мы и брели по бесконечному коридору.

Я подсчитывал шаги, Женька бухтел как старик. Он тоже, наконец, заметил необычную чистоту подземного коридора.

— Это что, — подтвердил я. — Когда в Америке открыли пещеру Флинта, ее один охотник открыл, она тоже стояла такая вот чистая. А потом в нее нагрянули туристы. Триста километров, а всю замусорили! Представляешь?

— Такие большие пещеры, — вспомнил я, — есть и у нас, в Подолии. Одна там тянется на сто пятьдесят километров.

— В с е г о т о? — пропыхтел Женька.

— Может, и больше. Точно не знают. Она — трехэтажная.

— А наша? — испугался Женька.

— Вот это мы и выясним.

Но Женька энтузиазма не выразил.

— Темно? Сыро? — спросил я. И успокоил: — Привыкнешь! Мы же неглубоко. Над нами какие-нибудь двадцать метров. Вот во Франции, в Савойских Альпах, есть пещера глубины в полтора километра. А на Кавказе — Снежная —

на тысячу метров уводит вниз! Можно уточнить, у меня книжка есть.

— С собой?

— Наверху. В палатке.

— Ну, это не для нас...

— Почему не для нас?

— Добраться еще надо до нашей палатки.— Он опять вздохнул: — Колька, а из пещер всегда есть выход?

— Из таких, как наша, всегда.

— А не из таких?

— Всякое бывает... Вот у Норбера Кастере в пещере погиб друг. Его звали Марсель Лубан. Он спускался в карстовую пропасть... Перетерся трос...

— Несущий трос? — уточнил Пылаев.

— Ну, наверное.

— И сразу — насмерть?

— Заладил... «Трос... Несущий...» Не все ли тебе равно — какой?

Женька вздохнул:

— Ты, профессор, когда-нибудь зачитаешься.

— Кончай болтовню! Привал! — приказал я.

Фонарь мы выключили, сэкономили батареи — зажгли свечу.

Тусклый свет таинственно сузил мир, бросил на стену диковинные тени.

Сколько зимних вечеров провел я у окна, разглядывая старую карту, представляя себе такой вот привал в холодном подземном гроте. Ветер воет, окно заледенело, но на кухне светло, горит настольная лампа, потрескивают дрова в печи, а передо мной карта и ничего по ней не понять: что там — в подземном мире?

— Смотри! — хлопнул ладонью Женька.— Нигде от них не избавиться!

— От кого от них?

— Да от жучков всяких, от насекомых!

— А ну, покажи! — обрадовался я.

Жучишка как жучишка, но ведь — подземный! Совсем крохотный, почти прозрачный. Усы на полсантиметра, а вместо хвостика еще пара длинных усиков, тоненьких, как паутинка. Что он, интересно, делал этими задними усами?

— Вдруг это неоткрытый вид, Женька!

— Так открывай скорей, а то уползет!

— Не уползет. Теперь не уползет. Он давно высох, как мумия. Дай мне спичечную коробку.

- А спички куда?
— Сунь в пакет. Если жук этот никем не описан, Женька, я назову его твоим именем. Дзуус подземный Пылаева! А? Женька вздохнул:
— Да хоть двуног! Чай пить будем?
— Чуть погодя,— решил я.— Еще триста шагов и остановимся. Должен же кончиться этот коридор!
— Никогда он не кончится...

5

Но коридор кончился.

Кончился он невысоким порошком, за которым мы не увидели, а скорее чутьем угадали огромное, нигде не кончающееся пространство. Свет фонаря не мог достать до телящегося во мгле свода, а когда я вынул из рюкзака свечу и установил ее на округлом камне, будто специально кем-то обточенном, в пещере стало совсем темно. Как в Космосе, никакой опоры! Да еще эти тени! В пещере они всегда не такие, как в лесу. Вроде и похожие, а все равно не те. Тени в лесу — живые, их можно бояться, но как зверя боишься, а тут... Нет, не знаю, чем, но здорово они отличаются от лесных теней!

А стены...

Не простые тут были стены, Женька глаз от них не мог отвести, а если честно — я тоже.

По серому плотному известняку, сквозь который мы пробирались уже столько времени, сползали, струились, мертвенно стыли округлые, вытянутые наплывы, то белые, как молоко, то желтоватые, как воск. Такие же, только помельче, как гвозди, не забитые по шляпку, торчали из кровли там, где она понижалась. Эти «гвозди» казались такими хрупкими и прозрачными, что я их не сразу и заметил. Видел — черточки какие-то над головой, подумал — трещины... А потом подумал: почему трещин так много и почему они такие короткие?.. Присмотрелся, а это не трещины. Это тоненькие прозрачные сталактиты, которых вблизи и не заметишь, тень отбрасывают!

— Смотри, даже часы есть! — восхитился Женька.

Над крошечным озерцом (воду в нем мы почувствовали, лишь опустив в ее холод руки) свисал с карниза длинный и тонкий, как швейная игла, сталактит.

Мы отчетливо видели, как наливается цветная капля на его розовом острие.

Капля дрожала, вспыхивала, переливалась всеми цветами радуги, попав в свет фонаря, пускала вдруг яркие и острые лучики — красный, голубой, желтый, а потом легко и почти бесшумно срывалась в озерцо-невидимку.

— Пять... Шесть... Семь... — высчитывал Женька интервал между двумя падениями. — Ого! Двадцать пять! Почти полминуты! Вот тебе и часы, и они никогда, Колька, не ошибаются!

— Интересно, а как ты ими воспользуешься? С собой понесешь или просто возляжешь на бережку, считая минуты? Представляешь, если бы у нас был переносной телефон... Я бреду, тащу на себе катушку с проводом, проваливаюсь в трещины, а ты лежишь спокойненько у озерца, подсчитываешь капли, пьешь чай и время от времени сообщаем: «Пылаев, прошло тридцать минут! Пылаев, прошел час! Пылаев, прошли сутки!..» Здорово?

Женька не растерялся:

— Здорово! Особенно про чай! Все, садимся!

6

Фонарь Женька погасил ради экономии и теперь под эмалированной кружкой, наполненной водой из озерца, метался лишь крошечный голубой язычок. Света сухой спирт практически не давал, мы ничего не видели, даже лиц друг друга — так, мотаются какие-то мутные тени! — но даже у такого крошечного костерчика нам стало чуть веселее.

— Я Фариду оставил рыбу, — похрустел сухарем Женька. — Если он загубит уху, я разделаюсь с ним, как с Иннокентием!

— Если как с Иннокентием, значит, тебе грозит еще один фонарь под глазом!

— Шалишь! Я не из тех, кто не учится на ошибках. Кешку надо снизу бить, коленом, а то он крутится где-то там, и не видно его и не слышно. А потом смотришь — синяк!.. Теперь я Кешке этого не позволю, теперь у меня Кешка будет ходить смирный. Вот вернемся, я так и спрошу его: «В ста шагах от «губы» что находится? В трехстах шагах от «губы» что находится? В тысяче шагах от «губы» что находится?» И если он не ответит, если он заканючит опять про свою новую кешку, которую он оставил в пещере, я, Колька, буду его бить. Вы меня даже не удерживайте. Кешка — мой брат. Я имею полное право внести лепту в его воспитание. По долгу родственника... Понял?

— Угу,— сказал я. Вмешиваться в ссоры Пылаевых я не собирался.

— А как готовят настоящую уху, ты знаешь?

Я не знал, но и знать не хотел.

Тут такие сталактиты, тут такая тишина, такая необычная вода, а он долдонит — уха!..

Чтобы отвлечь Женьку от опасной темы, я даже стишок прочитал вслух. Не про уху, конечно. Настоящий научный стишок, в котором даже рифм не было — наверное, чтобы не отвлекать читателя от главной мысли.

— «Кристаллы растут («Как звери, да?» — недоверчиво перебил Женька) при невообразимых давлениях («Как в автоклаве», — обрадованно догадался Женька) в расщелинах и пустотах глубоко под землей («Как мы с тобой, да?»). Их выращивает вода, что капля за каплей (Женька шумно обернулся к невидимому озерцу) сочится в таинственных растворах из стен подземных дворцов...»

— Интересно, а скукота! — подвел итог Женька.

И прислушался:

— Капли, вроде, реже падают... Они что, сломались — наши часы?

Я включил фонарь.

Часы работали. Капля на острие сталактита дрожала, как крошечная колючая звездочка. Вечные часы. Некому их испортить.

И Женька так подумал.

— Не ходил сюда Иннокентий,— сказал он.— Будь он здесь, вся страна знала бы — под Таловкой, в пещере, есть сталактиты, водопады, неизвестные жучки и летучие мыши! — И одобрил: — Это хорошо, что мы тут. Будем знать, что за человек Кешка!

Он повозился в темноте, вытянул из-под меня рюкзак и сунул его себе под голову. Я тоже прилег. Отдых.

Прилег и сразу почувствовал, как гудят натруженные ноги. Прошли-то в общем немного, а ведь — гудят! Не столько от усталости,— решил я,— сколько от напряжения. Идешь, крутишь шейей, а все равно ничего не видно. Вот, думаешь, завалишься сейчас в какую-нибудь воронку, исчезнешь из мира, как Кешкина коза... Не только ноги, но и плечи, бока — все гудело. Как после первой лыжни в ноябре, тогда тоже неделю охаешь, пока тело в себя придет.

— Вечно ты портишь Маньке праздники,— завозился в темноте Пылаев.— То пообещаешь ей арктическую обезьяну,

каких никогда и нигде не существовало, то отнимаешь веру в перья летучих мышей... Ну что ты за существо такое?!

— Известно, что за существо... Гомо сапиенс. Человек разумный.

— А я, можно подумать, себя в дураки готовлю! — обиделся Женька.

— Ну, что уж ты так! В дураки себя никто не готовит, дураки вырастают сами.

Но Женька не ответил. Уснул от злости.

«Полчасика можно, — решил я. — А потом еще шагов триста и поворачиваем. К вечеру надо вернуться к лагерю...»

Подумал так и вспомнил Кешку: «Вот фрукт! К пещере ни ногой, а хвастается!.. Странно все же, — если Кешка, правда, побывал в пещере, то чего ему бояться? От дяди Гриши он свое уже получил... Где логика?..»

«Где логика?.. — тонул я в сонном тумане. — Где?..»

И услышал издали:

— Колька-а-а!

7

Оказывается, Женька поднялся первый и, обнаружив, что вокруг сплошная тьма, завопил в голос. Не успокоился, когда и я вскочил. Хватал меня за руку, твердил:

— Прохфессор, прохфессор, ты продери глаза!

— Что толку? Темно...

— А нам и не нужен свет! — он рывком, почти насильно, повернул мою голову градусов на сто в сторону: — Гляди!

И я увидел.

В тьме, не разбавленной ни единым лучиком, призрачно проглядывало, туманилось что-то голубое, узкое, как вертикально подвешенная игла или лезвие раскаленного ножа.

— Это же наш сталактит! Почему он светится?

Я освободился от Женькиных ладоней:

— Давай без рук, ясно! И пора бы знать, технарь: в натечных кальцитах, а тут ими покрыты все стены, всегда есть какие-нибудь активирующие примеси. Кальцит как бы вбирает в себя энергию света, а потом ее отдает. Знаешь, что во время войны делали японцы?

— Наверное, воевали.

— Вот-вот... А для того, чтобы воевать, нужна разведка. Ползет такой японец по полю, а ему надо взглянуть на карту, сориентироваться — где он? Ночь вокруг. Фонарь не

зажжешь, спичкой не чиркнешь — сразу схватят. Вот японцы — жуки — и приспособились. Насушат морских рачков, они называли их — ципридина, а потом разотрут в ладонях. Скелеты ципридин тоже полны этими активирующими примесями. Вот и светятся ладони. Приложил руки к карте — со стороны ничего не видно, а ты можешь карту читать.

— Колька, — удивился Пылаев, — ты почему такой умный?

Я не ответил. Не на экзамене.

Но Женька не отставал:

— Тебя бы отдать на год дяде Грише. Он бы из тебя выбил все эти японские штучки. Он бы тебя приспособил к делу — к огороду, к покосу, к козе. На пару с Кешкой вы бы — во! — смотрелись! — И передразнил: — «Активирующие примеси...»! А может, этот сталактит просто теплый!

Я фыркнул. Еще одно «перо» летучей мыши.

— Пойду посмотрю...

Забрав фонарь, Женька двинулся к светящемуся сталактиту. Когда свечение перекрывалось широкой Женькиной спиной, мир вообще исчезал — не было никакого мира, одна тьма; но потом из вечного мрака вновь, как призрак, проявлялась туманная голубая игла.

«Как метеорит в ночном небе...» — подумал я.

И еще подумал: «А Фарид ждет... И ночи ждет, и нашего возвращения... Возвращения — чтобы свалить с себя все заботы, а ночи — чтобы засесть за телескоп... Небо над Таловкой чистое — ни дыма, ни копоти... Смотришь, и впрямь открывает какую-нибудь комету...»

Почему-то мне захотелось к Фариду.

Ну, испугался, ну, не полез в пещеру... Всякое бывает... Я бы вот под телескопом всю ночь не пролежал... У каждого свое... Да Фарид еще и привыкнет к пещере, спустится...

«Ему тут понравится, — неуверенно подумал я. — Вон этот сталактит, действительно, как метеорит в ночном небе...»

Я встал, размял отсиженную ногу, помахал руками.

«Холодно...»

По ногам, правда, тянуло.

Нащупал спички, затеплил свечу. Пламя ее медленно качнулось, отклонилось в сторону, хотя я не шевелился.

«Дует...» — удивился я.

И вдруг понял: «Дует!»

— Женька! — заорал я во тьму.

Но Женька и сам уже орал, сигналил мне фонарем:

— Колька, сюда!.. Выход!

Тетрадь третья

СРЕДА

Звезда в ночном колодце. От пирамиды Хеопса до пирамиды Зырянова. Любовь времен крестовых походов. Странное поведение летучих мышей. Подземные Робинзоны. Гипсовые сады, каменные сияния... Борьба за свободу. Я рассказываю о живой кладовой. Доисторические следы.

1

Фонарь Женька выключил, все пропало в крошечном, непроглядном мраке, таком густом, что мне показалось — застрянем мы в нем, как в смоле... Только высоко над нами, в таком же плотном, в таком же ничем не нарушаемом мраке мерцала, переливалась, почти погасала, но вновь вспыхивала звезда!

— У тебя крылья есть? — спросил я невидимого Женьку.

— Зачем? — не понял он.

— А как ты выйдешь наружу? Это же просто дыра в потолке. Вот в такие дыры и проваливаются животные.

— Нанеси на карту! — бодро заметил Женька. — Если такие дыры есть, найдем что-нибудь и пониже.

«Дыра... — повторил я про себя. — Яма. Карстовая промоина. Сюда не только коза, сюда медведь свалится!»

Женька включил фонарь.

Ни коз, ни медведей мы не увидели. Груды камней, рыжая глина. Темные лужицы, полусгнившая ветка... Пахло прелью, сыростью, грибами, хотя никаких грибов мы там не нашли... Казалось, вот он, выход — радуйся! Но радоваться как-то не хотелось, потому что и Женька уже догадался, сказал вслух, как бы размышляя:

— Н о ч ь...

Невероятно!..

Мы же, по самым деловым подсчетам, провели в пещере часов пять, ну шесть, ну пусть даже семь, не больше... Когда же успели сгуститься сумерки? Когда успели вылезти на небо звезды? И что сейчас думает Фарид, сидя под аркой?..

— Слышишь, — сказал я. — Говорят, из глубокого колодца звезды можно увидеть даже днем...

— Потом разберемся. — Женька заговорил деловито, бы-

стро.— Сейчас нам рвать надо, и как можно быстрее. Прямо к выходу. А то там Фарид чокнется.

— Думаешь, он уже пришел?

— Не думаю, а знаю.

Женькина уверенность передалась и мне.

«Если и ночь,— подумал я,— что в том такого? За днем всегда приходит ночь, это естественно. И Фарид у нас не из самых трусливых; конечно, добрался он до «губы», сбросил веревку, ждет...

Я поднял рюкзак и снова почувствовал ползущий по полу холодок. И Женька почувствовал, сказал:

— Сквозняки какие...

— Так колодец же над нами, в него и несет, как в трубу.

— А почему именно по ногам?

Я бросил рюкзак, опустился на корточки. Послюнил палец, выставил перед собой. Точно, дует... Чиркнул спичкой, и узенький язычок огня послушно, как стрелка компаса, отклонился в сторону.

— Подожди меня...

Забрав фонарь, я полез через камни в сторону, указанную мне догоревшей спичкой.

Когда-то этот грот был полностью закрытым, как скафандр космонавта. Когда-то в этом гроте медленно, век за веком, росли сталактиты, шла медлительная и таинственная подземная жизнь. Но со временем купол пещеры прохудился, в грот попала атмосферная сырость, температура воздуха повысилась и рост кристаллов приостановился. Но и сейчас тут было на что посмотреть! С серых уступов, покрытых броней натеков, черными огрызками свисали каменные сосули. Прямо как старушечьи зубы...

А это что? Там, впереди!..

У меня холодок пробежал по спине — ночной ответ!

— Ну? — нетерпеливо дышал мне в спину Женька.— Что там? Что ты видишь там?

— Подожди!

Всей спиной чувствуя шершавый каменный свод, я вполз в узкую нишу и залег в ней, как рубль в кошельке.

И опять — все! Приехали!

Там, снаружи, в зеленом ночном мире светила ясная Луна, там, снаружи, пахло, наверное, травой и листьями, там, снаружи, жили себе миллионы людей, ни на секунду не задумывающихся о том, что происходит у них под ногами,— но мы с Женькой были отсечены от этого прекрасного мира. Между нами и этим прекрасным миром, как стальные стол-

бы, торчали древние, почерневшие от сырости и времени сталактиты. Основания их уходили в рыжую скользкую глину, верхушки вросли в известняк, и лишь в узкие щели между сталактитами — еле палец просунешь — вливался призрачный отсвет того прекрасного, нежного, недостижимого для нас мира!

Я ткнул ногой навалившегося на меня Женьку:

— Сдай!

Женька неохотно отодвинулся. Я выполз из ниши, отряхнул свитер:

— Топаем... К арке...

— А тут?.. Не выберемся?.. Ведь свет же виден...

— Отбойный молоток есть?

Женька все понял:

— Не-е-ету...

2

Уже по знакомому коридору мы шли к «губе».

Странно — и дыру открыли, пометили на карте, и пещеру прошли, а чувствовал я себя тревожно. Уж очень чистеньким был наш коридор, о таких чистеньких мне читать не приходилось. Ни камня, ни ветки, как корова языком слизнула...

Единственное, чем я себя утешал, — придет Фарид, сбросит веревку...

Ну, а не придет — сами выберемся. Накатаем под «губу» глыб, соорудим пирамиду, дотянемся до «губы». У Женьки сил, что у трактора, — справимся.

Время от времени я приостанавливался, сверял пройденный путь по карте, набросанной в дневнике наблюдений, и как Женька ни торопился, старался он все же мне не мешать. Тоже верил — выберемся. Даже опять заговорил об ухе — не сможет, дескать, Фарид сварить ее по-настоящему. А он ведь, Женька, любит н а с т о я щ у ю.

Еще я думал: «Повезло нам. Такого сухого лета не было уже много лет. В дождливую пору с «губы» не спустишься, разобьет о скалы течением...»

— Если Фариды нет, — сказал я вслух, — пирамиду построим.

— Если Фариды нет, — сказал Женька, — я его вздую.

— Интересно, как это у тебя получится?

Женька хмыкнул уверенно:

— Я придумаю!

И если раньше мы шли осторожно, прислушивались к

каждому пороху, прислушивались к собственным шагам, то теперь вдруг затопали бодро, как муравьи. Сама гора представилась мне муравейником — бесчисленные туннели, лазы, проходы... Кого нам тут бояться? Летучих мышей? Смешно! А пещерные медведи давно вымерли... Чего нам тут бояться? Тишины? Смешно! А камнепадов мы что-то не слышали...

Я подумал: сюда бы сейчас Катьку Белову. Или бы занести наше путешествие на пленку, а потом прокрутить Катьке. Тьма, бездна, пустыня, а мы шагаем себе, сдвинув на затылки свои подшитые байкой кепки, шагаем в своих брезентовых, ловко подогнанных штанах, шагаем и небрежно перебрасываемся этими незнакомыми Катьке словечками — «шкуродер», «кальцит», «трещинный колодец», «карстовая промоина»...

Пещеры покорять — это не овчарку Дору выводить на прогулку!.. Даже если у этой овчарки есть паспорт...

«Да, — подумал я. — Катька бы поняла. Катька бы удивилась.»

Но я и сам удивился.

Удивился тому, что подумал вдруг о Катьке как-то со стороны, без того леденящего восторга и страха, какой меня раньше при таких мыслях охватывал. Не испугался, не ужаснулся, не покрылся счастливым потом, а просто — подумал. Подумал и все. Так я мог, например, о Коже, о Вике Токаревой, подумать, или, того не лучше, о Нинке Рябцевой.

Странно...

Я вспомнил, как впервые увидел Катьку.

Увидел я ее впервые по-настоящему еще в эпоху крестовых походов, когда Западная Европа, по словам нашей исторички Надежды Ивановны, переживала несчастные свои «семь тощих лет» — падеж скота, неурядицы, неурожай, эпидемии. Папе Урбану II все это смертельно надоело, вот он и заявил: «Да станут ныне воинами те, кто вчера был грабителем!» И не успел он это сказать, как поперли к нему и рыцари, и разбойники — почему бы не пожить им в странах Востока?..

Надежда Ивановна рассказывает, а Катька вдруг повернулась в мою сторону и брови вздернула: ты, дескать, Зырянов, тоже пошел бы к папе. Я, дескать, Зырянов, таких, как ты, знаю!..

Красиво повернулась. Не задержалась, как Нинка Рябцева, не засуетилась, как Кожа, а так вот плавно, по-настоящему красиво повернулась ко мне.

И все эти длинные годы, в течение которых рыцари и бывшие грабители со всеми своими шутами и слугами, со всеми своими обозами и пушками двигались на Восток, я жил, понимая, что без Катьки мне полный крах — как рыцарю без гроба господня... Это потом, когда крестовые походы потонули в крови и в веках, а Катька ушла с новогоднего вечера не со мной, а с шахматистом, я вдруг осознал — не было никогда ни гроба господня, ни чаши святого Граля; один обман, кураж, мистика...

— Чего вздыхаешь? — спросил Женька. — Выберемся! Я такую пирамиду построю, что ей позавидует покойный Хеопс.

Каменный пол в луче фонаря блестел, как паркет. Ни глыб под ногами, ни даже галечника, будто и правда тут поработал дворник. И вода в стороне струилась почти бесшумно; невидимая, безопасная, булькнет вдруг себе и снова замрет...

Я подумал: составим карту, надо будет каждому гроту дать название...

«А если повезет, — подумал я, — мы еще тут встретим и рисунки. Доисторические, конечно. Горячий привет от далеких предков. Ведь не могли они пропустить, не заселить такую удобную пещеру...»

Я даже посветил на стену. Но она была такая же голая, без трещин, без пятен — серая, голая, равнодушная...

3

Мыши в гроте перед «губой» ничуть нами не обеспокоились. Висели под сводами, как связки отсыревших веников. Женька презрительно сплюнул:

— Бастуют! Кота летучего на них нет.

Я пожал плечами. Бастуют так бастуют, им спешить некуда, они дома. А вот нам до дома следовало преодолеть «губу». Три метра, а не возьмешь... И какие три метра!.. Ведь там, за «губой», есть тихая заводь, там, на берегу, стоит наша палатка, отражаются в воде звезды...

Я сглотнул слюну — ухой пахнет... И набрав полную грудь воздуха, я заорал:

— Фарид!

— ...рид! ...рид! — запрыгало, отражаясь от стен, эхо, а несколько мышей сорвались со своего насеста, дали над нами круг — что, дескать, за хулиганство?

— Латыпов! — строго крикнул Женька, косясь в мышиную тьму. — Ты где? Шею намылю!

— ...ылю! — откликнулось эхо.

— Не пришел, — подвел я итог. — Сидит, наверное, под аркой...

— Ну пусть сидит, — махнул рукой Женька, на всякий случай пообещав: — Досидится! Пошли таскать камни.

Но подходящих камней ни в гроте, ни в коридоре мы не нашли. Были отдельные глыбы, но с места столкнуть их смог бы только бульдозер. Даже Женька отступил — жилы лопнут.

Я водил по стенам лучом света.

Грот, конечно, тот самый, ошибиться мы не могли — вон «губа» пускает слюну, вон мыши висят, как веники... И все же что-то тут изменилось... Вода, например, ожила... Главный рукав реки, теперь мы это знали, уходил в соседний ход, но почему-то и у нас теперь напор увеличился — «губа» блестела по всей своей округлой поверхности, лужа под ней разлилась... Вот тебе и «сухо»! — вспомнил я дядю Гришу... Все три дня, пока мы с ним общались, дядя Гриша не уставал жаловаться: «Сухо, ребята, сухо! Дождя бы нам, а?..» Мы понимали — пекся дядя Гриша о кормах, о покосах, об огороде, но жалобы его нас не трогали — еще, правда, накличет дождь...

— Слышь, Женька... В той дыре мы ведь ясно звезду видели?

— Что значит «ясно»? Видели и видели.

— Спорим, сейчас ее там не видно!

— Меня не купишь! — заявил Женька. — Тут у меня провалов в знаниях нет. Я пусть и не Коперник, но знаю — Земля вращается. Вот и сместилась звезда. — Он зевнул: — Подумаешь! Другая появится...

— Другая звезда, Женька, теперь долго не появится.

— Чего ты там темнишь, прохфессор? — хихикнул Женька. — Ты этот, что ли... как его... ясновидец?

— С тобой станешь ясновидцем... Ты посмотри, посмотри вокруг!

Я медленно провел лучом фонаря по мышам, впавшим в мертвую спячку, по отсыревшей, грубо оттопыренной «губе», по разлившейся луже...

Женька ничего не понял:

— Видел я это, видел. Ты лучше подскажи — откуда нам камни можно катать?

— «Камни...» Ты на мышей взгляни!

— Вот еще!

— Они же спят, Женька!

— Нормально! — одобрил Женька поведение мышей. — Я бы тоже сейчас соснул.

— «Соснул...» — возмутился я. — Если наступила ночь, а летучие мыши спят и не летят на охоту, это означает только одно — там, над нами, ливень ударил. Летучие мыши чувствуют погоду лучше барометра. Я сам у Брема читал!

— Давить надо таких умников! — разозлился Пылаев.

— Потому и Фарида нет, — закончил я. — Не сможет он пройти к «губе». Вход затопило, Женька.

— Чего же ты молчал, профессор, — испугался Пылаев. — Хватай рюкзак, смываемся!

— Да нас и так сейчас смоет...

— Это ты брось! — суетился Женька, то включая, то выключая фонарь. — Это ты брось! Нас не смоет. Мы якорь бросим. Мы — Пылаевы! Чего ты стоишь? Бежим!

— Куда?

— Как куда? Да в тот зал, где сталактиты, где ветка валяется. Он же выше коридора, его не затопит, точно. И дыра там есть в небо. Проверим, что за погода...

Он прервался на полуслове, схватил меня за плечо:

— А это... Что это?

Каменная стена, отделявшая нас от мира, вдруг глухо дрогнула. Сорвалась со свода перепуганная сонная мышь, заревела, завыла за каменной стеной бешеная невидимая турбина, а сверху, с мокрой «губы», как из вскрытой бочки, хлынула на нас мощная тугая струя.

— Бежим!

4

Теперь-то я знал, почему стены пещеры блестят как отполированные, теперь-то я знал, куда подевались из коридора все камни и почему нет на полу ни веточки, ни соринки... Не дворник тут поработал, а вода!.. Это она, вода, все тут посмывала и унесла, это она, вода, ободрала известняк до зеркального блеска!

Всей кожей чувствуя рев этой несущейся за нами воды, обмирая, толкая друг друга, мы неслись по темному коридору...

Нам везло! Будь коридор пониже, мы на первых же минутах поразбивали бы лбы.

— Колька!

Но я и сам видел: вода поднималась, она покрывала теперь весь пол, мощно ударяла по ногам...

— Дай руку!

Я схватил Пылаева за плечо, подтолкнул:

— Живее давай! Разнюнился!

5

Не знаю, сколько времени длился наш бег, но мокрые, задыхающиеся, мы добежали все-таки до спасительного грота. Кеды промокли насквозь, вода, выжатая нами из штанов и носков, образовала у ног приличную лужу. А фонарь, еще недавно светивший не хуже прожектора, теперь потускнел, светил еле-еле.

В общем, тысяча удовольствий...

В мутном, тоскливом луче фонаря мертво блеснуло озеро с нависающим над ним сталактитиком. Сталактитик уже не светился, и мы ни на минуту не задержались у озера.

Выше! Еще выше!

Туда, под дыру, сквозь которую еще так недавно, так хитро, так по-хорошему подмигивала нам звезда!

Звезды, как я и предполагал, на месте не оказалось. Фонарь, честно говоря, только сгущал тьму. Женька шумно оттянул на груди влажный свитер, хлопнул им:

— Гляди, хуею...

Говорить о нашем положении не хотелось и мне. Я подтвердил не глядя:

— Точно, хуеешь...

«Вот сейчас, — подумал я, — Женька и скажет: влипли!»

Но Женька сказал о другом. Он даже повернулся спиной к ревущей внизу воде, — она его не интересовала... Он спросил:

— А интересно, чем питались пещерные люди?

— Пещерными медведями, конечно.

— Ну да! Такого возьмешь! Он же тонны две весил!

— Он, Женька, не был хищником. Он был исключительно травоядным животным. Троглодиты держали его при себе вроде как большую живую кладовую с мясом.

— Это как?

— А так... Летом они медведя не трогали — пусть гуляет, отъедается. Зато зимой, когда он уже впадал в спячку, шли к нему и решали — сейчас съесть или чуть попозже...

— Вкусно? — спросил Пылаев.

— Я не пробовал... А вот то, что медведи от пещерной сырости часто болели рахитом,— знаю.

— А рахит — это разве болезнь? — удивился Женька, все так же демонстративно не обращая внимания на усиливающийся рев воды.

— А ты как думал?

— Ну, я думал... Я думал, что это что-то вроде нашего Латыпова...

Смеяться мне не хотелось. Как нам ни везло, все же мы влипли... Теперь не только к арке, теперь даже к «губе» не пройдешь...

6

Почему-то я плохо помню, что мы делали в гроте.

Сперва я просто лежал, пытался отдышаться. Потом искал Женьку — он с фонарем поперся в самый дальний угол пещеры. Потом встал, сделал несколько приседаний. Вроде очнулся. Даже мысли появились — вот, дескать, и одежда подсыхает... да и не может быть, чтобы мы тут застряли... обязательно выйдем... Ну и так далее. Что их повторять, эти мысли? Очень уж они были однообразные.

Потом мы по периметру обошли грот.

Огромный он оказался и состоял как бы из двух частей; одна — древняя, но живая, другая, видимо, наших дней, но уже мертвая... В той, в древней части, мы рты поразевали — надо же, умеет природа строить! Кто бы сумел вот так ровно залить известняковые стены толстым слоем кальцита? Кто бы сумел так странно развесить гирлянды молочных сталактитов? — будто плеснули сметаной в потолок, вот и повисла сметана сосульками...

И все это не было холодным, слепым. Все это в свете фонаря вспыхивало, блистало,— настоящее северное, впрочем, нет — каменное сияние.

— Вот бы привести сюда весь наш класс!

Я кивнул. Но Женька, конечно, мой кивок не увидел:

— Чего молчишь?

— Думаю...

— А-а-а... — уважительно протянул Пылаев. Само собой подразумевалось, что думать я мог только о выходе.

Я и правда думал о нем.

Но, опять же правда, ничего в голову не приходило...

В общем, древняя часть грота, хотя и чернели в его стенах таинственные, неизвестно куда ведущие промоины, ничем нас не порадовала; мы без особых сожалений и все так

же молча перебрались в часть, более мрачную, но и более молодую — в самый настоящий развал известняковых глыб, черных умирающих сталактитов, в сырость, в запах прели, приходящий сюда снаружи, через невидимую, но зияющую над нами дыру...

С н а р у ж и!..

Это-то нас и влекло...

Мы задирали головы, пытаясь рассмотреть что-нибудь, но — нет, исчезла звезда, закатилась, ничего мы над собой не видели.

Всю жизнь я мечтал о путешествиях. Антарктика, тропические страны, таинственные северные моря... Пусть вьюга, пусть душные малярийные испарения, пусть страшные Крабены, всплывающие из жутких пучин! — мне в голову никогда не приходило, что путешествовать можно и в такой вот мертвой тишине, не зная над собой ни Луны, ни Солнца...

Устав, убедившись, что нет из нашего грота открытых выходов, мы вскипятили чай, выпили его и честно разделили последний оставшийся у нас сухарь. Я спрятал свою порцию в карман, забрал у Женьки фонарь.

— Ты куда?

— К той решетке... Надо же посмотреть...

— Я смотрел, — сказал Женька. — Там мышь не пролезет.

Я не стал его успокаивать. Понятно: он — не мышь, ему-то никак не пролезть. Но себя я еще не считал мышью... Длинный? Худой? Зовут меня Сухостоем? Ну и что? Подумаешь!.. Все великие спелеологи были худыми... Норбер Кастере, Мартель (его именем названа одна из самых глубоких на земле пропастей), Дельтейль... Толстяки среди них попадались лишь по недоразумению, как, например, Пылаев. Сколько я ему говорил: «Женька, держи форму!» Зря он не хотел слушать...

Ползком я влез в знакомую нишу.

За густой каменной решеткой чуть бледнел, тонул в сырости влажный свет... Луна или рассвет?.. Я не знал, да и не хотел гадать. Подтащил молоток, попытался ударить по ближайшему, толстому, как рука, сталактиту. Рукоятка молотка зацепилась за выступ, я зашиб пальцы. Пришлось просто ткнуть молотком в черную, как испорченный зуб, сосулю.

Плохо, однако, смотрел Пылаев.

К изумлению и к радости моей, сталактит разлетелся, как стекло. Я ахнул. Передо мной сразу открылась щель,

в которую запросто можно было просунуть руку, что я сразу же и сделал.

Не камень там был, — земля! Ну пусть даже не земля, а все та же рыжая глина, какой и в гроте хватало, но ведь эта глина была оттуда!.. И еще я видел лунный свет, тоже бледный, сырой, но — настоящий. Он, этот свет, то покрывал глину синеватыми пятнами, то исчезал...

Я бил и бил в стеклянно потрескивающие сталактиты. Даже Женька заинтересовался, подполз, навалился сзади на мои ноги:

— Что там, профессор?

— Борюсь за свободу, — повеселел я.

— Свободы нет! — крикнул мне Женька.

— Зато есть свобода выбора, — упрямо ответил я. Это нам так говорила Надежда Ивановна. Она очень любила цитировать великих, а мы никогда не жаловались на память. Мы такие! Я чуть не подумал, как Женька: «Мы — Пылаевы». Но успел остановиться, поправил себя: «Зырянов — это тоже звучит...»

— Тебя сменить? — спросил Женька.

— Давай! — я задом выполз из ниши.

Руки дрожали, локти, на которых пришлось лежать, были стертые, ныли. Но сила ударов, наносимых Пылаевым по сталактитам, наполняла меня надеждой.

В ы б е р е м с я!

7

И я пробился на свет!

Я выполз из нашего мрачного обиталища.

Свет, плеснувший в глаза, был вял, белес, будто мир затопили простоквашей. Но даже такой, свет показался мне ослепительным. Я зажмурился, сбросил со спины какие-то корни, перепутанные мокрые сучья, выпрямился, как пещерный медведь после долгой спячки — как он выглядит этот наш, уже не подземный, мир?

Моросил мелкий противный дождь. Про такой говорят — затяжной, надолго... И было утро... Раннее, раннее... Ни одна пичуга еще не пищала... Лишь лунный свет, прорываясь в разрывы длинных лохматых туч, тяжело дрейфующих к востоку, мертво и ровно освещал дно промоины, над которой метров на пять поднимались совершенно отвесные бурые стены... Кое-где валялись свалившиеся сверху сучья, какие-то кости... «Кешкина коза...» — отметил я машинально. И повторил про себя: «Коза... Кешкина...»

Повторял и повторял, потому что сразу мне стало ясно — никакой нормальный человек в такую дыру не полезет, нечего делать в такой дыре нормальному человеку!..

Вон они — осины, уже чуть пожелтевшие, но живые; вон они — осины, раскачиваются себе на ветру; но попробуй, доберись до них! Это же надо снова отращивать крылья, снова придумывать — как стать птицей или стрекозой. Даже летучей мышью! — вздохнул я.

— Что? Что там?

Я оглянулся.

Размытым туманным пятном бледнело в глубине узкого лаза Женькино лицо.

— Что? Что там? — быстро повторял он. И по этой его торопливости сразу чувствовалось — надоело человеку сидеть в темноте, очень хочет человек увидеть то, что я уже видел!

Лучше бы не видеть!.. Я аж плюнул с досады. Выбраться из такой дыры, действительно, могла только птица. За всю историю Земли я тут, наверное, был первым... Вон как пусто в этом провале — ни звезды, ни человека. Голо...

Я сделал шаг, другой, и остолбенел!

Рядом с четким рубчатым отпечатком подошвы моего кеда, будто только что возникнув из ничего, ясно виднелся глубоко вдавленный в сырую рыжую глину след босой ноги, — босой ноги человека!

Тетрадь четвертая

ЧЕТВЕРГ

Чей след? — варианты. Женькин взгляд на вполне возможное будущее. Таинственная жизнь земляных червей. Перед восходом солнца. Привет из прошлого. Я слышу вопросы с неба. Кое-что о каменном Ухе. Несостоявшееся открытие. Цветной и прекрасный мир. Кешкина кепка.

1

Я, как уж, опять вернулся под землю. Камень сдавил плечи, навалился со всех сторон; показалось — все, сейчас застряну... Я заорал:

— Женька!

— Ну? — скучно откликнулся Пылаев.
— Там, Женька, след! — я свалился во тьму, нащупал Женькину ногу.
— Чей след? — так же скучно переспросил он.
— Ч е л о в е к а!
— Не мамонту же там ходить... Двадцатый век, Колька!..
— Что бы ты понимал, зануда! Там промоина, там яма обрывистая! В яму эту можно попасть только на парашюте! Откуда же там след?

Я не дал Женьке ответить. Я ликовал:
— Это до исторический след, Женька!
— «След! След!..» Ты лучше скажи, как мне им полюбиться?
— Пока не знаю, — честно признался я. — Но ведь полдела мы сделали!

— Полдела... — упал духом Пылаев. — Тебе что... Ты скоро в Таловке будешь, ты скоро попробуешь настоящей ухи... Не забудь хотя бы сказать людям: «Здесь, под этой горой, обитает бывший человек, а теперь троглодит — Е. Пылаев». Даже не под горой, а внутри горы... Пусть помнят люди бывшего человека... А учебники спустите мне через «губу» в резиновой камере. Я школу, наверное, буду здесь кончать, в подземелье. Смотришь, годиков этак через семь река вновь пересохнет...

— Хватит ныть! — приказал я. — Пробьемся! Обязаны пробиться! Этот след... Мы не имеем права не донести до людей такое открытие!

— А меня?

— И тебя тоже... Бери молоток!

2

В отверстие, с трудом, но пропускающее меня, Женька пролезть не мог — застревали плечи; и расширить отверстие нам никак не удавалось — сталактиты, такие хрупкие посередине, у основания оказались крепкими, как сталь. Женька продолжал их долбить, но уже так — по инерции.

А я сидел над таинственным следом.

В бледном сыром свете промоина казалась мрачной, тоже до исторической. Далеко вверху, по краям обрыва, топорщился дерн, раскачивались над ним вершины осин. «Птица не долетит», — подумал я, как Гоголь.

И снова наклонился над следом.

Если бы не стена, нависающая над ним, след давно бы

смыло дождями. Но троглодит умудрился пройти так, что отпечаток его мощной ноги не пропал, не затерялся в веках, а дошел до нас, до развитых, все понимающих, всем интересующихся людей двадцатого века...

Вот он, этот замечательный след!

Вон как далеко отставлен в сторону большой палец, вон как глубоко вдавлена в глину пятка! Охотник! Боец! Шел, побряхтывал, размахивал над головой грозной суковатой дубиной!

Правда, по известному закону — длина ступни человека составляет примерно пятнадцать процентов от его общего роста — выходило, что мой доисторический гигант особым ростом не отличался. «Да и зачем ему рост, — решил я. — Он бы голову разбил в пещере. Кепки-то у него не было...»

Я поднял голову.

Промоина по-утреннему парила.

Клубы сырого теплого пара медленно восходили над лохматыми обрывами...

Как там Пылаев?

Я подошел к дыре, ведущей под землю, крикнул:

— Женька!

— Ну? — донесся из-под земли угрюмый голос.

— Давай допьем чай!

— Тебе вынести? — так же угрюмо спросил Пылаев.

Я захохотал:

— Сам спущусь!

Но прежде чем лезть во тьму и сырость, я протолкнул туда пару корявых сухих сучьев.

Теперь у нас был настоящий костерчик. У костерчика мы, наконец, отогрелись, допили чай, догрызли последний сухарь, а потом — так нас сморило тепло — незаметно уснули...

3

Проснулся я от Женькиного бухтения.

Женька шарахался в темноте, спотыкался, то гасил, то включал фонарь — по стенам метались дикие тени.

— Что ты там делаешь?

— Ищу...

— Что ищешь?

— Кешкину кепку...

— Ну и ну! — подивился я. — Лучше бы долбил дыру.

— Этого занятия мне еще хватит...

Он помолчал, пошуршал чем-то и вдруг заявил:

— Хватит, Колька! Давай дуй наружу, меня не жди... Смотаешься в Таловку, принесешь еды, веревку, лом... Сам знаешь, — против лома нет приема!

— Если нет другого лома! — возразил я. — Герой нашелся!.. Если мы вернемся в Таловку, то вместе.

— Ты же сам видишь — не протиснусь я в этот лаз...

— Похудеешь — протиснешься.

— А может, и правда? — обрадовался Женька неожиданному варианту. — Сколько дней человек может жить без пищи?

Я прикинул и вздохнул:

— Ладно, полезу...

— Одного жалко... Станет известным вход, сюда туристы полезут. Поломают все сталактиты, воду загрязнят... И зачем мы только сюда спустились...

— А мы этот выход замаскируем, ветками забросаем, и не будем его отмечать на карте.

— Кешка настырный. Он, если захочет, найдет...

— Чего же ты его колотишь по всякому поводу?

— Я — Пылаев. Мне можно.

Мы помолчали. Надо было вставать — Женьке долбить выход, мне взбираться на обрыв, но как-то не хотелось нам расставаться. Пылаев пододвинулся ближе и спросил:

— А почему, Колька, ты решил, что этот след доисторический?

— Ну почему... Большой палец отставлен в сторону, — перечислил я, — шаг короткий, поступь уверенная... Сразу видно — хозяин шел.

Мы опять помолчали.

— А те кости, что там валяются, — спросил Женька, — они не человеческие?

— Не похоже, — засомневался я. — А ты думаешь, они, троглодиты, могли быть людоедами?

— Не знаю, — вздохнул Женька. — Тут станешь... — И совсем упавшим голосом добавил: — Пройдут века, и в этой пещере археологи найдут мой скелет...

— А куда это, интересно, ты мой дел?

— Твой... ушел! Своим ходом.

— Считаешь, я способен бросить товарища?

— Да нет, — мрачно пояснил Женька. — Ты не бросишь. Ты просто уйдешь за помощью, а обратного пути к пещере не найдешь. Ну а меня погубят опасные виды пещерных микробов.

— Нет тут никаких микробов. Вода, Женька, — лучший санитар! Не за что тут уцепиться микробу.

— За меня зацепится...

Он подумал и спросил:

— За сколько лет, интересно, вода промыла эту пещеру?

— Подсчитай... В среднем за год вода может растворить около сорока миллиметров таких вот рыхлых пород.

Женька заржал:

— Сорок миллиметров!.. Этак у нас были бы не пещеры, а узенькие лазейки.

— За миллионы-то лет?

— Да и за миллионы...

Плохо был Женька настроен. Ничему не поверил, как я ни доказывал. Дошло до того, что мы чуть не сцепились. «Нет, — говорит он, — никаких тайн! И зря, — говорит, мы тут протираем наши брезентовые штаны! Все давным-давно изучено настоящими учеными!» — Я говорю: «Чепуха! Это в тебе говорят пробелы в знаниях!» — А он так ехидненько: «Докажи!.. Вот, к примеру, какие тайны могут быть у... земляных червей?»

Тут я обрадовался:

— Попался!.. Об этих земляных червях ученые до сих пор спорят. Нет ведь у них глаз, у червей, а вот лист в норку они всегда тянут верхушкой вперед. А если попадутся им сосновые иглы, которые всегда растут парами — тянут за основание. Даже с бумажкой справляются — опять же тянут ее в норку острым углом вперед.

— Тоже мне тайна! Так удобнее...

— Это еще не все... Дождевые черви, сам знаешь, не очень-то любят вылезать на свет, а вот после дождя они — замечал? — так на земле и выются. И ведь никогда, Женька, они с этих прогулок под землю к себе не возвращаются. Гибнут... И никто до сих пор не знает — почему?

— Тоже мне тайна! Воды боятся. Или не хватает им кислорода.

— Если бы... А еще вот в Югославии, в пещерах, живет такое существо — протей. Оно длинное, вроде ящерицы. Желто-белое, противное, но зато есть у него и плавники, и крохотные лапки. А тайна — то, как протей размножается. Может, яйца откладывает, может, рождает живых детенышей... Некоторые думают, что протей — это вообще не самостоятельное существо, а нечто вроде личинки совсем неизвестной нам, может быть, даже давным-давно вымершей твари...

— Тебя не переговоришь. Все. Встали!

Я, как земляной червь, снова выполз в свою промоину. Все так же моросил мелкий настырный дождь.

«Неужели не влезу? — подумал я, осматривая обрывы. — Неужели так и будем жить под землей?..»

Но на невезение мне пожаловаться было трудно.

Обходя по периметру свою ловушку, внимательно исследуя каждую трещину, под бурными глинистыми натеками я неожиданно рассмотрел, даже не рассмотрел, а угадал неясные очертания большого... быка!

Аж сердце зашлось! Вот оно — главное доказательство! Вот что окончательно подтвердит доисторическое происхождение найденного мною следа!

Крупными открытиями хвастать не положено. Крупные открытия всегда говорят сами за себя. Но удержаться я тоже не мог: ведь это впервые в моей жизни и, может быть, в последний раз!.. Вот почему я вернулся к дыре, присел на корточки, негромко позвал:

— Евгений!

— Ты еще здесь? — угрюмо спросил Женька из-под земли.

— Так вот... Ты слышишь?.. Нашел я подтверждение...

До исторический он, этот след!

— Прикинул на пальцах?

— Нет. — Я старался говорить с достоинством, четко выговаривая каждую букву. — Нашел доказательства.

— Какие? Подпись? «Троглодит из Таловки»? Или дату? «Пятьсот тысяч лет до вашей, о люди, эры!»?

— Нет, Женька... Не подпись, и не дата... Но доказательство вещественное... Рисунок! Рисунок доисторического быка!

— У него что, пять ног или голова двойная? Почему он доисторический, а скажем, не колхозный?

— С т и л ь, Женька, — пояснил я туманно.

Вот тут Пылаев и взбесился. Так бешено заработал молотком, что в лицо мне полетела каменная крошка. Да еще Пылаев кричал при этом:

— Сам ты бык! Тебя надо изолировать в отдельной пещере!

Я не обиделся. Обычная история. В своем отечестве проковок не признают, всем известно.

В общем, все как всегда — открытия мои будут оценены потомками...

Женька будто прочитал мои мысли:

— Ты, профессор! Оставь свои открытия для потомков. Я есть хочу!

От возмущения я чихнул. Громко, как доисторический бык.

И услышал такое же громкое:

— Кто чихает?

— Не зарывайся, Пылаев! — я, наконец, обиделся. — А то я тебя и правда изолирую. Даже эту дыру закидаю корягами.

— Кто, спрашиваю, чихает?

— Дожил!.. — фыркнул я, наклоняясь к дыре. — Уже и понять не можешь — кто...

Вместо ответа Пылаев запустил в меня обломком сталактита. Я увернулся и вновь услышал:

— Кто чихает? Спрашиваю в последний раз!

Тогда до меня дошло: голос доносился сверху.

Ну конечно!

Вон оно, над обрывом — круглое, как у Женьки, такое же хитрое, типично пылаевское лицо...

— Не видишь, что ли?

— Теперь вижу, — сварливо заявил Кешка. — А где толстый?

— Женька?

— Для тебя Женька, для меня — толстый!

— Женька здесь. Собирает коллекцию.

— Ты ему крикни, пусть заберет мою кепку!

— Ха, кепку! Была она там...

— Была! И сейчас там, если вы ее не свистнули. Совсем новая, хорошая кепка!

— Ты чего сюда притащился? — спросил я прямо.

— Как это — чего? — удивился Кешка. — За вами.

— Откуда тебе знать — где мы?

— Да с ваших же слов и знаю, — еще больше удивился Пылаев-младший и очень похоже передразнил: — «В той дыре мы ведь звезду видели?..» Другой бы не понял, а я сразу попер с юда!

— Можно подумать, что ты и здесь побывал!

— А и думать нечего. Можешь посмотреть. Я там где-то нарисовал нашу козу. Ну ту, что у нас потерялась... — Кешка ловко, как обезьяна, примостился на краю обрыва, свесил вниз босые черные пятки: — Где-то там, под обрывом... Лучше смотри!

— Ничего тут нет, тут глиной все затекло, — боролся я за свое открытие.

— Ага, затекло! Значит, был рисунок! Я, правда,

особенно рисовать не умею, мою козу можно принять за быка, но она и была такая... Ох, вредина!

— Ладно,— смирился я.— Есть здесь рисунок. Я думал, он — доисторический.

— Да ну,— ничуть не обиделся Кешка.— Какой он доисторический? Просто я не умею рисовать.— И зашевелился, заболтал ногами: — Вы там скоро, а то мне вас вести через весь лес. Да и Фарида надо успокоить, так и крутится под аркой, все ждет — когда вы всплывете.

— Что ж ты его бросил?

— Я же говорю,— нетерпеливо повторил Кешка,— как услышал вас, так и попер сюда, к дыре, через которую вы видели звезду. Я ее тоже видел.

— Подожди,— попросил я.— Дыра... Звезда... Давай по порядку. Как это ты мог нас услышать, мы же были в пещере!

Кешка ловко сплюнул, прямо мне под ноги:

— А сквозь Ухо... Сквозь каменное... Оно, наверное, в пещеру ведет... Вы когда заговорили, Фарид чуть не чокнулся!

— Подслушивали? — прищурился я.

Кешка пожал плечами, опять очень похоже передразнил:

— «Ты на мышей взгляни!.. Они же спят, Женька!..» Здорово вы драпанули, а?

— Не драпанули, а отступили... перед силой стихии!

— Вот я и говорю: драпанули!

А я подумал: «Ладно. Каменное Ухо — это тоже открытие... В будущем через него можно держать связь...»

— Я говорю Фариду,— бормотал вверху Кешка: — «Ты жди своих утопленников, а я пошел искать толстяка...»

— И Фарид тебе по уху не дал? — не поверил я.

— Мне сколько дашь, столько и получишь. А потом — Фарид поумнее вас, он мне показал свой телескоп. Ничего штука!

Я отвернулся, присел на корточки, крикнул в лаз:

— Женька! Тут пришел Кешка!

— Что ему надо?

— Говорит, за нами!

— А Фарид сварил уху?

Я выпрямился, крикнул:

— Кешка! Фарид сварил уху?

— Ага.

— Вкусная? — спросил из-под земли Женька.— Из харюзов? Травку он в бульон бросил?

— Из харюзов, — передал я Кешкин ответ. — Бросил!
— Нормально... — я слышал, как Женька сглотнул слюну.
А Кешка заторопился:
— Кончайте свою коллекцию, Фарид ждет!
Пришлось признаться:
— Не можем мы быстрее. У нас тут... Женька застрял!
— Толстый? Ну вот! Я же говорил! — и Кешка залился своим низким басовитым смехом, так похожим на смех его отца.

5

Я дяди Гришин смех хорошо помню.
Сижу прошлой зимой дома, учу историю крестовых походов, вдруг вваливается Пылаев:
— Чего сидишь? Ждут же тебя!
— Кто?
— Идем, увидишь.
Но я сперва прижался носом к стеклу.
Точно, лошадь стоит, в сани запряжена. На санях — рогожа, вся белая, и морда у лошади в инее — вся белая, и тулуп на мужике — белый.
— Это ко мне?
— Ага, — Женька бросил мне шапку, шубу, чуть не силой выволок на улицу: — Вот он, дядя Гриша! Вот!
— Кто? — спрашивает дядя Гриша.
— Николай Николаевич Зырянов. Будущий палеонтолог.
— Ишь ты! — дядя Гриша даже лоб потер. — Сам-то ты понимаешь эти слова?
— Запросто!
— Вот и приступай, сгружай кости!
А меня спрашивает:
— Зачем тебе столько костей? Ты что,пустишь их на удобрения?
— Дядя Гриша! — опять замахал руками Пылаев. — Какие удобрения? Это же окаменевшие кости! Окаменевшие!
— Зачем же я вез их?
— А чтобы помочь науке! Зырянов, он, знаешь, по одной кости может сказать — бегал такой зверь или плавал, как рыба.
— Ну-ну, — заинтересовался дядя Гриша. — Пусть-ка ученый и скажет мне, чья это кость? — и сдернул с саней ро-гожу.

А под рогожей лежали три ребра. Желтые, мощные, метра полтора — каждое.

— С карьера везу, — пояснил дядя Гриша. — Женька вот написал, кто-то ими интересуется... — И уставился на меня: — Ты?

— Я.

— Ну, что молчишь? Что за зверюга?

Я струсил: как отвечать? Я ведь не Кювье, это Женька считает, что я все умею, все знаю. Как его подводить?.. Рубанул я сплеча:

— Мамонт!

— Ишь ты! — просиял дядя Гриша. — Не зря учитесь. Хвалю. — И вытащил из кармана «Север»: — Закурите?

— Что ты! Что ты! — запрыгал Женька. — Мы на режиме. Спорт!

— Да-а-а? — покосился на племянника дядя Гриша. — Сгружайте свое добро. Некогда.

— Может, чаю попьете?

Это дядю Гришу рассмешило.

Смеялся он хорошо — низко, басовито. Лошадь давно, видимо, к его смеху привыкла, но все равно повернула голову, сверкнула влажным веселым глазом...

6

Вот и Кешка так хохотал — низко, густо.

Зло меня взяло. Быка доисторического отнял, на глине наследил, влез в пещеру без разрешения, да еще хохочет! Но если бы не этот его смех, Женька, наверное, и сейчас бы сидел в пещере. А тогда я осмотрелся и вывернул из завала толстенную корягу.

— Берегись! — крикнул я Женьке и шарахнул комлем по сталактитам.

Наверху один Пылаев, внизу — другой. Следят, смотрят. Только я тружусь, как горный комбайн.

Но вытащил я Пылаева. Женьку, конечно.

А он не успел глаза протереть, кулак Кешке показывает:

— Где были — дяде Грише ни слова! Шкуру спущу!

— С меня спускали, — не испугался Кешка.

— У меня свой способ. Тебе не понравится.

Кешка сплюнул:

— Будь нужда, я бы вас заложил в первый день. Только подумал — все равно испугаются, что им делать в пещере? И еще подумал — может, принесут кешку.

— Про кепку забудь. Не было ее у тебя, придумал!
— А за что же меня драл отец?
— За характер!
— Неправда, — Кешка подобрал ноги, лег на край обрыва, свесил вниз голову: — От мышей вы шли каким ходом?

— Пешим! — заявил Женька. Но я его оборвал:

— Левым. Тем, что посуше.

— Ну вот. А я шел правым. Мне ведь все равно было — они оба тогда были подтоплены.

— Иннокентий, — строго спросил Женька, — веревка у тебя есть?

— Нету.

— А сюда, козу рисовать, ты как спускался?

— По веревке.

— Ну, так где она?

— Дома, наверное.

— А что у тебя в руке?

— Топорик.

— А хлеб, сало, лук? Что-нибудь пожевать ты при себе имеешь?

— Нет! Да я и не хочу. Завтракал.

— Ел уху?

— Ага.

— Н а ш у?

— Наверное.

— Ну и как? Может Фарид готовить?

— Нормально!

— Ну вот что, — обозлился Пылаев. — Вали, Иннокентий, осину. Вон ту, сухую. Она, видишь, какая длинная! И к яме наклонена.

— Зачем?

— Затем, что мы тоже хотим ухи! А за веревкой тебя посылать — взбесишься!

Кешка кивнул, встал легко, исчез за кромкой обрыва.

— Не уйдет? — поежился я.

— Ну, знаешь, — прогудел Женька. — Мы — Пылаевы! И, правда, сверху донесся стук топора.

Женька пытался подавать советы, но Кешка его не слушал. Он сам вырос в лесу, топор был хорошим продолжением его рук. Меньше чем за четверть часа осина послушно рухнула вершиной вниз прямо в провал, как лестницей соединив нас с почти потерянным нами миром.

Женька лез первый.

Осина торчала почти вертикально, прогибалась, дергалась, но Женька пер наверх, как медведь, а забравшись на обрыв, сразу протянул мне руку.

Вот он — наш мир!

Дождь все еще моросил, и тучи низко плыли над лесом, но я сразу увидел, как не похоже все это на то, что лежит теперь там, под землей, под нашими ногами. После сырой тьмы, после диких теней, рожденных фонариком, все здесь казалось цветным, ярким. Вот, например, куст шиповника. Ягоды на нем красные, лист зеленый, а колючки даже не коричневые, а рыжие!

А Женька...

Я подумал, он сразу даст Кешке по затылку, с таким видом он на него двинулся. И Кешка, наверное, так решил — побледнел, отступил на шаг.

Но Женька и тут Женькой остался: захохотал, сорвал с головы свою подбитую байкой грязную кепку, надвинул ее оторопевшему Кешке на самые глаза:

— Держи! Твоя! Заслужил!

**ПРИПИСКА
НА
ПОЛЯХ:**

Показал я эти записки Женьке. — «Ничего, — говорит, — запас слов у тебя обширный. О мышах, о червях земляных исписал почти четыре тетрадки... А Фарид? Где Фарид? Он что, не был с нами в Таловке?» — Я возмущился: не полез же Фарид под землю, не доставил веревку к «губе»!.. Но, подумав, решил — прав Женька. Сидеть всю ночь под аркой, глядеть, как вливается в пещеру вода — тоже не сладко...

А в пещеру мы больше не попали, — дожди, на радость дяде Грише, ударили такие, что и главный вход, и провал, найденный нами, затопило. Да еще с Фаридом приключилась история... Но о ней я расскажу после... Так что —

Пока!

До встречи с Фаридом!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЭТИ ВЕЧНЫЕ, ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ!

Тетрадь первая. ПЯТНИЦА.— Холодный декабрь и старая карта. Первый должитель Тайги. Линза для рефрактора. Прохождение звезды Спики. Счастливы ли страус и птица дронт? Несколько слов о моей теории. Зануда В. И. и астрономическая задача. Я рисую на снегу себя и Катьку.

4

Тетрадь вторая. СУББОТА.— Задача о звезде и спичке. Манькины притязания на арктических обезьян. Материальный носитель наследственных свойств. Женька Пылаев, Манька Пылаева, все Пылаевы. Негр на Северном полюсе. «На деревьях напухли бочки». Я жалею нашего Должителя, но молчу.

16

Тетрадь третья. ВОСКРЕСЕНЬЕ.— Цепная реакция. Мыслящая морковка. «Впусти Фингала, он нас спасет!» История мальчика, который носил юбку. Крупная рыба для маленьких пирожков. Воображаемое ружье, воображаемые волки, воображаемый орден. Шхуна в полярных льдах. Еще раз о золотых руках Женьки Пылаева и о том, как закончился длинный вечер.

28

Тетрадь четвертая. ПОНЕДЕЛЬНИК.— «Не пускайте в мой сон Козу!» Роковой жребий. Третий акт четырехактной пьесы. Фарид заскучал. Биолог Навашин и первый любительский телескоп в стране. Ищу книгу. «Наши длиннорылые предки». Теплый и красивый Катькин локоть. Виромбоикосододекаэдр и другие формы. Ночная звезда в окне.

36

Тетрадь пятая. ВТОРНИК.— Спорт есть спорт! Овчарка с паспортом. Бык — корова другого пола. Рыбка-перерожденец. Предки спортсмена Смолина. Хищник под парусами. Космическая палеонтология. Клетка для Катьки. Запоздавшее открытие. Что мне сказала Людмила Даниловна. Спортсмен завидует.

49

Тетрадь шестая. СРЕДА.— Манька осмысливает проблему арктических обезьян. Праздничный мусор. Превращение козы в девочку. Месть судьбы. В темном классе, на светлой сцене. Прощание в снежный вечер. Утешение: Фарид рад. Эти вечные, вечные вопросы.

59

ПРИПИСКА НА ПОЛЯХ

73

ГИПСОВЫЕ САДЫ, КАМЕННЫЕ СИЯНИЯ...

Тетрадь первая. СРЕДА.— Бивак под каменным Ухом. Кешкина кепка. Мы идем на дно моря. Последний костер. Гул подземной грозы. «Привет троглодитам!» Мы — Пылаевы... Любимая карта. История с кораблем Робинзона. Горячий суп для полярных исследователей. Настоящий мужчина. «Я, дядя Боб...» Мое удивление: где Фарид? Наше низвержение в бездну.

76

Тетрадь вторая. СРЕДА.— Мы подсчитываем припасы. Урок кольцевания. Шаги во тьме. Турист из страны антиподов. Часы Е. Пылаева. Тайна горы Бинаратан. Несколько слов о несущем тресе. Большое, большое, большое пространство. Хитрые японцы. Подземные призраки. «Колька, сюда!.. Выход!»

93

Тетрадь третья. СРЕДА.— Звезда в ночном колодце. От пирамиды Хеопса до пирамиды Зырянова. Любовь времен крестовых походов. Странное поведение летучих мышей. Подземные Робинзоны. Гипсовые сады, каменные сияния. Борьба за свободу. Я рассказываю о живой кладовой. Доисторические следы.

110

Тетрадь четвертая. ЧЕТВЕРГ.— Чей след? — варианты. Женькин взгляд на вполне возможное будущее. Таинственная жизнь земляных червей. Перед восходом солнца. Привет из прошлого. Я слышу вопросы с неба. Кое-что о каменном Ухе. Несостоявшееся открытие. Цветной и прекрасный мир. Кешкина кепка.

123

ПРИПСКА НА ПОЛЯХ

134

**Геннадий Мартович
Прашкевич**

ТРОЕ ИЗ ТАЙГИ

*Повесть для среднего
и старшего школьного возраста*

Редактор *А. Б. Шалин*
Художник *С. В. Калачев*
Художественный редактор *В. П. Минко*
Технический редактор *Н. Т. Федорова*
Корректор *Т. Ю. Сенокосова*

ИБ № 1563

Сдано в набор 25.04.83. Подписано в печать
11.08.83. МН15571. Формат 60×84/16. Бум. тип.
№ 2. Гарнитура школьная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 7,9. Усл. кр.-отт. 8,13. Уч.-изд. л. 8,1.
Тираж 30000 экз. Заказ № 43. Цена 40 к.

Западно-Сибирское книжное издательство, 630099,
Новосибирск, Красный проспект, 32. Полиграф-
комбинат, 630007, Новосибирск, Красный про-
спект, 22.

Прашкевич Г. М.

П70

Трое из Тайги.— Повести.— Новосибирск: Западно-
Сибирское книжное издательство, 1984.— 136 с., ил.

Повести посвящены веселым приключениям трех друзей из сибирского
городка Тайга.

П 70803—003 65—84. 4803010102
М143(03) — 84

P2

40-00

Цена 40 коп.

